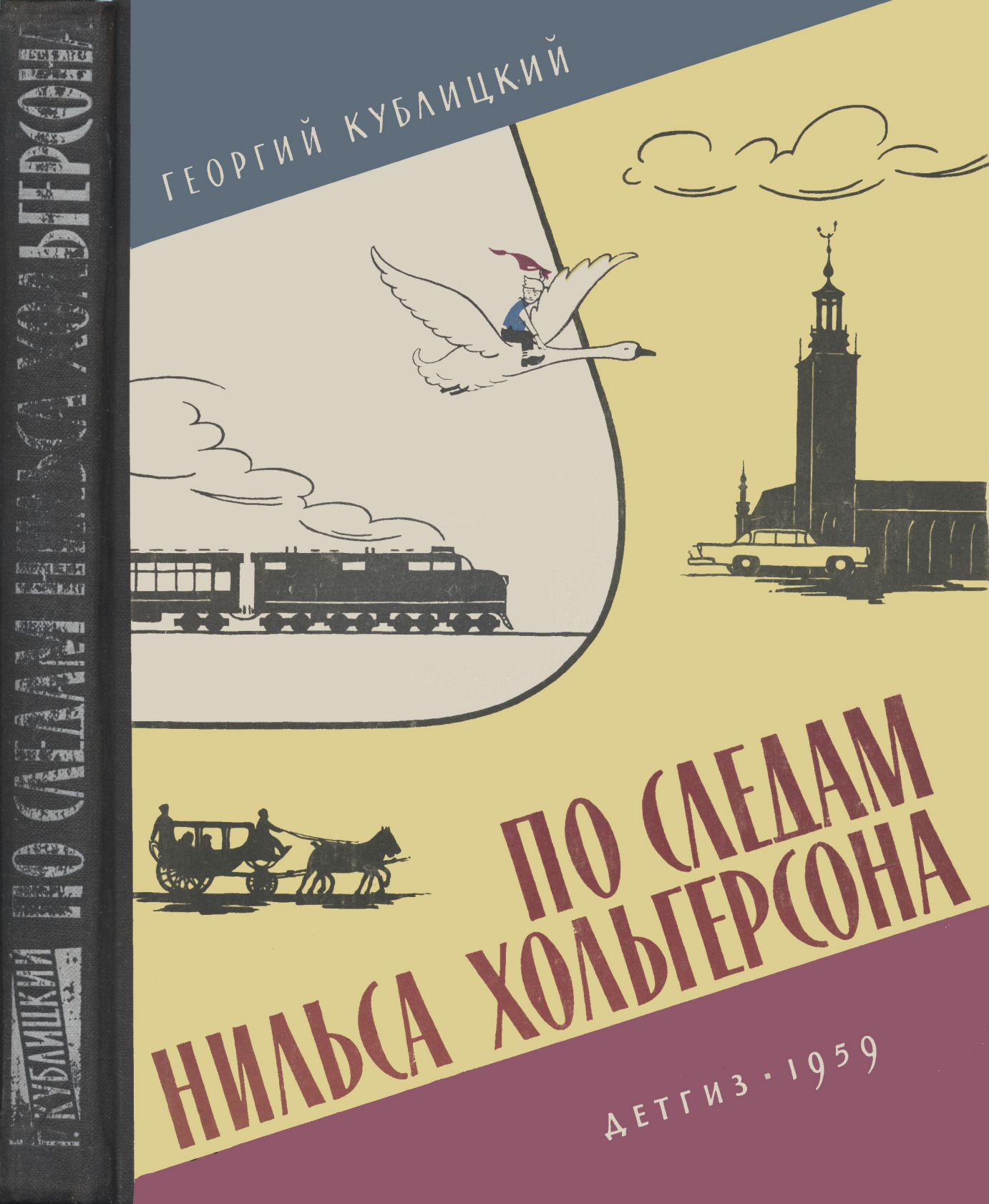
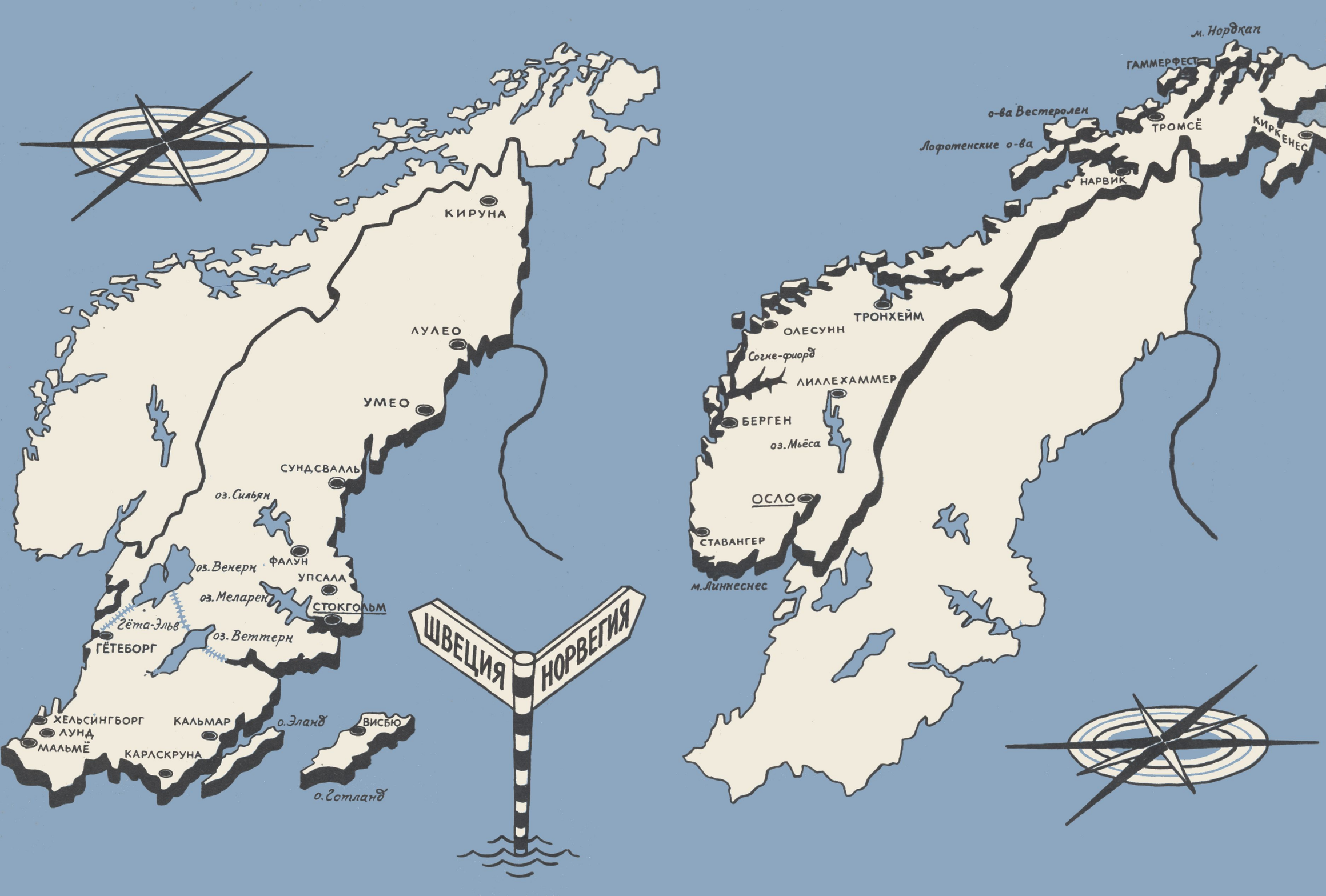

ГЕОРГИЙ КУБЛИЦКИЙ
ПО СЛЕДАМ НИЛЬСА ХОЛЬГЕРСОНА
ДЕТГИЗ · 1959
КУБЛИЦКИЙ
ПО СЛЕДАМ НИЛЬСА ХОЛЬГЕРСОНА


КИРУНА
ЛУЛЕО
УМЕО
СУНДСВАЛЛЬ
оз. Сильян
ФАЛУН
оз. Венерн
УПСАЛА
оз. Меларен
СТОКГОЛЬМ
Гёта-Эльв
оз. Веттерн
ГЁТЕБОРГ
ХЕЛЬСИНГБОРГ
ЛУНД
МАЛЬМЁ
КАЛЬМАР
о. Эланд
ВИСБЮ
КАРЛСКРУНА
о. Готланд
ШВЕЦИЯ
НОРВЕГИЯ
м. Нордкап
ГАММЕРФЕСТ
о-ва Вестеролен
ТРОМСЁ
КИРКЕНЕС
Лофотенские о-ва
НАРВИК
ТРОНХЕЙМ
ОЛЕСУНН
Согне-фиорд
ЛИЛЛЕХАММЕР
БЕРГЕН
оз. Мьёса
ОСЛО
СТАВАНГЕР
м. Линкеснес

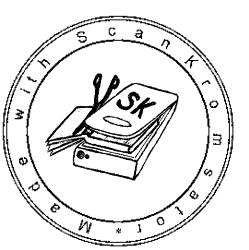
Георгий Кублицкий

По следам Нильса Хольгерсона

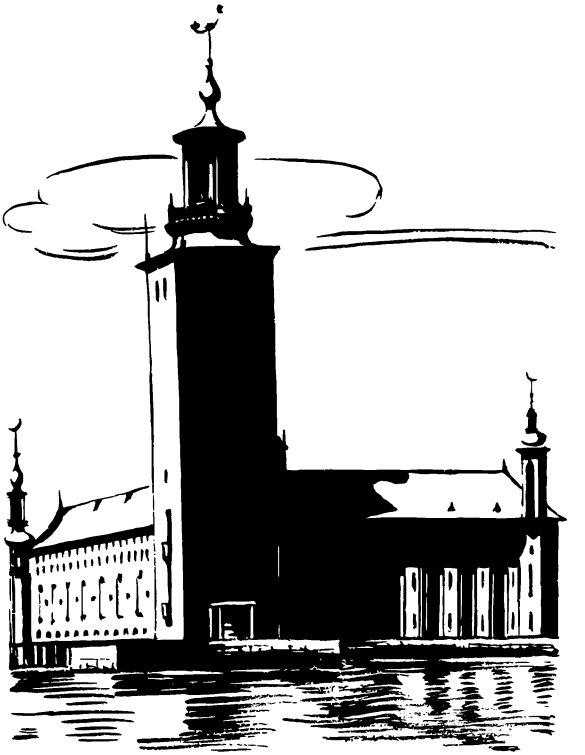
Путешествие по Швеции и Норвегии

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1959

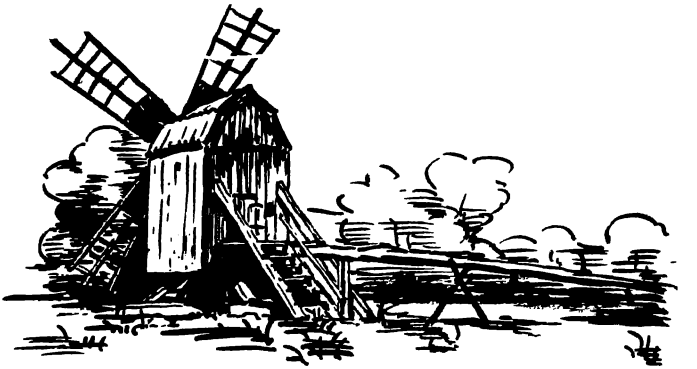
Оформление
В. Добера



Scan AAW



ПО СЛЕДАМ НИЛЬСА ХОЛЬГЕРСОНА



Следы начинаются на юге

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С НИЛЬСОМ!

Утром воскресного весеннего дня Нильс Хольгерсон остался дома один. Родители, уходя, посадили его за книгу. Он должен был прочесть, да еще и запомнить четырнадцать с половиной страниц скучнейших проповедей!

Трудно сказать, на какой именно странице сон окончательно одолел Нильса — возможно, что даже на первой. А дальше произошли самые невероятные события...

Но сначала познакомимся с Нильсом Хольгерсоном. Когда началась вся эта история, ему было около четырнадцати лет. Возраст немалый. Однако никто не говорил о Нильсе: «Смотрите, смотрите, какой славный парень вырос у Хольгерсонов!» Дернуть за хвост кошку, посадить осу корове в ухо, разорить гнездо, обидеть того, кто послабее,— вот что было для него первейшим удовольствием.

Кроме того, паренек любил поспать и поесть. При таких достоинствах своего чада отцу с матерью только и оставалось, что отдать Нильса в гусиные пастухи.

Впрочем, пастух из него тоже получился неважный: гусей он старался почаще потчевать хворостиной.

Что еще можно сказать о Нильсе? Да, самое-то главное: Нильс Хольгерсон был шведом и жил в Швеции несколько десятков лет назад. В этой стране с ним все и приключилось.

Началось с того, что Нильс, протерев глаза после сладкого сна над книгой, увидел чура.

Чур у шведов — все равно что домовой у русских. Но, может, вы и о домовом ничего не слышали?

А помните у Пушкина:

Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Раньше люди верили, что в каждом доме есть свой волшебник, который охраняет семью от беды. Но если его обидят, то он приносит несчастье. Живет домовой где-то под полом — маленький, косматый...

Нильс, значит, и увидел чура — старого карлика в длиннополом сюртуке и черной шляпе. Мальчишка не испугался волшебника. Схватив сачок для мух, Нильс ловко накрыл им карлика.

Чур тщетно пытался выбраться из ловушки, потом предложил Нильсу выкуп. Тот согласился. Однако, когда чур почти выкарабкался из сачка, Нильс вдруг передумал. Почему бы не взять выкуп побольше? И пусть чур сделает так, чтобы проповеди заучивались сами собой!

Нильс встряхнул сачок. Но было поздно. Чур оказался на свободе. Разъяренный жадностью мальчишки, он закатил Нильсу здоровенную оплеуху. А когда Нильс очнулся, то с ужасом почувствовал, что волшебник превратил его в ничтожнейшего карлика. Нильс оставался Нильсом, даже вязаный колпачок не слетел с его русой головы, но рост, рост!

Дрожа от страха, мальчуган принялся разыскивать чура, чтобы выпросить у него прощение. Сначала он искал в комнате, заглядывая даже в мышиные норки, потом вышел во двор.

Был чудесный день. В синем небе летели на север перелетные птицы. Над вдавленной в землю белой избушкой с соломенной крышей, над убогим крестьянским двором родителей Нильса косяк за косяком проносились дикие гуси.

Странное дело: Нильс, превратившись в карлика, стал понимать, о чем говорят между собой птицы и животные. Дикие гуси звали домашних птиц лететь с ними к заманчивым высоким горам. Но домашним гусям не хотелось покидать привычный тесный двор и уютную канаву ради жизни, полной опасностей. Лишь сильный молодой гусак Мартин вдруг расправил крылья:

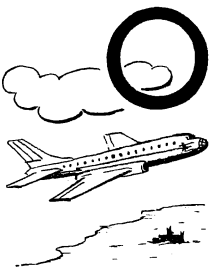
— Подождите меня, подождите, я полечу с вами!

Нильсу это совсем не понравилось. Забыв о том, что он теперь всего-навсего жалкий карлик, Нильс бросился к птице, схватил ее за шею и закричал:

— Не смей улетать, слышишь?!

Но гусак расправил крылья и вместе со вцепившимся в него Нильсом поднялся в воздух: он хотел видеть далекие неведомые горы!

О ЧЕМ ЭТА КНИГА



Об этом невероятном происшествии и о дальнейших приключениях Нильса в стае диких гусей я впервые услышал давно, когда сам был, пожалуй, младше попавшего в беду мальчугана. Узнал я о них из книги, которая называется «Чудесное путешествие Нильса Хольгерсона с дикими гусями».

Эту книгу написала знаменитая шведская писательница Сельма Лагерлёф. Книгу перевели на многие языки. Каждый шведский школьник знает ее не хуже, чем наши ребята знают произведения Пушкина.

Путешествуя со стаей диких гусей, Нильс Хольгерсон побывал чуть не во всех замечательных местах Швеции. Читая книгу, можно было узнать о том, как живут шведы, какие у них обычаи, какие города и села.

...Много лет спустя после книжного знакомства с Нильсом Хольгерсоном мне довелось поехать в его родную страну.

Я, конечно, готовился к поездке: обводил на картах красным карандашом кружки городов, которые мне хотелось увидеть, читал книги о Швеции. Учил, как надо говорить по-шведски: «здравствуйте», «пожалуйста», «до свиданья», «извините». И, конечно, разыскал книгу о приключениях Нильса Хольгерсона.

Перечитывая ее, я радовался, что смогу побывать во многих городах, где Нильс, путешествуя с дикими гусями, попадал во всевозможные переделки. Наверное, многое изменилось с тех пор, и можно будет сравнивать, как было и как стало.

Наконец наступил день отлета в Швецию.

Я знал, что, конечно, увижу и узнаю куда меньше, чем Нильс. Нильсу-то было хорошо: он говорил по-шведски, как мы с вами по-русски, да еще после превращения в карлика без всяких словарей и разговорников стал болтать со зверями и птицами на их языках. А мне и шведу, сидевшему в соседнем кресле самолета, нужно было подыскивать слова на чужом и для меня и для него английском языке, чтобы познакомиться и хоть что-то узнать друг о друге.

Кроме того, Нильс летал на неторопливом гусаке, который, для того чтобы набить зоб, садился в самых интересных местах и не торопился

лететь дальше. Наш же шестидесятичетырехместный «гусак» для начала пролетел без посадки многие сотни километров, и все, что было внизу, слилось для меня в зеленовато-бурый вылинявший ковер.

Наконец «гусак» приземлился. Открылась дверь кабины, и я ступил на бетон, прикрывавший этот кусочек шведской земли. Чиновник, носильщик, другой чиновник улыбались мне самым приятным образом. Впрочем, так же любезно они улыбались и всем другим пассажирам.

Я поехал в гостиницу, вертя головой вправо и влево. Масса магазинов и лавок — они, кажется, занимают все нижние этажи неширокой улицы. Над каждой лавкой — вывеска: не только чем здесь торгуют, но и кто хозяин: «А. М. Ларссен», «Н. Мюрдаль», «Таге Меллер»... Народ на улицах светловолосый, рослый, очень мало толстых. Жарко, но пожилые джентльмены вышагивают в костюмах с жилетами, застегнутыми на все пуговицы. У некоторых щеки надежно подперты твердым белым воротничком с отогнутыми уголками. А рядом — дылды в брючках и «сюжетных» пестрых рубашках, на которых нарисованы и пальмы, и старинные дилижансы, и японские красавицы, и желтые цветы подсолнуха, и невесть что еще...

Стоп! Гостиница. Снова самые приветливые улыбки.

И столь же любезен и приветлив служащий бюро путешествий, куда я иду на следующий день. В этом бюро не видно людей с рюкзаками, нет никакой толкотни и веселого шума. За солидным дубовым барьером — солидные служащие. Похоже скорее на банк, чем на туристскую контору. Но зеркальные стекла украшены знаком туристской фирмы: три гуся летят в синем небе. На полочках разложены маленькие, в несколько страниц, книжечки с яркими картинками. Это путеводители для поездок по стране. В заголовке одного из них мелькнуло знакомое имя: «Нильс Хольгерсон».

Я попросил, чтобы мне перевели. Служащий бюро путешествий склонил над книжечкой голову с тщательно расчесанным пробором, несколько секунд полистал страницы и поднял глаза:

— Господин русский путешественник, это имя одного сказочного персонажа...

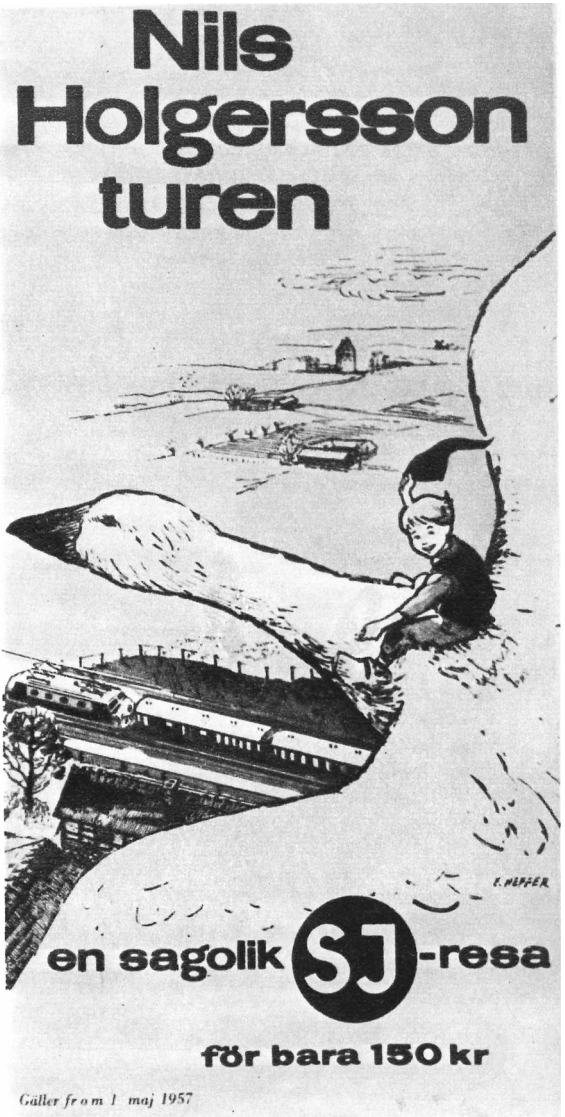
Я сказал, что в юные годы был немного знаком с Нильсом.

— О, в таком случае вам это будет интересно! — оживился служащий.— Фирма предлагает господам туристам совершить путешествие по маршруту Нильса Хольгерсона. Тут написано: «Сказочное путешествие — и всего лишь за сто пятьдесят крон».

Служащий стал объяснять мне, насколько это увлекательно и, главное, выгодно:

— Вы будете ездить в поезде и можете делать остановки в любых городах.

— Но ведь Нильс путешествовал по воздуху!



Обложка книжки сулила сказочное путешествие всего лишь за 150 крон.

— О, по воздуху — это дорого! Но мы даем нашим клиентам возможность немножко испытать то, что испытывал Нильс. За пять крон — всего за пять крон! — вы можете прокатиться в вагонетке Орской канатной дороги. Это почти так же высоко, как летят гуси, даже, пожалуй, выше. Вот тут написано, что турист «вероятно, сможет пережить что-нибудь из ска-

зочного путешествия во время своей поездки, которая познакомит вас со многими достопримечательностями и большими контрастами». И всего только сто пятьдесят крон. Если вы предпочитаете ехать в первом классе — двести двадцать крон. Билет действителен два месяца.

Очень соблазнительно! Но, приглядевшись к карте, я увидел, что маршрут Нильса оставляет в стороне много мест, где мне хотелось побывать. Как видно, нужны будут и иные пути-дороги, не совпадающие с гусиными...

— Если господин русский турист помнит книгу о Нильсе Хольгерсоне,— продолжал между тем любезный служащий бюро путешествий,— то там в одном месте девушка просила гусей, чтобы они взяли ее с собой. Но Нильс ответил за них: «Не в этом году! Не в этом году!» Наша фирма надежнее гусей. Мы, напротив, говорим: «Пожалуйста, именно в этом году! Только сто пятьдесят крон!»

И я поехал по стране Нильса Хольгерсона.

Обо всем, что мне удалось увидеть, услышать и узнать во время путешествия по Швеции, а затем по соседней с ней Норвегии, и рассказывается в этой книге. С теми местами, где Нильс был, а мне побывать не удалось, меня знакомили книги и рассказы знающих людей.

Я назвал свою книгу «По следам Нильса Хольгерсона», хотя в Норвегию стая мудрой гусыни Акки из Кебнекайсе вовсе не залетала, а мой маршрут по Швеции сильно отклонялся от извилистой линии воздушного путешествия Нильса. Если вы читали книгу Сельмы Лагерлёф, то сами заметите это. Но нельзя же требовать, чтобы шведские инженеры и рабочие строили дороги, приноравливаясь к привычкам гусей и фантазии писательницы!

«ТЕПЕРЬ, КАК И ПРЕЖДЕ»

Мы расстались с Нильсом в тот момент, когда он, судорожно вцепившись в гусака Мартина, как говорится, набирал высоту. Вскоре Мартин присоединился к стае, в которой предводительствовала мудрая гусыня Акка.

Постепенно освоившись со своим необычным положением, Нильс рискнул взглянуть вниз. Там, внизу, проплывала равнина с зелеными клетками озимой ржи, бурыми пятнами клеверных полей, с рассыпанными повсюду квадратиками крестьянских дворов.

Гуси без умолку гоготали, радуясь весне. Они перекликались с петухами, которые рылись по задворкам помещичьих усадеб и крестьянских хуторов.

На равнинах Сконе ветру не грозит опасность остаться без работы.

— Что это за местечко? — спрашивали гуси.

Если петух бродил по двору бедняка, то гуси слышали в ответ:

— Этот хутор называют Беззерным! Теперь, как и прежде!

— Это местечко Малоедовка! Теперь, как и прежде!

Но уж если петух разрывал навозную кучу в усадьбе богатого помещика, то, отвечая гусям, он необыкновенно высоко задирал голову, а кукарекал так, будто хотел, чтобы его услышало само солнце:

— Это Свансхолм, усадьба помещика Дибека! Не мешало бы каждому знать! Так же, как и в прошлом году! Теперь, как и прежде!

Цепной пес усадьбы Оведклостер пролаял гусям, что в богатом поместье его господина есть собственная церковь и собственные церковные служители. Даже высоко летящие птицы, продолжал заливаться пес, не увидят вокруг ни одного клочка земли, который не принадлежал бы его хозяину...

Уже не первый день я путешествую по стране, и сегодня надо мною голубеет как раз тот кусочек неба, в котором Нильс начал свой полет. Если бы он сейчас несся на своем гусаке, то, наверное, увидел бы серую

ленту широкой государственной дороги, по которой бежит через Сконе — самый южный край Швеции — наша машина.

Чуть в стороне — богатая помещичья усадьба. Хороший двухэтажный дом с окнами, где большие зеркальные стекла вставлены без переплетов, гараж, увитый плющом, кирпичный скотный двор с бетонной силосной башней, амбары, крытые черепицей, фруктовый сад. Уж не Оведклостер ли это? Или, на худой конец, подновленная усадьба наследников помещика Дибека? Тут, видно, всего вдоволь — и земли, и хлеба, и денег — так же, как и тогда, когда Нильс летал на своем гусаке. Теперь, как и прежде, как и пятьдесят лет назад, когда Сельма Лагерлёф писала книгу о Нильсе!

Бывшие Беззерные и Малоедовки разбросаны по всей равнине, распаханной от края до края. Между полями пшеницы и сахарной свеклы видны черепичные, изредка — соломенные крыши, серые стены сараев и хлевов, образующие вместе с домом четырехугольник хутора.

За изгородями, сложенными из камня, пасутся коровы. На пригорке машет крыльями ветряная мельница, поодаль — другая. Крестьянин пашет плужком, в который запряжена пара гнедых. По влажным пластам пашни вместо грачей прыгают чайки: море совсем рядом.

А это что? Ну конечно, виноградник! Вот вам и уголок северной страны! Но дело в том, что юг Швеции с трех сторон омывает море. Он не закрыт горами от теплых влажных ветров Атлантического океана.

Пожалуй, только в дельте Нила приходилось мне видеть такую же заботу о том, чтобы ни один клочок земли не пустовал, не пропадал зря. Все освоено, все ухожено. Правда, вместо пальм нильской дельты над полями поднимаются редкие буковые рощицы; вместо сахарного тростника к заводам свозят сахарную свеклу. Но египетский феллах и шведский фермер равно считают землю своей кормилицей.

ЧЬЯ ЖЕ ЗЕМЛЯ?

Когда Сельма Лагерлёф писала книгу о Нильсе, во всем мире землю можно было продавать и покупать. Тот, кто имел много земли, сам обычно не работал, а получал деньги за то, что давал другим выращивать хлеб или пасти скот на его земле.

С тех пор много воды утекло и многое в мире изменилось.

В нашей стране, например, вся земля уже давно принадлежит государству, народу.

Но в капиталистической Швеции землей торгуют. Теперь, как и прежде. Больше всего ее у помещиков и богатых фермеров, а по-русски говоря — кулаков. Государству же принадлежит только одна тридцатая часть пашни.

Ах, если бы я понимал язык петухов так же хорошо, как Нильс! Я остановился бы тогда возле большой усадьбы, и петухи прокукарекали бы мне:

«Это Вейбуллхолм, усадьба господина Вильямса Вейбулла! У господина Вейбулла еще четыре таких же усадьбы — не мешало бы каждому это знать! У господина Вейбулла есть еще три имения в других странах — теперь больше, чем прежде! Семьсот человек работают у господина Вейбулла!»

Впрочем, все это может рассказать вам и на обычном шведском языке любой человек в окрестностях Вейбуллхолма.

Я еду на образцовую ферму. Это что-то вроде подсобного хозяйства, которое принадлежит компании капиталистов, занятой добычей глины и строительного камня.

Двор большой, мощенный крупными булыжниками. Длинные скотные дворы крыты черепицей, как и навесы, под которыми в порядке расставлены повозки, плуги, сеялки. В стороне, поглядывая на гостя, стоят три парня в синих комбинезонах.

Навстречу выходит управляющий фермой господин Гуннар Кристенсон с супругой. Он не улыбается. Жена господина управляющего надменно поджала губы. Поздоровавшись, она тотчас уходит.

Господин Кристенсон невысок, тучен и лыс. На нем короткие, чуть ниже колен, штаны и шерстяные чулки. Чтобы казаться выше, он взбирается на железобетонный брус.

Сконе — это питомник богатых помещиков. Им не за что любить гостей из страны, где давно нет ни одного помещика. И господин Кристенсон, хотя он всего только управляющий, скучным голосом перечисляет гектары, машины, число голов скота. При этом он держит руку в кармане и не смотрит на собеседника. Пусть улыбаются те, у кого улыбка входит в служебные обязанности,— он, господин Кристенсон, независимый человек...

Мы идем через пустынный двор в коровник. Там стоят черно-белые упитанные коровы. Это чистопородные, красивые животные.

Под потолком — лампы дневного света и тонкие ленты, пропитанные ядовитым для мух составом.

— Эта машина предназначена для дойки коров. — Господин Кристенсон показывает рукой на небольшую передвижную цистерну, от которой ответвляются длинные резиновые трубки.— Если вам угодно, я покажу ее в действии и объясню устройство.

Благодарю и вскользь замечаю господину Кристенсону, что ведь, на-

верное, машина действует так же, как и электродоильные аппараты на наших фермах.

— Разве у вас есть что-либо подобное?

Господин Кристенсон озадачен. С этой минуты тон его меняется.

Почти все, что он показывает мне, есть и у нас. Только вот для чего над каждой коровой висит какая-то рамка на проводах? Слушаю рассказ господина Кристенсона о том, чем и как кормят коров, а сам все посматриваю на рамку.

Господин Кристенсон заметил это, оглянулся и молча потащил меня к соседнему стойлу.

Гм! В общем, там корова как раз в это время подняла хвост, чтобы... При этом она, как и все коровы в подобных случаях, выгнула спину — и в ту же секунду коснулась ею низко свисавшей рамочки. Но тут, видимо, произошло что-то неприятное, потому что буренушка тотчас попятилась назад, чтобы не касаться рамки выгнутой спиной. Она пятилась как раз до бетонной канавки, которая тянулась вдоль стойл.

— Через рамку проходит ток,— сказал господин Кристенсон. Он торжествовал, наблюдая удивление гостя.— Ток заставляет корову пятиться до ее уборной. Мы потом пускаем по канавке конвейер, и все уходит в навозохранилище. Скотнику не надо ходить с лопатой!

Здорово придумано! Наверное, у скотника при такой механизации уйма свободного времени?

Как бы не так! Оказывается, со 120 коровами и всеми телятами должны управиться три человека. Они и кормят, и убирают, и доят — за день присесть некогда. Раньше было на ферме четыре человека, но после того, как повесили рамочки, одного уволили...

Когда мы уезжали с фермы, трое парней в комбинезонах снова появились под навесом. За спиной господина управляющего они приветственно подняли правые руки.

Да, на больших фермах и в поместьях у шведских помещиков и скот породистый, и машин достаточно, и поля хорошо удобрены.

В бывших Беззерных и Малоедовках по хлевам не развешивают электрифицированных рамочек. Пашут обитатели хуторов чаще всего плугом, в который запряжен выносливый конь. Кони, впрочем, тоже не у каждого.

Шведский крестьянин читает книжки по агротехнике. Он трудолюбив и аккуратен, терпеть не может беспорядка или грязи во дворе, каждая палка или веревка у него на своем месте. Он бережлив, не позволяет себе выпить лишнюю рюмку вина или зря истратить несколько ёре — мелких монеток вроде нашей копейки.

Живет в Беззерных и Малоедовках трудовой люд, которому при всем старании не всегда удается сводить концы с концами. Многие крестьяне покинули свои хутора и поступили работать на фабрики или уехали из насиженных мест в леса севера, став лесорубами и сплавщиками бревен.

Подобная же участь ожидала, наверное, и отца Нильса Хольгерсона: у него не было ни лошади, ни своей земли — отец Нильса арендовал небольшой клочок помещичьей пашни. Безземельные шведские крестьяне поступают так и сегодня. Теперь, как и прежде!

РАТУША, ПАМЯТНИК, СОБОР...

Хороший пловец может переплыть из Швеции в Данию, подкрепиться там чашкой кофе и вернуться обратно на свой берег.

Побережье Сконе отделяет от датской земли пролив Эресунн, и ширина его местами всего четыре—пять километров. Очертания берегов стран-соседок в этих местах таковы, что, кажется, сдвинь их — и шведские мысы плотно войдут в датские заливы, как сходятся две половинки разорванного листа бумаги.

Из-за плодородных равнин Сконе шведы и датчане в средние века не раз воевали друг с другом.

Люди в то беспокойное время спали чутко, держа мечи у изголовья. Вокруг замков были вырыты глубокие рвы, наполненные водой. Мосты через них никогда не забывали поднимать на ночь. Ядра свистели над холмами, разбивая крылья ветряных мельниц, врезаясь в старые курганы, где поставленные торчком могильные камни напоминают о древних скандинавах.

Давно это было и, как говорят, быльем поросло. Теперь шведы и датчане то и дело ездят через пролив без мечей, но с белыми кошелками из пластмассы. Переправившись на пароме за двадцать минут на другой берег, шведы спешат в лавки за более дешевым датским маслом и яйцами, а датчане — в магазины за шведскими тканями, потому что свои, датские, гораздо дороже из-за налогов.

Три больших шведских портовых города стоят на берегу Эресунна: Мальмё, Ландскруна, Хельсингборг. Это города-старцы. Хельсингборг ведет начало с XI столетия, Мальмё только на век моложе его, да и Ландскруне почти пять с половиной столетий.

Мальмё — третий по величине город Швеции. В нем более двухсот тысяч жителей и, конечно, есть ратуша, памятники, средневековый собор... Я просто не припомню сколько-нибудь значительного провинциального города Швеции, где бы не показывали приезжим эти достопримечательности.

Ратуша — здание городского самоуправления. В шведских городах оно стоит обычно на самом видном месте. Города соперничали друг с другом:

Площадь в Мальмё: памятник, ратуша и за ней — силуэт собора.

у кого ратуша лучше? Заседали в ратушах испокон веков богатеи и, строя «для себя», не жалели денег.

В Хельсингборге ратуша — как замок: полукруглые башни по углам, посредине — главная, наверху — бойницы, куранты, островерхая медная крыша. Перед ратушей на бронзовом коне восседает генерал Стенбок; местная древняя церковь носит имя святой Марии.

В Мальмё же ратуша, с замысловатыми башенками и балкончиками, похожа на дворец. За ратушей поднимается пирамида собора Святого Петра, а перед главным входом стоит памятник Карлу X, восседающему на могучем коне.

Средневековые соборы, ратуши с башнями и флагами и позеленевшие от времени памятники королям или полководцам, которые либо ходили со своей армией захватывать чужие земли, либо отбивались от врагов, изображены во всех путеводителях. Иностранные туристы фотографируют памятники, потом, заплатив деньги за вход и деловито шурша страницами путеводителей, ныряют в гулкую прохладу соборов.

Туристам в Швеции — почет. Туристы — это заполненные, к радости хозяев, номера в лучших гостиницах, это щедрые посетители ресторанов, это покупатели дорогих товаров в магазинах, это работа для гидов-знатоков, показывающих местные достопримечательности.

В одном маленьком шведском городке каждые четверть часа на башню местной церкви поднимается звонарь и дудит в старинный медный горн, как дудели еще в средние века. Внизу, у подножия башни, заранее накапливаются «улыбки доллара» — так в Швеции прозвали американские роскошные автомобили. Туристы, задрав головы и деловито поглядывая на часы, ждут, пока появится звонарь со своей длинной начищенной трубой. Послушали, сфотографировали, поехали дальше. А на их место подкатывают новые. Лавочки возле церкви бойко торгуют снимками звонаря, игрушечными медными горнами, сигаретами, пивом, лимонадом...

В книжке о Хельсингборге лишь мимоходом упомянуто о том, что в городе строят корабли, делают сложные электротехнические приборы. Мрачная, иззубренная бойницами средневековая башня Чёрнан, высящаяся над центром города, описана гораздо подробнее. Ее камни скреплены раствором, замешанным на яичных белках,— наверное, в течение долгого времени крестьянам окрестных селений пришлось забыть о вкусе яичницы. В давние годы глухими осенними ночами на башне жгли костер из смолистой сосны, чтобы раздуваемое ветром пламя указывало путь кораблям.

...И ЗАМКИ

Напротив Хельсингборга за голубыми водами Эресунна виден датский город Хельсингёр. Я жадно всматриваюсь в его очертания, ищу знакомые здания. Бинокль притягивает красные кирпичные стены, башенки, кровлю из позеленевшей меди. Конечно же, это Кронборг!

«Есть в Дании старинный замок Кронборг. Он стоит на берегу пролива Эресунн, по которому каждый день проплывают сотни больших кораблей. Среди них встречаются и английские, и русские, и прусские».

Так начинается у Ганса-Христиана Андерсена поэтическая легенда о

Хельсингборг — пятый по числу жителей город Швеции.

Хольгере-Датчанине, богатыре, который спит глубоким сном в подвалах замка Кронборг и во сне видит все, что происходит на его родине. Если Дании станет угрожать опасность, Хольгер-Датчанин выйдет из своего подземелья, чтобы сражаться, и тогда об этом услышит весь мир...

Мне приходилось бывать в Дании. С керосиновой лампой — так романтичнее — я спускался в холодные темные подвалы Кронборга. В одном из них изваян сказочный герой. У него жилистые руки, длинная борода. Хольгер-Датчанин сонно склонил голову, меч лежит на коленях...

В XV веке на месте замка стояла крепость Крон. Ее двойник построили в Хельсингборге. Пушки крепости были направлены на пролив. С кораблей, идущих большой морской дорогой из Северного моря в Балтийское, в этом месте брали пошлину. Деньги забирала королевская казна. Не только в средние века, но и сто лет назад ни один иностранный корабль не мог бесплатно пройти мимо городов-близнецов — Хельсингёра и Хельсингборга.

Говорят, что в Кронборге бывал Шекспир или, во всяком случае, труппа его театра. Может быть, именно в этом замке бродил датский принц Амлет, трагедию которого впервые описал еще в XII веке историк Саксон Грамматик.

Но, скажете вы, ведь у Шекспира замок, где происходит действие «Гамлета», назван Эльсинором. Это, однако, свидетельствует скорее в пользу Кронборга, чем против: Хельсингёр, где расположен замок, иностранцы называли раньше и до сих пор называют Эльсинором.

Мне запомнились тусклые зеркала в полупустых залах замка, видевших когда-то королей и рыцарей, а может быть, и мятущегося Амлета, притворившегося безумным, чтобы отомстить королю Фенге, убившему его отца и женившемуся на его матери. Запомнились и старинные чугунные пушки, из которых, как писал Андерсен, крепость отвечала на приветствия кораблей. Возле пушек ходил солдат с автоматом.

Все это вспоминалось, пока я смотрел в бинокль на бледную зелень медных крыш Кронборга за проливом. Но ведь и по эту сторону, на юге Швеции, много замков. Какие легенды связаны с ними? Чьи имена начертаны на памятных досках возле ворот, украшенных гербами? Какие замки лучше всего рассказывают путешественнику о прошлом страны?

За ответом я обратился к путеводителю.

Вот что там было написано: «Вы не сможете пройтись в мягких туфлях по паркету многих прекрасных замков южной Швеции, чтобы осмотреть их, потому что эти замки в большинстве случаев находятся во владении старинных дворянских семейств, которые в них живут. Но вам этого и не нужно, потому что прекрасные постройки замков достаточно красивы издали, выделяясь на общем ландшафте».

Что ж, издали так издали...

Мне говорили, что нигде в Швеции не найдешь столько самовлюбленных и спесивых людей, как среди аристократов и богачей Сконе. Вот один из рассказов об уроженцах юга.

...В поезде, идущем в Мальмё, сидит важничающий господин. Он не разговаривает с пассажирами, даже не смотрит на них. Наконец один из соседей не выдерживает:

— Простите, господин пассажир, вы не здешний?

Господин надменно молчит.

— Вы родом не из Сконе?

Господин молча, свысока оглядывает спрашивающего.

На вокзале в Мальмё его встречает столь же важная дама и надутая девочка. Пассажир, не удостоенный ответом, с укоризной говорит спесивому господину:

— Теперь я сам все вижу. Но что мешало вам сказать, что вы из Сконе?

— Я не хотел хвастаться,— с достоинством ответил господин и пошел прочь, высоко подняв голову.

ЧЕТЫРЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ НАЗАД

Вечер в Мальмё. Лиловые сумерки скоро окутают море. Я сижу на скамейке возле гавани и жду, когда на белом маяке вспыхнет свет.

Этот маяк словно зазывает корабли в порт Мальмё. Он стоит на мысу, как привратник у входа в самую большую гавань юга страны. Мимо меня бредут подвыпившие моряки в незнакомой форме. У одного под глазами синяк. Он останавливается и тупо смотрит на зеленые светящиеся контуры бутылки — рекламу какого-то напитка.

Пахнет нефтью. Ее разгружают у далеко выдвинутых в море причалов, но ветер дует как раз оттуда. Чернеют горы угля, наваленного на берегу. Лязгают вагонные буфера: на морской паром медленно вкатываются товарные вагоны. Паровоз, который толкает их, останется дома. Паром переправится через пролив, там вагоны вытянет на берег датский паровоз.

Угасает день большого портового города. Умолк гром железа на знаменитых верфях, которые спустили на воду четвертую часть всех шведских кораблей. Впрочем, кое-где дрожат отсветы электросварки.

Вот наконец вспыхнул огонь и на маяке. Мигнет — погаснет, мигнет — погаснет. Желтые, хорошо различимые даже в туман, огни зажигаются на портовых причалах.

Море медленно катит холодные серые волны. Паруса запоздалых рыбачьих шхун кажутся черными. За волнами, далеко на горизонте, небо постепенно светлеет — то начинает вечернюю жизнь Копенгаген, столица Дании, стоящая за проливом, как раз напротив Мальмё.

У меня есть несколько книжек о Швеции, и я знаю, что четыре десятилетия назад старая часть Мальмё была почти такой же, как сегодня. Только тогда не изобрели еще газосветных трубок и витрины освещались обычными лампочками.

В те годы, как и теперь, к южным воротам страны стекались под шведским флагом корабли со всего света. Они принадлежали тем же владельцам, черные с золотом вывески которых солидно поблескивают и сегодня на особняках возле гавани; только теперь вместо отцов в этих конторах распоряжаются сыновья и внуки.

Незадолго до Октября шведская газета «Скандинавский листок» выпустила на русском языке справочную книгу для российских капиталистов. Там были перечислены фирмы, «имеющие интерес к русскому сырью и полуфабрикатам, не говоря уже о произведениях кустарной промышленности». Список фирм занимал девяносто страниц. Авторы книги приглашали русских капиталистов протянуть руку скандинавским, чтобы вместе наживать барыши.

В те дни, когда книга печаталась в типографии, к берегам Сконе подходил пароход — самый обыкновенный пароход с грузом и пассажирами. На нем возвращались из Швейцарии в Россию политические эмигранты.

Дул сильный ветер. Русские столпились вокруг стоявшего на палубе невысокого человека, который рукой придерживал кепку.

С мостика спустился капитан и подошел к пассажирам, держа в руках листок бумаги:

— Кто здесь господин Ульянов?

Эмигранты взволнованно переглянулись. Неужели ищейки Временного правительства узнали о том, что Ленин возвращается в Россию, и сговорились со шведским правительством о его выдаче?

— Что вам угодно? Я Ульянов.

Капитан поклонился и сказал, что он получил радиограмму из порта Треллеборг. Там собрались русские, живущие в Швеции. Они спрашивают, едет ли на пароходе господин Ульянов.

Когда пароход подошел к причалам Треллеборга, толпа русских и шведов бросилась к трапу. Махали руками, платками, шляпами. У многих на глазах были слезы. Служащий таможни, отозвав одного из встречавших в сторону, сказал, что обычного осмотра багажа на этот раз в порту делать не будут.

— Но только покажите мне Ленина,— попросил он.— Я и мои товарищи хотим видеть вождя русской революции.

Эмигранты поехали из Треллеборга в Мальмё и там сели в поезд, идущий в Стокгольм.

Владимир Ильич не спал в вагоне до четырех часов утра, расспрашивая о последних новостях из России. В Стокгольме он бывал и раньше, жил здесь, когда возвращался из эмиграции в 1905 году, жил и во время IV съезда Российской социал-демократической рабочей партии, созванного в шведской столице. Теперь Владимир Ильич хотел через Швецию и Финляндию как можно скорее вернуться в Петроград, чтобы поднять народ на борьбу против Временного правительства. В Стокгольме он пробыл только один день, а вскоре огромная толпа петроградских рабочих, собравшихся у Финляндского вокзала, услышала его призыв к борьбе за социалистическую революцию.

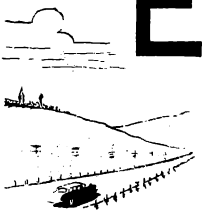
Это было в апреле 1917 года.

Книга для «русского торгово-промышленного мира» оказалась бесполезной: вскоре исчезли те, для кого она предназначалась...

А в Швеции говорят теперь не о русском сырье, полуфабрикатах и кустарных изделиях, но о русском атомном ледоколе, русских атомных электростанциях и о новой русской семилетке.

Море медленно катит волны в гавань Мальмё. Загораются бледные звезды. И среди них, в бездонной глубине ночного неба, проносится спутник — русский спутник...

ТВОРЕЦ «САГИ О ФРИТЬОФЕ»



Еду из Мальмё в Лунд. Что за дорога! Широкую прямую полосу асфальта подстриженный газон отделяет от такой же широкой и прямой, по которой несется встречный поток автомашин.

На туристской карте Сконе возле этой дороги изображен заманчивый старый замок и танцующая пара. По этой карте щедро разбросаны золотые пляжи, художники с мольбертами, фигурки рыболовов, соблазняя которых из воды выныривают рыбы необыкновенных размеров. Карта должна доказать, что в Сконе климат мягок, курорты превосходны, а жизнь — веселый праздник.

Лунд обозначен на карте рисунком собора, построенного в XII веке. Вот над холмистой равниной показались две его башни. Мы покатили по улицам, показавшимся очень узкими после автострады. Но в средние века они, наверное, считались просторными. Два рыцаря могли разъехаться на них, не слезая с седла и не прибегая к кровопролитию, для того чтобы заставить встречного уступить дорогу.

Так вот, значит, где жил Эсайас Тегнер, великий шведский поэт, современник Пушкина!

В юности Тегнер служил писарем судейского чиновника, много разъезжавшего по деревням. Скрипя гусиным пером, Эсайас записывал не столько долги крестьян, сколько старые легенды. Юноша читал до боли в глазах. Особенно волновали его древние саги — сказания о подвигах скандинавских воинов. Юноше казалось, что эти сказочные герои живы и в лунные зимние ночи бродят по снегам спящей страны.

Чтение сделало Тегнера знатоком литературы. Приехав в Лунд, он поступил в здешний университет, окончил его первым среди лучших, стал университетским библиотекарем и в конце концов — профессором. Тегнер стал получать большое жалованье — 60 бочек ржи и ячменя: в те времена ученым платили натурой.

В низеньком белом доме, в просторном кабинете, где были только стол, кресло, книжные полки и клетки с канарейками, Тегнер написал знаменитую «Сагу о Фритьофе». Это поэма о жизни древних скандинавов, поэма о любви храброго Фритьофа и прекрасной Ингеборг. Сага прозвучала во всей Европе. Томик Тегнера можно было купить в книжных лавках Москвы и Петербурга. Другую поэму о шведском солдате Акселе, который с войсками короля Карла XII участвовал в походе на Россию,— Тегнер начал такими строками:

Мне любы Карла времена —
Пора блестящей славы шведа...

Герой поэмы — юный солдат Аксель. Разбитый под Полтавой король посылает его гонцом в Швецию. В схватке близ украинской границы Аксель едва не гибнет. Его, истекающего кровью, находит украинская девушка Мария. Она ухаживает за раненым. И однажды Аксель говорит Марии:

О, если бы вдвоем с тобою
Мне было суждено судьбою,
От брани отвративши взор,
В долине мирной среди гор
Всю жизнь прожить!..

Аксель и Мария любят друг друга. Но разве может гонец забыть о долге! После ухода Акселя тоскующая Мария, переодевшись в солдатский мундир, отправляется искать любимого.

Тем временем русский флот идет к шведским берегам. Тревожно гудит набат, пылают селения. Русские воины бьются с дружинами шведов. Жесток бой, и, когда он стихает, луна освещает груды тел. Меж ними бродит Аксель. Он храбро бился за свою землю, но теперь на душе его тревожно, мысли о страданиях людей, о человеческой злобе и ненависти не оставляют его. Вдруг воин слышит:

Воды дай, Аксель! На прощанье
Приди. Я умираю, друг!

В смертельно раненном русском юноше Аксель узнает свою Марию! «Прощай, прощай...» — шепчет она и умолкает навеки.

Потрясенный Аксель сходит с ума. Ему кажется, что кровью любимой пропитано все вокруг — песок, скалы. Аксель не может уйти от дорогой могилы. Здесь его находит смерть.

Тегнер в поэме называл русских «варварами». Он не мог забыть о Полтаве, о закате «блестящей славы шведов» на поле брани. Но — возможно, даже против воли поэта — образ любящей Марии получился в поэме, по-моему, более сильным, благородным, привлекательным, чем образ Акселя.

После выхода «Саги о Фритьофе» и «Акселя» Тегнер — в расцвете славы, его имя — знамя шведской поэзии. И тут в жизни поэта происходит перелом.

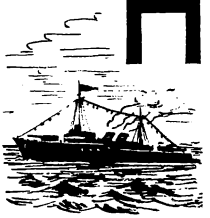
Профессорам университета обычно не хватало их ячменно-ржаного жалованья, и они одновременно служили в церкви священниками, пасторами. Это было гораздо доходнее.

Тегнер тоже имел пасторский сан, но свое время отдавал не церкви, а поэзии. Неожиданно его повысили, сделав епископом. Он попал в самую гущу духовенства — по его словам «пропитанного полным невежеством и свинством». Тегнер пытался что-то сделать, принести какую-то пользу. «Мне удалось,— пишет он другу,— сместить ряд отчаянных пьяниц, и то

после целого ряда всяческих волокит и крючкотворств. В наше время легче низложить короля, чем спившегося попа».

Епископская мантия в конце концов погубила талант поэта. Тегнер постепенно превратился во врага всего нового, стал говорить, что народу не нужны школы. Год поэт провел в сумасшедшем доме и потом еще пять лет медленно угасал в провинциальном городке.

СВЯТОЙ ПЕТР КАК БРАКОДЕЛ



Нильс Хольгерсон не был в портовых городах юга своей страны — ведь гусиная стая направлялась в другую сторону, на север. Впрочем, один город он все же видел, когда гуси летели вдоль побережья. Хотя мальчику все здесь было незнакомым, но, заметив внизу, в гавани города, броненосцы, он тотчас угадал его название: он знал, что только на рейде Карлскруны могло быть такое множество военных судов.

Эта примета не устарела. Карлскруна по-прежнему главная стоянка военно-морского флота Швеции. Мундиры моряков, которые служат на крейсерах, эсминцах и торпедных катерах, мелькают на улицах города. Его заводы строят военные корабли и подводные лодки.

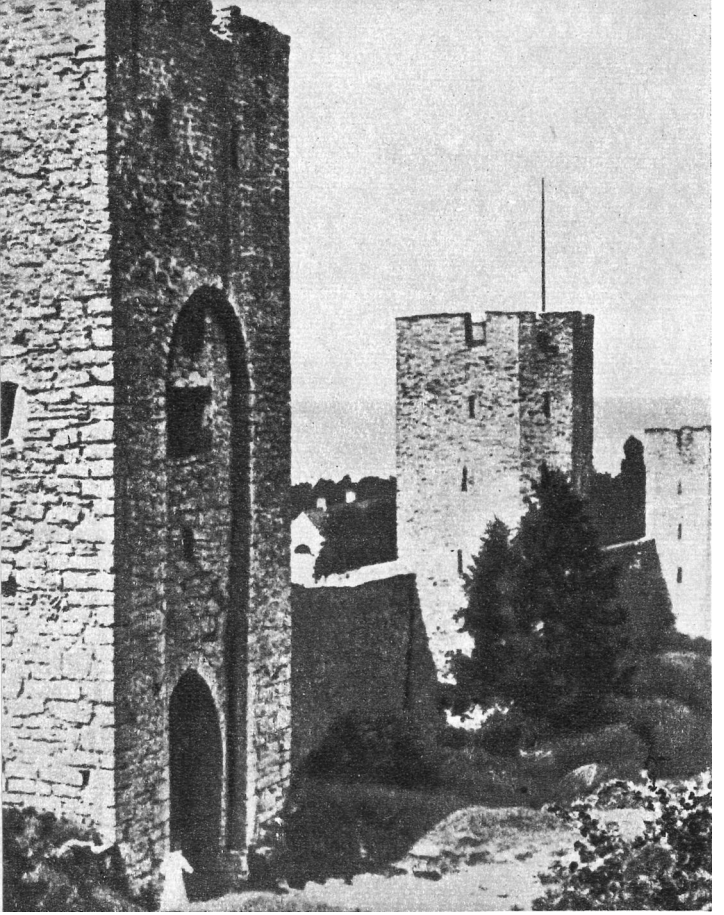
Нильс видел Карлскруну по дороге к островам Эланду и Готланду, лежащим в Балтийском море, на восток от побережья Швеции.

Когда гуси летели туда, то «Длинный Джон» еще не вытягивал свою шею над южными отмелями плоского Эланда. В те годы высокая белая башня маяка, которую теперь знает каждый моряк и о которую в непогоду разбиваются перелетные птицы, еще не была построена. Но в зарослях вереска на Эланде и тогда бродили овцы, а ветер Балтики заставлял вертеться крылья старинных мельниц, поднимающихся над полями ржи и сахарной свеклы.

Нильсу не понравился город Висбю на соседнем большом острове Готланде. Мальчуган нашел его бедным и одичавшим. Сейчас этого не скажешь: тут полно туристов, потому что Готланд — самое солнечное место в Швеции. А развалины Висбю, невысокие серые башни с бойницами и остатки крепостных стен вдоль берега, вызывают много воспоминаний не только у шведов.

В средние века на улицах Висбю слышалась немецкая, арабская, русская речь. Русские торговые гости из Новгорода приплывали сюда на кораблях, набитых мехами, пенькой, воском. Бывали тут и русские

Уголок шведского города XVIII века бережно сохраняется среди новых кварталов. Фигурка на «вывеске» шляпочника тут куда уместнее, чем велосипедисты...



Друзья Садко, гусляра и торгового гостя новгородского, приезжали с товарами в город Висбю, о былом величии которого напоминают лишь крепостные стены.

иконописные мастера — их звали разрисовывать стены храмов столицы торговой Готландской республики, существовавшей на острове до тех пор, пока высадившаяся с кораблей датская конница не заставила спустить флаги над башнями Висбю.

С Готланда гусиная стая вернулась на материк и опустилась в той части Швеции, которую называют Смоландом. Вот что рассказывает легенда об этом уголке страны.

Когда бог был очень занят сотворением Вселенной и как раз трудился над черновой отделкой Швеции, к нему пришел святой Петр. Посмотрев на божью работу, Петр подумал, что творить разные страны не очень сложно, и предложил богу: отдохни, мол, а я пока за тебя поработаю, потворю. «Сумеешь ли?» — усомнился бог. Но святой Петр не без досады ответил, что надеется сделать все не хуже господа бога.

Бог пожал плечами, но потом сказал: «Ладно, попробуем. Для начала доделай то, что мною тут начато. А я пока займусь местами поюжнее».

И бог отправился творить Сконе, оставив святому Петру доделывать соседний Смоланд.

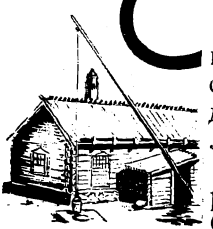
Вернувшись, бог глазам своим не поверил. Кажется, трудно было испортить то, что он довольно удачно начал, но святой Петр ухитрился это сделать. Он нагромоздил посредине Смоланда высокое плоскогорье из камней, думая таким образом приблизить его к солнцу. Правда, сверху это каменное безобразие было присыпано землицей, но первый же дождь наполовину смыл ее, оставив лишь тяжелую глину.

«О чем ты думал, когда делал все это?» — воскликнул бог.

Святой Петр стал извиняться. Но переделывать его работу богу было уже некогда — ведь требовалось создать еще много других стран.

Эту легенду сочинили, наверное, обитатели Сконе: свой-то край они считают весьма удачным божьим творением...

ШВЕДСКАЯ СПИЧКА И «СПИЧЕЧНЫЙ КОРОЛЬ»



Смоланд действительно бесплодное, каменистое плоскогорье, и каждый, кто побывает здесь, может убедиться, что святой Петр не слишком-то старался, делая все как попало, лишь бы поскорее.

Жители Смоланда пытались было сеять ячмень и рожь на песках и глине, но не могли прокормить себя. Они покидали родные места и разбредались кто куда в поисках работы и хлеба.

Нильс Хольгерсон застал в одной из смоландских деревенек умирающую в одиночестве старуху. Ее внуки и дети бросили родину и жили на чужбине, в Америке. Старуха часто получала письма: ее звали за океан. Но она не хотела видеть страну, отнявшую ее детей. Старуха сердилась на нее. Умерла старая шведка в одиночестве, но на родине.

Может быть, ее потомки и сейчас живут в Соединенных Штатах Америки. За сто лет в поисках лучшей доли разбрелись по свету почти два миллиона шведов. А все население Швеции — семь с лишним миллионов!

Смоланд мало похож на соседку — Сконе. Там ровные поля, здесь — лесистые холмы. Земля не родит? Что ж, тот, кто остался на этой скудной земле, нашел чем заняться: в трудолюбивых и умелых руках даже здешний кварцевый песок стал сокровищем.

На полянках сосновых темных боров понастроили смоландцы кустарные стекольные заводики. Здоровыми легкими лесных жителей стали выдувать

через длинные трубки из раскаленной ослепительной массы вазы и кувшины. Сначала смоландские изделия покупали плохо. Но шведы умеют придать вещи добротность и красоту. Пришло время — и смоландские вазы стали ставить рядом с изготовленными знаменитыми венецианскими мастерами.

А те смоландцы, которым ремесло стеклодува пришлось не по душе, взялись за столярное дело. За здешней мебелью — светлой, легкой, удобной — приезжают любители даже из дальних стран. Сколько шкафов и письменных столов из бука сделано в Смоланде — никто не считал, но буковые леса здесь свели почти начисто.

И еще одному дереву не повезло в Швеции: осине. Не знаю, много ли осталось в стране рощиц, радующих глаз осенним ярким багрянцем...

А всему виной — шведская спичка. Смоланд как раз ее родина.

У той спички, которую мы зажигаем, небрежно чиркнув о коробок, много предков и длинная история. Среди ее прародителей — сухие куски дерева. Их сильно терли друг о друга до тех пор, пока не появлялся огонь. Родственником спички был и кусок кремня. Из него ударом стальной пластинки высекали искру на легко загоравшийся трут.

Головки первых спичек намазывались серой и белым фосфором. Это были опасные спички. Они легко загорались сами по себе — от тепла, от трения друг о друга, от толчков. Несколько раз в поездах и на пароходах, перевозивших ящики со спичками, вспыхивали сильные пожары. Кроме того, белый фосфор ядовит. Его пары отравляли рабочих спичечных фабрик.

В середине прошлого века в городе Иёнчёпинге — он на севере Смоланда — стали делать спички из осины с головками, покрытыми красным фосфором. Они похожи на те, которые сегодня можно купить в любом ларьке. Их называли шведскими, или безопасными. Изображение спичечного коробка сделалось чуть не городским гербом Иёнчёпинга.

Шведы начали торговать спичками во всем мире. Коробком с надписью «Сделано в Швеции» пользовались и погонщики верблюдов в Сахаре, и эскимосы, охотившиеся на белых медведей в Гренландии.

Перед первой мировой войной компания шведских, американских и английских капиталистов во главе со шведом Иваром Крейгером завладела спичечными фабриками больше чем в сорока странах.

Ивар Крейгер, став «спичечным королем», поднял цены — по полкопейки на коробок. Пустяк? Но сколько коробков употребляет человечество хотя бы за один день! А потом цены поднялись еще раз, и еще...

Крейгер нажил так много денег, что мог давать их взаймы не отдельным капиталистам, а государствам: Германии, Франции, Греции, Боливии. Одалживая деньги, он получал проценты, как ростовщик, да еще требовал, чтобы ему не мешали торговать в стране-должнике своими спичками по той цене, которую он назначит.

«Спичечный король» все богател и богател. Он начал прикупать телефонные заводы и железные рудники. В газетах печатали портреты господина Крейгера, называя его «благородным рыцарем борьбы против большевизма». Он всюду твердил, что советских людей нужно прогнать сначала хотя бы от берегов Балтийского моря, а там, может быть, и подальше, за Урал: «спичечному королю» мерещились русские осиновые леса.

Когда в капиталистическом мире разразился страшный кризис, когда всюду закрывались предприятия, о Крейгере говорили: «Ну, этому ничего не страшно, этот выдержит».

И вдруг пронесся слух: «спичечный король» застрелился! Капиталисты не хотели этому верить. Отовсюду полетели тысячи телеграмм. Но слух подтвердился: да, верно, пустил пулю в лоб.

Похороны были пышными. Потом вскрыли стальной сейф, где «спичечный король» держал свои секретные бумаги.

Произошел неслыханный скандал. Оказалось, что Ивар Крейгер — мошенник с чисто королевским размахом: он подделал ценные бумаги чуть не на миллиард долларов!

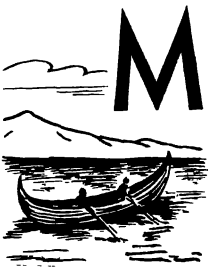
На письменном столе «короля» стоял телефон. Когда Крейгер принимал важных посетителей, телефон звонил, «король» снимал трубку и, извинившись перед гостем, небрежно разговаривал с каким-нибудь американским миллиардером или испанским принцем.

Однако после самоубийства «короля» все узнали, что телефон был поддельным: Крейгер незаметно нажимал кнопку под столом и звонил... самому себе. Разговаривал он с немой трубкой, чтобы пустить пыль в глаза посетителю, которого хотел надуть: «король спичек» не брезговал и мелким жульничеством.

А шведские спички хороши! Теперь их делают не так много: осину приходится покупать за границей. Фабрики выпускают изящные плоские коробки с яркими картинками и золочеными надписями. Тут увидишь и рекламу ресторанов, и эмблемы фирм, и рисунки городов, но портретов «благородного рыцаря борьбы против большевизма» что-то не заметно...

На землях гётов и свеев

КОГДА УШЕЛ ВЕЛИКИЙ ЛЕДНИК...



Может быть, нашу книгу стоило бы начать не с приключений Нильса, а с этой главы, где рассказывается о самом далеком прошлом Скандинавии. Но если начать рассказ о Швеции, как говорится, с Адама и Евы, то придется говорить... об атомной энергии: «Адам» и «Ева» — это названия двух строящихся шведских атомных электростанций.

Самый далекий предок нашего Нильса, ступивший ногой на холодный камень Скандинавии, и не подозревал, какая старая земля дала ему приют. Тогда это был не тот изогнутый массивный полуостров, который примелькался нам на географических картах. Мы, наверное, никогда не узнаем точно, как выглядела северо-западная часть материка Европы в доисторические времена: геологи определяют «возраст» некоторых горных пород Скандинавии в два с лишним миллиарда лет!

Геологические катастрофы не раз сотрясали будущую землю шведов и норвежцев. Океан наступал на нее, подводные вулканы изливали лаву, земная кора горбилась складками, образуя новые горы. По-видимому,

одно время Белое море сливалось с Балтийским, и полуостров превращался в остров.

Потом воды отступили. Некоторое время Балтийское море было вовсе отрезано от океана.

В эпоху великого оледенения со Скандинавского полуострова поползли на юг могучие ледники, сглаживая, срезая горы, далеко унося их обломки. Чудовищные массы льда панцирем чуть не в километр толщиной закрыли Скандинавию.

Двенадцать—четырнадцать тысяч лет назад ледники стали таять, отступать на север. Освобождаемая от невообразимой тяжести льдов земля полуострова медленно поднималась все выше над уровнем моря.

Скудное солнце пригревало скалы, долины ледниковых ручьев. Потянулась к теплу полярная ива, зазеленели мхи. И вот уже северный олень пьет воду тундровых озер, полярная лисица — песец — разоряет птичьи гнезда...

Тогда-то на раскованной скандинавской земле появился первобытный человек. Впрочем, это могло произойти даже раньше. Человек мог ютиться на свободной ото льдов узкой, согреваемой океаном полоске земли даже в эпоху великого оледенения.

Люди каменного века охотились на птиц и северного оленя. С тысячелетиями климат становился мягче. Когда на юге полуострова появились сосновые и березовые леса, человек стал охотиться на лосей и зубров, приручил собаку, из древесного ствола выдолбил первую неуклюжую лодку.

Примерно за пять тысяч лет до нашей эры море опять пошло в наступление на берега Скандинавии. Люди вышли из лесов к побережью, питались содержимым съедобных раковин и ловили рыбу. Они жили в свайных небольших поселениях, сооруженных сообща, все первобытной общиной.

Находки археологов подтверждают, что три тысячи лет назад племена Скандинавии знали земледелие и имели домашних животных. Расставшись с каменными скребками и топорами, человек стал лить из бронзы оружие, украшения, утварь.

На прибрежных скалах в южной части полуострова есть загадочные изображения, о которых написано немало книг. Люди бронзового века оставили для своих далеких потомков рисунки, смысл которых нам не совсем ясен. Понятно, что изображение многовесельной лодки говорит о покорении моря. Люди с мечами и круглыми щитами — это, конечно, воины. Пастуший рожок, тяжелый топор, плуг — тоже вещи весьма понятные.

Но почему, например, часто изображались следы человеческих ног, как будто отпечатавшиеся на камне? Может быть, мы еще когда-нибудь

узнаем об этом: земля ведь открыла далеко не все тайны прошлого человечества.

В начале нашей эры слухи о жителях далекой Скандинавии дошли до греков и римлян. У племен германского происхождения, живших на юге полуострова, римляне покупали янтарь.

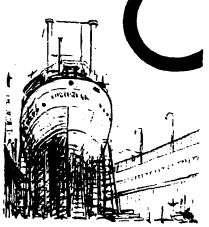
«На самом Океане живут племена свионов, которые сильны не только пехотой и вообще войском, но и флотом,— писал историк Тацит. — Форма их кораблей отличается тем, что с обеих сторон у них находится нос, что дает им возможность когда угодно приставать к берегу...»

Свионы, или свеи, а также гёты были предками современных шведов.

Грании, раумы и некоторые другие племена считаются предками норвежцев.

И сегодня провинции Южной Швеции называют Гёталандом, землей гётов, а Среднюю Швецию — Свеаландом, землей свеев, или свионов. Так древние племена, жившие в этих местах, напоминают о себе.

РЕЙС «ЧЕРЕПАХИ»



Само название города Гётеборга показывает, что он стоит на земле гётов. Этот город украшает ее западную окраину. Пересекая страну от берегов Балтики, мы через Смоланд попадаем к североморским гаваням.

Гётеборг — второй после Стокгольма город в стране. Пожалуй. любой из его трехсот семидесяти тысяч жителей скажет вам, что это самый красивый город Швеции. «А разве вы не знаете,— добавит он,— что Гётеборгский порт больше Стокгольмского? Разве вы не знаете...» В общем, гётеборжец найдет у своего города множество достоинств и преимуществ. Он упомянет университет, выберет из сотен гётеборгских фабрик и заводов такие, которые известны повсюду, перечислит театры и музеи, вскользь намекнет, что не зря же, наверное, здешний новый стадион «Уллеви» выбрали для матчей на первенство мира по футболу...

Впервые я попал на берег реки Гёте-Эльв, которая дала название городу, вместе с группой соотечественников, проводивших летний отпуск в Швеции.

В нашей компании были строители, журналисты, специалист по витаминам, художник, пищевики, железнодорожник. Каждого интересовало в Гётеборге все и еще что-то свое.

— Ну, первым делом — на строительную выставку,— сказали деловитые строители. Их было пятеро, и к их голосам нельзя было не прислушаться.

— А ботанический парк? Десять тысяч разных растений, выращенных почти что на скале! — сказал специалист по витаминам, заглядывая в путеводитель.

— Да, да, конечно, парк — это обязательно! Только сначала, мне кажется, надо все же сходить в картинную галерею,— робко вставил художник.

— Товарищи, вы снова недооцениваете подшипники. Гётеборг — центр их производства! — в отчаянии закричал Василий Макарович.

Василия Макаровича, инженера-железнодорожника, спутники прозвали «Эх вы, шарики-подшипники мои». Едва поезд пересек границу и остановился на первой станции, как Василий Макарович тотчас завел со смазчиком разговор о вагонных подшипниках.

Инженер рассказывал, как у нас, расспрашивал, как у соседей. Он всюду искал, с кем бы отвести душу, поговорить на волнующую его шарикоподшипниковую тему. Спутники беззлобно посмеивались над ним, как иногда посмеиваются над людьми, захваченными своим делом настолько, что многое из окружающего вообще перестает для них существовать.

Споры туристов о том, что именно следует прежде всего осматривать в Гётеборге, закончились довольно быстро. Пришел сопровождавший нашу группу господин Бертиль Герроу и сказал:

— А тепэр мы из вами будем немножко ехать в порт. Да-да.

И все поехали.

Очень широкий, как бы расплющенный низкобортный катер, под многообещающим названием «Черепаха», уже ждал нас возле пристани на канале, пересекающем центр города.

«Черепаха» медленно поплыла мимо чудесных парков самого зеленого города Швеции. Они ничем не огорожены. Возле воды — рощица милой нашему сердцу белоствольной березы, дальше пошли могучие богатыри-дубы. Статуя волшебницы из скандинавских сказок мелькнула в густой листве, струя фонтана жемчугом переливалась над лужайкой...

— Головы! Головы!

Этот возглас заставлял всех поспешно соскальзывать со скамеек и приседать на дно «Черепахи»: некоторые мосты над каналом так низки, что человек, привставший в лодке, рискует набить себе здоровенную шишку.

Один из мостов называется «Нож для резания сыра». Сыр — это голова зазевавшегося пассажира. Другой мост назван «Птичьим» — под его аркой живут сотни голубей.

Канал облицован гранитными глыбами. Набережная построена триста пятьдесят лет назад. Канал стар, как стары дома, смотрящиеся в его

— Внимание! Внимание! Начинаем рейс «Черепахи»! — говорит экскурсовод в микрофон.

воды. Что ни дом, то достопримечательность. Здесь жил чешский композитор Сметана. Неподалеку — старинная немецкая церковь. Дальше дом, где помещалась когда-то Вест-Индская компания, в XVII веке набивавшая свои корабли «черным товаром» — рабами.

— Памятник Хальстрему!

Мы переглядываемся. Хальстрем? Перебираем в памяти события шведской истории. Нет, Хальстрема никто не знает. Обращаемся за разъяснениями.

— О, этот господин научал шведов кушать... М-м, как это по-русски... Карто-ш-ка!

В Швеции много памятников. Они украшают площади даже самых небольших городков. Не все памятники хороши, но хорошо то, что всю-

ду в Швеции стараются закрепить в народной памяти большие и малые исторические события.

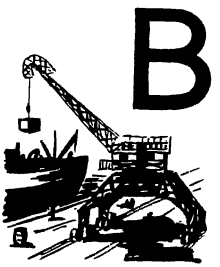
Нырнув еще под один мост, мы вышли вдруг из узкого канала на сверкающий водный простор. Это было устье реки Гёте-Эльв.

— Свенска Вольга! — пошутил Бертиль Герроу.

«Свенска» — значит шведская. Название своей страны шведы произносят примерно так: Свэрье.

То, что мы увидели в устье «шведской Волги», заставило всех забыть междоусобные распри. Да, конечно, в этом городе прежде всего нужно смотреть не выставки, не улицы, не музей и даже не заводы шарикоподшипников, а порт!

УЗЕЛ МОРСКИХ ДОРОГ

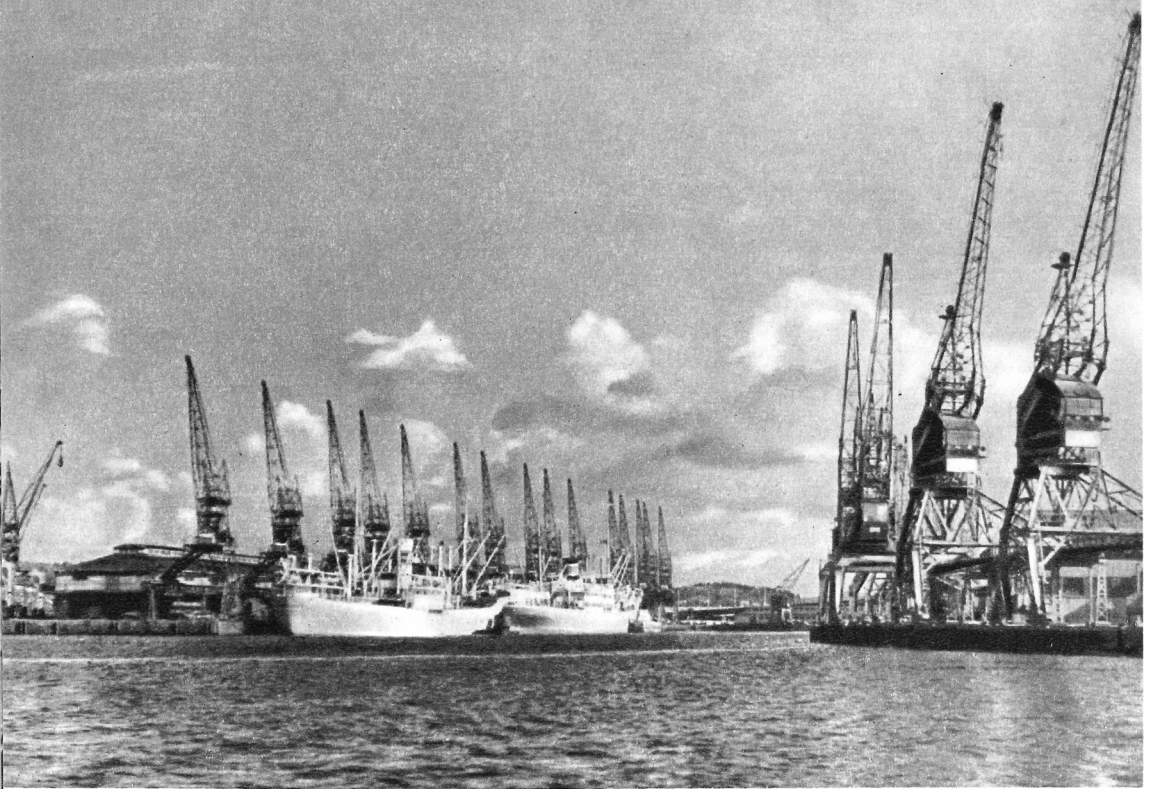


В Гётеборг за год приходит много тысяч судов. Его порт не замерзает зимой. Отсюда начинаются удобные морские дороги в Северное море, в Атлантику. Примерно четвертая часть всех товаров, которые Швеция продает за границу, и пятая часть товаров, привозимых шведам из дальних и ближних стран, перегружается на гётеборгских портовых причалах. Среди этих товаров много леса, металла, спичек, подшипников. Краны в порту стоят длинными шеренгами, словно в строю, и без устали таскают тюки, ящики, бочки.

Наша «Черепаха» показалась совсем крохотной рядом с океанскими гигантами, дымившими на рейде. Белый пассажирский экспресс Шведско-Американской компании готовился к отплытию в Нью-Йорк. К причалу бесшумно подкатывали сверкающие машины. Носильщики складывали на багажные тележки горы желтых чемоданов с лакированными наклейками гостиниц.

Подальше стоял пришедший в гости военный испанский корабль. Норвежские, бельгийские, итальянские флаги свисали с кормы скромных угольщиков и рудовозов. В несколько рядов сбились у причала шхуны, пахнувшие рыбой и водорослями.

Над гаванью, над мачтами кораблей возвышается башня, похожая на маяк. На ее вершине — бронзовая фигура женщины. Она наклонилась навстречу порыву свирепого урагана. Ветер раздувает ее волосы, платье. Женщина застыла в тревоге, в мучительном ожидании. Это жена матроса, ушедшего в бурное море. На колонне выгравированы имена и написано: «Памятник труженикам моря, погибшим на море».



В Гётеборге прежде всего стоит посмотреть морской порт.

Противоположный берег занят верфями и доками. Здесь колыбель чуть не половины всех кораблей шведской постройки. Искусные гётеборгские кораблестроители строят пассажирские суда, военные корабли, рудовозы, рыболовецкие суда и даже целые китобойные флотилии не только для шведов, но и для продажи.

Лишь четыре страны в капиталистическом мире строят больше кораблей, чем Швеция. Это хорошие, долговечные, удобные корабли — так отзываются о них моряки.

Большинством шведских верфей распоряжается не государство, а капиталисты. Им же принадлежат девяносто девять из каждых ста кораблей торгового флота страны. Государство владеет только железнодорожными паромами. Не богато!

«Черепаха» плывет мимо верфей. Над нами вздымаются испятнанные суриком темные громады недостроенных корабельных корпусов. Краны переносят по воздуху листы стали.

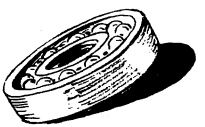
— Тепэр мы видим наибольшой в Швеции кран. Он носить сто и еще половину сто тонн, да! — говорит господин Герроу.

Мы, задрав головы, смотрим на махину. Интересно, где такую построили? Ага, вон фабричная марка... Присматриваемся — да ведь это чехословацкий кран!

«Черепаха» заканчивает круг по гавани. Причалы Гётеборгского порта растянулись чуть не на пятнадцать километров — не мудрено, что мы смотрели их почти полдня. Все остались довольны, кроме Василия Макаровича. Ему очень хотелось побывать на причале, где грузили ящики с надписью «СКФ».

ТРИ БУКВЫ И ЧЕТЫРЕ БАНКА

„СКФ"



— это ведь первые буквы названия: «Свенска куллагер фабрикён». На русский язык оно переводится как «Шведский шарикоподшипниковый завод». Разве мог наш инженер спокойно сидеть в катере.

Но «СКФ» — это уже давно не завод, а компания капиталистов, которой подчинены все подшипниковые заводы в Швеции.

Впрочем, не только подшипниковые заводы, но и разные другие — скажем, большой металлургический завод, где варят лучшую в стране сталь для подшипников. У «СКФ» есть заводы в других странах — например, в Соединенных Штатах Америки, Западной Германии, Англии, Испании, Голландии, Канаде, во Франции. Десятки тысяч рабочих разных национальностей трудятся в цехах, где над входом написано: «СКФ».

Корабли везут ящики «СКФ» в самые отдаленные уголки земного шара. Подшипники из этих ящиков ставятся на автомобили, танки, вагоны, прокатные станы. Рекламные плакаты утверждают, что все в мире вертится на шарикоподшипниках «СКФ». Я бы не удивился, если бы услышал в Гётеборге, что в свое время сам господь бог, создавая Землю, заказал подшипники для земной оси не кому-нибудь другому, а именно уважаемой всем известной фирме «СКФ»...

В какой бы шведский городок ни занесла приезжего судьба, он обязательно увидит на улицах солидные вывески: «Банкен». Главных банков в Швеции четыре, и каждый имеет множество отделений. Эти банки тоже не государственные, а частные. «Большая четверка» банков распоряжается почти тремя четвертями всех капиталов страны.

Три главных банка находятся в Стокгольме, четвертый — в Гётеборге.

В нашей группе, как я уже упоминал, были разные люди — пожилые и совсем молодые. Художник относился к последним. Он-то и затеял с господином Герроу разговор о банках. Художнику казалось, что банк — это прежде всего такое место, куда кассиры из учреждений ездят за деньгами в дни получки и куда по вечерам привозят выручку из магазинов.

— О, но! — сказал, рассмеявшись, господин Герроу.— Банкен давать кредит фабрикант, понимайт?

— Ну и что?

— Можно дать, можно нет. Имеются также акции. Вверх и вниз, понимайт?

Художник имел об акциях довольно слабое представление. Герроу пытался объяснить ему, что это нечто вроде частных облигаций. Акционерное общество капиталистов само выпускает и продает их, собирая капитал для своих дел, и если эти дела идут хорошо, то потом выплачивает держателям акций проценты из прибылей.

— Понимайт: дивиденд, прибыль? Акция вверх, акция вниз! Биржа! Игра! Понимайт?

Тут кто-то накинулся на художника: разве он не читал Золя или Драйзера? Зачем заставляет человека мучиться с объяснением простых вещей?

— Простите, товарищи,— смутился художник.— Но ведь так раньше было! Я думал, что теперь как-то по-другому...

Мы стали объяснять, что существо дела не изменилось. Банки по-прежнему могут скупать бо́льшую часть акций какого-нибудь общества не только для того, чтобы получать долю прибыли, но и для того, чтобы командовать им. Акции то повышаются, то понижаются в цене, смотря по тому, как идут дела у фирмы и много или мало прибыли она сможет выплатить. Если банк начнет на бирже сразу продавать акции, которые заранее скупил, то все подумают, что дела у фирмы плохи, и тоже постараются поскорее сбыть ее акции. Фирма может лишиться доверия и даже разориться.

Биржа, акции, игра на повышение, игра на понижение... Ничего этого в Советской стране, к счастью, нет, и нам нелегко представить себе, как все это делается.

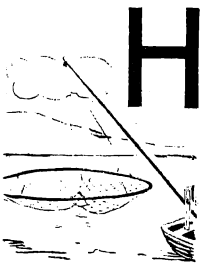
Но кто же распоряжается фирмами? Кто хозяйничает в банках?

Возьмем, например, один из «Большой четверки» шведских банков — Стокгольмский частный банк. Во главе его три брата Валленберга: Аксель, Маркус и Якоб.

А теперь поинтересуемся именами директоров и членов правлений крупнейших фирм. Ба! Знакомые все лица! Вот «Стаб» — главный спичечный концерн. Там Якоб Валленберг. Крупнейшая компания по выпуску телефонов «Эриксон» — Маркус Валленберг, «СКФ» — Якоб Валленберг... У Маркуса Валленберга — 33 должности, у Якоба — 31.

Однажды газеты подсчитали, сколько разных важных постов занимают шестьдесят главных воротил шведских банков. Оказалось, свыше семисот постов в трехстах двадцати акционерных обществах. Вот и разберись, где кончается фирма и начинается банк: хозяева тут и там — одни.

ПОБЕРЕЖЬЕ ТЫСЯЧИ ОСТРОВОВ



Неутомимый Василий Макарович успел-таки заглянуть на завод «СКФ» в Гётеборге.

В гостинице наши комнаты были смежными. Я слышал, как после прогулки на катере Василий Макарович поминутно набирал номер телефона, рассыпался в извинениях, от смущения путая английские и русские слова, и набирал снова. Оказывается, он разыскивал специалиста по подшипникам, о котором ему было известно только, что это — инженер, живущий в Гётеборге, что фамилия его Карлссон, а имя начинается на букву «А».

Карлссон в Швеции фамилия столь же «редкая», как у нас «Иванов». В телефонной книге Карлссоны занимали десятки страниц и по крайней мере у полсотни Карлссонов имя начиналось на «А». Но Василий Макарович все же нашел среди них своего Карлссона и условился с ним о встрече на заводе «СКФ».

Вечером я поймал его в коридоре. Он тащил пачку книг в ярких глянцевитых обложках.

— Каталоги,— заторопился инженер.— Очень, очень интересно!.. Завод? Ну, что говорить, шведские рабочие и инженеры умеют работать! Делают, естественно, шариковые и роликовые подшипники, большие и малые. Есть чуть не в два кило весом. Но мы, между прочим, тоже делаем такие, давно делаем. Извините...

Прижимая драгоценную пачку, он скрылся в дверях своего номера.

Последний день в Гётеборге мы без цели бродили по городу. Поднялись на новую водонапорную башню, откуда видны и парки, и канал, и река. Вечером гуляли по площади, в центре которой огромный бронзовый Посейдон, бог морей, с рыбиной в руке скучает посреди слабеньких пресных струй фонтанов. На широких ступенях, ведущих ко входу в превосходный концертный зал, толпились люди, и можно было поклясться, что на превосходном шведском языке они произносят что-нибудь вроде: «Нет ли у вас лишнего билетика?» С афиш, освещенных прожекторами, смотрел на толпу портрет какого-то знакомого человека. Где я видел этого шведа?

Площадь в Гётеборге. Жаль, что на снимке статуя Посейдона получилась такой маленькой...

Но знакомый швед оказался вовсе не шведом, а советским скрипачом Давидом Ойстрахом, который давал концерт в Гётеборге.

Гётеборг главенствует на западе страны. Он, как я упоминал, лежит на земле гётов. Но город прочно связан и со Средней Швецией, с землей свеев. Свеаланд дает ему сырье и продукты. Многие города земли свеев отправляют через Гётеборгский порт изделия своих фабрик и заводов.

Севернее Гётеборга до самой норвежской границы тянется побережье тысячи островов.

Это край, где не надо прокладывать дорог и нет нужды поддерживать их в порядке. Здесь стада, которые не нужно ни пасти, ни стеречь. Это край мужественных рыбаков. Мотор и парус ведут их по голубым океанским путям за стадами сельди в бушующий океан, за тысячи километров от родной бухты, открытой всем ветрам.

Серые скалы жмутся здесь к морю, почти не оставляя людям места для жилья. Крашенные в белый или красный цвет дома стоят тесно, стена к стене, на помосте. О его надежные толстые сваи трутся лодки. У моря в солнечный день греются на скамейках старики, и сизый дымок курится над их короткими трубками.

Вон рыбачка стирает что-то похожее на наши половики. Повыше старуха не спеша окучивает тяпкой картофель. Участок у нее крохотный, посадила старая меж камней полведра, не больше. Подле нее нежится в нагретой солнцем земле большая черная кошка.

Под темным парусом скользит в бухту рыбацкое суденышко. Оно, пожалуй, не больше нашего катера «Москвич», только пошире да борта повыше. Видно, не робкие сердца у парней, уходящих на такой посудине в бурное море. А парни — крепыши, в ладных комбинезонах, натянутых на яркие свитеры. Лица обветренные; и без того светлые волосы солнце выбелило, как лен.

Серебристые макрели быстро выгружены, и женщины ловко разделывают их ножами. Старик, подойдя к разделочному столу, внимательно следит за работой. Ну, право, он сошел с картины художника Христиана Крога! Она вывешена в Гётеборгском музее. Над столом с синей картой склонился моряк — капитан или лоцман. Он широко расставил ноги — должно быть, шторм треплет судно. Глаз моряка не видно, видны только синие вздутые жилы и мокрые от пота пряди полуседых волос. Он в мучительном, напряженном раздумье перед принятием какого-то важного решения. Картина называется кратко: «Фарватер неизвестен».

И у этого старика, что смотрит на рыбачек, те же натруженные руки, те же пряди полуседых волос.

С незапамятных времен обитают кормящиеся морем люди на этом скалистом побережье. Они оставили

Вот что видно с самолета, низко летящего над побережьем к северу от Гётеборга.

после себя памятники — грубо отесанные каменные глыбы, поставленные торчком. На них высечены таинственные знаки. Это руны, или рунические письмена. Они были распространены в Скандинавии в III—IV веках нашей эры.

Руны выбивались на надгробных плитах, вырезались ножом на деревянных дощечках или на бронзовых изделиях. Смысл некоторых рунических надписей не разгадан до сих пор.

Но многое удалось прочесть. Так, на одном золотом роге написано: «Я Хлевагаст из Хольта рог сделал». Деревянную медаль с портретом бородатого человека украшает надпись: «Ауда этим владеет; колдовство чиню Вотве». Может быть, этот Ауда был жрецом и написал рунами заклинание своему врагу?

И, может быть, в те давние времена вот так же приходили на стругах из синей морской дали рыбаки, женщины чистили на камнях рыбу и старик с деревянной медалью следил за мельканием проворных рук...

ГОЛУБАЯ ЛЕНТА

От Гётеборга к Стокгольму протянулась наискось через всю страну полоса низменностей и больших озер. Похоже, будто кто-то глубоко вдавил эту часть полуострова.

Тут побывало море. Потом ледники изрядно перепахали его обжившееся дно, нагромоздив груды валунов и вырыв углубления для озер.

На карте полоса низменностей зелено-голубая. И не только на карте. Голубые чистые зеркала воды оправлены здесь в зеленые лесные рамы.

Озер в Швеции свыше девяноста тысяч. Они покрывают почти десятую часть страны. Три самых больших озера связаны каналами, по которым из Гётеборга в Стокгольм можно проплыть поперек страны, не ступая ногой на землю.

Гусиная стая Акки из Кебнекайсе не миновала озерный край. Нильсу казалось, что здешние озера наполняет не вода, а чудесный голубоватый свет, озаряющий окрестные холмы и рощи.

Гуси радовались теплу, весне и громко кричали. Люди, заслонив глаза от солнца, с завистью смотрели на вольных птиц. Крики гусей слышали рудокопы, слышали рабочие бумажной фабрики. Они окликали птиц, и Нильс кричал в ответ, что стая держит путь в вольные края, где нет тяжелых молотков, котлов, машин... И рабочие думали, что их жажда свободы превращает в человеческую речь гусиные крики.

Пролетели гуси и над громадными спичечными фабриками. Молодая работница открыла окно — и Нильс прокричал девушке, что птицы летят туда, где не надо делать ни свечей, ни спичек.

Девушка подумала, что ей только почудились эти слова в гоготании гусей, но она не удержалась и крикнула с тоской:

«Возьмите меня с собой! Возьмите меня с собой!»

«Не в этом году! Не в этом году!» — донесся до нее ответ Нильса.

Наконец гусиная стая оказалась над школой, где только что прозвонил звонок на перемену. Когда Нильс громко крикнул, что стая летит туда, где нет ни книг, ни уроков, то, конечно, нашлось немало таких ребят, которые были готовы тотчас отправиться в эти волшебные края. Нильс, не отличавшийся прилежанием, очень хорошо понял их и, перегнувшись с гуся, пообещал взять всех туда на будущий год.

Заметьте — он обещал все это не из озорства, а от желания сделать людям что-либо приятное. Путешествуя со стаей, Нильс очень изменился. Он спас жизнь гусаку Мартину, выручил из беды белку Сирле, храбро защищал гусей от выдры. Гуси тоже не давали его в обиду. Великое дело — дружба и товарищеская выручка!

Сейчас в озерном краю еще больше фабрик и заводов, чем было во времена Нильса Хольгерсона. Ведь Средняя Швеция — ядро страны. Гётеборг на западе и Стокгольм на востоке как бы стягивают в два пучка линии железных дорог, морских путей, каналов, шоссе. Здесь, в многочисленных городах Средней Швеции, трудится особенно много шведских рабочих и выпускается бо́льшая часть шведских промышленных изделий.

Едет ли путешественник из Гётеборга в Стокгольм по железной дороге, предпочитает ли он шоссе или, наконец, палубу неторопливого суденышка, идущего через шлюзы Гёта-канала — всюду он видит красные черепичные крыши в зелени садов, огороженные пастбища, длинные скотные дворы. Потом начинаются заводские окраины городов, фабричные трубы, бензиновые колонки, мелькает шпиль ратуши, позеленевшая бронза памятника. Над всем этим — бледное голубое небо и белые светящиеся облака, а то и тучи, не скупые на дождичек.

Путешествие из Гётеборга в Стокгольм по «голубой ленте» Швеции — так называют Гёта-канал — занимает три дня. Для человека, спешащего на заседание правления банка или на распродажу партии холодильников, это срок немыслимый. Но отпускнику или туристу прямой расчет взять билет на пароходик. И смотрите, какое имя написано на его спасательных кругах и белом борту: «Сельма Лагерлёф».

Гёта-канал построен более ста лет назад и не похож на наш Волго-Дон или канал имени Москвы. На нем больше шестидесяти маленьких шлюзов. Суда втискиваются в них, что называется, впритирку. Пока пароходик медленно и осторожно поднимается по шлюзовой лестнице, мож-

Сейчас пароход спустится на одну ступеньку в шлюзах Гёта-канала, который называют «голубой лентой» Швеции.

но сойти на берег, осмотреть ближайший город, пообедать там и вернуться на судно как раз вовремя.

Гёта-канал какой-то уютный, «домашний». Местами он не шире хорошего шоссе. Через него перекинуты катучие мостки. Надо человеку перейти на другую сторону — он выкатывает такой мостик на колесиках до противоположного берега, а потом толкает его обратно. Ветви деревьев, растущих по берегам, задевают за палубу. Суденышко скользит в тени леса, словно по аллее. Дома кое-где поставлены вплотную к каналу. Кажется, что можно с палубы поздороваться за руку со стариком, читающим газету у раскрытого окна.

Маршрут «голубой ленты» таков. Сначала гудящий моторами авиационных заводов город Трольхеттан, энергию которому дают водопады реки Гёта-Эльв; потом спокойный простор огромного озера Венерн, откуда вытекает эта река; снова узкий канал, прорезающий водораздел и ведущий в соседнее озеро Веттерн; оттуда опять-таки по каналам — к шхерам Балтийского моря, и под защитой бесконечных островов — в залив, соединенный каналом с озером Меларен. А на Меларене стоит Стокгольм.

Тут и конец «голубой ленте»

РОДИНА СКАЗКИ

Каждый человек любит родные места. Состарившись, он с нежностью вспоминает ту рощу, в которой гонял белок с другими ребятами, ту речку, где пускал пузыри, учась плавать. Если этот человек — писатель, то, возможно, из-под его пера появятся строки, где описание родного угла будет озарено любовью и пронизано счастливыми воспоминаниями детства, которое на склоне лет кажется прекрасным, удивительным...

Лежащей у северных берегов озера Венерн провинции Вермланд особенно повезло — о ней с любовью вспоминали несколько крупных писателей Швеции. Но можно ведь также говорить и о том, что писателям повезло родиться в Вермланде: с давних пор жителей этой провинции отличала любовь к поэзии и музыке. В деревнях летними белыми ночами парни сочиняли песни и деревенские скрипачи подбирали к ним мелодии. Зимними вечерами старухи без конца рассказывали удивительнейшие истории, были и небылицы — и недаром Вермланд называли волшебным ящиком шведских сказаний.

В маленькой вермландской деревушке, в семье сельского священника, родился Эсайас Тегнер.

Крытый черепицей одноэтажный белый домик, похожий на тысячи других крестьянских домов Вермланда, служил приютом поэту и историку Эрику-Густаву Гейеру. Современник Тегнера и его друг в студенческие годы, Гейер писал стихи и сам сочинял к ним музыку, записывал старинные легенды и песни.

В Вермланде в 1858 году родилась и Сельма Лагерлёф, народная писательница Швеции.

Она была учительницей в городке Ландскруне — на юге Швеции и десять лет преподавала в школе для девочек; здесь впервые попробовала сочинять сказки и обрабатывать народные легенды. По-

том Сельма Лагерлёф написала первую большую книгу — «Сага о Гёсте Берлинге». В ней описывается жизнь вермландской помещичьей усадьбы в начале прошлого века.

Сельма Лагерлёф слышала в детстве много рассказов о том, что в старину жили беззаботно и весело, пока всюду не понастроили фабрик и железных дорог. Вот она и описала, как несколько бездельников пьют вино и веселятся, когда вокруг голодают люди. Герой книги Гёсте Берлинг в конце концов порывает с прежней жизнью и находит счастье в труде.

Книга насыщена духом вермландских легенд и сказаний. Говорят, будто крестьяне даже упрекали писательницу в том, что она, мол, напечатала в книге разные истории, которые ей рассказывались просто так, а вовсе не для того, чтобы о них узнали добрые люди во всей Швеции...

«Сага о Гёсте Берлинге» принесла Сельме Лагерлёф славу. Одна за другой появлялись новые ее книги. Но когда Сельма Лагерлёф задумала написать для школьников о Швеции, то долго не могла приступить к делу. С чего, например, начать? Может быть, с описания Вермланда?

Писательнице захотелось прежде всего побывать в вермландской усадьбе Морбакка, где прошло ее детство, где жили ее отец, дед, прадед. Она рассказывает, как поехала в Морбакка, увидела полузаросший пруд, кладовые, хлева, колокол, сзывавший рабочих к обеду, голубей, летающих над голубятней... Писательница шла к дому через сад, как вдруг раздались крики о помощи. Она поспешила на зов. Маленький человечек, ростом с ладонь, отчаянно отбивался от напавшей на него совы. Ну конечно, это был Нильс Хольгерсон!

Сова взлетела на дерево, а Нильс рассказал своей спасительнице удивительную историю о себе и о диких гусях. Осталось только записать ее — и книга, которой потом зачитывались ребята, была готова. Видите, как все просто!..

...Белоствольные березы, синь озера за ними и двухэтажный старинный дом. Это и есть Морбакка, родовое гнездо Сельмы Лагерлёф.

В усадьбе все так, как было при жизни писательницы. Сельма Лагерлёф любила работать в домашней библиотеке. Это просторная комната, где с потолка свисает хрустальная люстра, а на камине стоит старинный телефонный аппарат с высоким рычажком. Удобная кушетка для отдыха, пальмы в кадках, картины в тяжелых рамах — и книги, книги, книги...

Круглый стол в соседней комнате тоже завален книгами. Они лежат и на рояле и на диванах вдоль стен. Мебель старомодная, не похожая на обстановку в современных шведских домах.

В этой комнате — большой портрет писательницы. Ей уже много лет, она кутается в белый шарф, ноги в домашних туфлях поставлены на красную подушечку. На шее — бархотка: такие носили в прошлом веке.

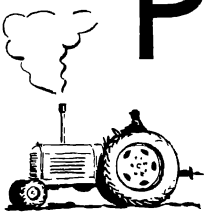
На портрете писательница изображена в последние годы жизни. Она умерла в 1940 году.

Как знакомо: березы у тихого озера... Но эти белоствольные красивицы растут не в Подмосковье, а в Вермланде.

Писательница прожила долгую трудовую жизнь. Ее книги читали и читают десятки миллионов людей. Она была удостоена Нобелевской премии и избрана членом Шведской академии. А главное, она была человеком с большим сердцем, любила людей, верила в них, верила в их духовную красоту и до конца своих дней, как могла и умела, боролась против того, что в ее глазах было злом и несправедливостью.

В ноябре 1958 года столетие со дня рождения Сельмы Лагерлёф было отмечено во всем мире.

НЕБО И ПОЛЯ ОВСА



Равнины и холмы Вермланда, его леса и луга с сочной сеяной травой лишены ярких красок; они спокойны, величавы и располагают человека к задумчивости, мечтательности.

В тихую погоду Венерн отражает шпили ратуш и черепичные кровли маленьких городков, занявших его берега. В штормовые дни озеро бьет волной в серые гранитные глыбы набережных, и пароходики спешат укрыться в бухтах.

К Венерну несет быстрые воды река Клар-Эльв. Сколько бревен пригнала она в заводи, откуда цепкие железные когти тащат их в дробилки целлюлозно-бумажных фабрик! Уже сильно поредели березовые и еловые леса Вермланда, а машины не знают отдыха: давай, давай!

Не только шум дробилок нарушает патриархальную тишину родины Сельмы Лагерлёф. «Вермланд — это страна чудес, сказок и романтики,— прочел я в одной шведской книге.— Но он имеет и свою прозаическую сторону. Небогатые рудники баронов прежних времен выросли в огромные предприятия, продукция которых известна во всем мире».

День и ночь работают заводы Буфорса, вырабатывая сталь, снаряды, пушки, танковую броню, взрывчатые вещества. Швеции не нужно так много оружия, но его охотно покупают другие капиталистические страны.

Это уже не сказки и не романтика, а проза Вермланда.

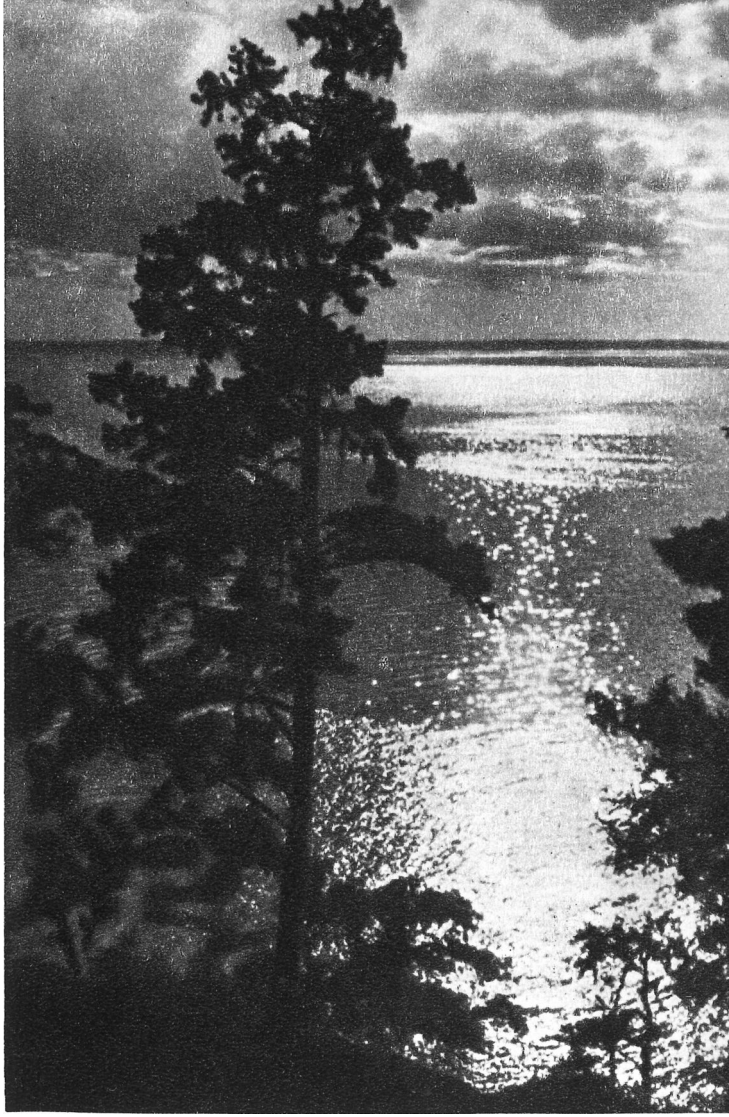
Между Венерном и его младшим братом — озером Веттерн лежат земли губернии Скараборг.

Страна делится на двадцать четыре губернии, или «лена». Есть еще в Швеции «ландшафты» — прежние исторические провинции, границы которых не всегда совпадают с границами губерний — ленов. Например, в провинции Сконе два лена, а в Смоланде — даже три.

Швед скажет: «Этот город в Смоланде», «Я проведу отпуск в Сконе» — и не упомянет названий ленов. Мы ведь тоже говорим: «Я родился на Урале», «Поедем на каникулы в Поволжье».

По поводу лена Скараборг острят, что он состоит из полей овса и жидко-голубого неба над ними. Темно-красные деревянные дома стоят здесь среди полей, где на суглинистых почвах, кроме овса, выращивают картофель, пшеницу, сеют клевер. По холмам среди садов белеют старинные каменные дома помещичьих усадеб.

В помещичьем хозяйстве выращивать хлеб или скот куда дешевле, чем на маленькой ферме, где вместо трактора сивка-бурка, а весь «машинный парк» состоит из конного плуга. Нелегко мелким фермерам! Сойдутся возле почтового придорожного ящика несколько соседей, закурят трубки, сигареты:



Опять знакомый вид: шведское озеро Веттерн похоже на наши северные озера.

— Как живете, господин Линдман?

— Плохо, господин Хансон. Думаю продавать землю, уходить в город.

— Не дело говорите, господин Линдман. В городе тоже не сладко. Да и привыкли мы к земле... Может, и нам сделать, как в «Рюде»?

— Э-э, нет! Это мне не подходит. Мои предки были свободными фермерами. Довольно с меня и того, что я все продаю и покупаю через кооператив.

— Нет, господа,— вмешивается третий фермер,— «Рюд» и мне не по душе, а вот что вы думаете насчет того, чтобы нам сложить капиталы, да и купить сообща трактор, а?

— Мы с сыном и сами об этом давно думаем, господин Карлссон. Это дело хорошее, что и говорить. Но...

«Но» заключается в том, что у господ Линдмана, Хансона с сыном и Карлссона, вместе взятых, земли всего шесть с половиной гектаров, а капиталов они могут наскрести не больше чем на три тракторных колеса. Однако по соседству бедуют на своих клочках господа Иёнсон, Гюльден, Нильсон, другой Карлссон, Эрдман, Эриксон... После долгих споров, колебаний, размышлений трактор наконец покупается в складчину. Это все же выгоднее, чем платить деньги машинопрокатной станции.

Трактор покупается через кооператив. Иначе нельзя — правление кооператива обидется. А с ним лучше не ссориться.

Кооперативы в Швеции существуют давно, несколько десятков лет. С их помощью фермеры продают зерно, молоко, масло, мясо, яйца. Через кооперативы же приобретают машины, удобрения, семена. В кооперативных правлениях заседают весьма почтенные и уважаемые люди, у которых и земли достаточно и в кармане не пусто.

А что это за «Рюд», о котором вспоминали фермеры?

Однажды в управление города Линчёпинга пришел господин Альсен и сказал, что он и его друзья хотели бы арендовать землю у озера возле леса. Господин Альсен пояснил, что он и его товарищи — сельскохозяйственные рабочие, хорошо знающие свое дело: двое были фермерами, но имели такие клочки земли, на которых, как говорится, даже гусю повернуться негде. Теперь, собрав все свои сбережения, они хотели бы попробовать работать сообща.

Новое кооперативное хозяйство назвали «Рюд». Члены кооператива поселились в чужих домах и принялись полученными в долг машинами обрабатывать арендованную землю.

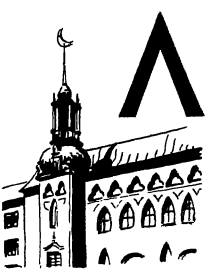
В окрестных кооперативах сообща продавали то, что каждый выращивал по отдельности в своем хозяйстве. В «Рюде» же стали сообща выращивать для продажи поросят, сообща сеять пшеницу.

Дело пошло. За первые четыре года «Рюд» расплатился с частью долгов, купил в кредит трактор и комбайн. Когда в окрестностях узнали, что каждый член кооператива зарабатывает почти вдвое больше, чем сельскохозяйственный рабочий, в усадьбу у озера потянулись любопытные.

Мне не довелось побывать в «Рюде», но наша сельскохозяйственная делегация там была. Один из членов делегации спросил, почему на всю Швецию есть лишь несколько подобных кооперативных хозяйств. На это господин Альсен и его товарищи ответили, что очень трудно получить землю: ни местные власти, ни помещики в создании таких кооперативов вовсе не заинтересованы.

Сердце Швеции

МНОГОЛИКИЙ ГОРОД



Легенда уверяет, что там, где теперь стоит шведская столица, в незапамятные времена молодой рыбак ранил копьем русалку. Ее кровь смешалась с морской водой. А эта кровь обладает тем чудесным свойством, что передает русалочью красоту. Поэтому-то так прекрасно море возле Стокгольма и так привлекательны омытые его волнами берега, где стоит столица Швеции.

Стокгольм красив — на этом сходятся и шведы и иностранцы. Острые тонкие шпили башен очерчиваются над ним в бледно-голубом северном небе. Пышной листвой одеты парки. Холодной сталью блестит вода каналов. Стокгольм называют иногда «Северной Венецией». Четырнадцать его островов, омываемых солеными водами Балтийского моря и пресными водами озера Меларен, дали приют семистам семидесяти тысячам жителей столицы — десятой части населения страны. А всего, если присчитать обитателей пригородов, в Большом Стокгольме живет свыше миллиона человек.

Мне Стокгольм немного напомнил Ленинград: строгие каменные здания в старой части города тоже выстроились вдоль гранитных набереж-

На старых улицах Стокгольма два рыцаря могли разъехаться довольно свободно; но как вы думаете, может это удасться двум автомашинам?

ных и гулкие мосты висят над водами. Но Ленинград занял равнину, а Стокгольм вскарабкался и на скалы. Кое-где они почти нависают над улицами, и металлические сетки предохраняют прохожих от камнепада.

Стокгольм многолик. В кварталах возле порта из-за тяжелых массивных контор пароходных компаний выглядывают корабельные мачты с флагами ближних и дальних стран. Матросы слоняются по лавчонкам, покупая на память зажигалки, дешевые трубки и яркие цветные открытки.

Но вот Дроттинггатан — одна из главных улиц торговли и выставленных напоказ богатств. Тут прогуливаются дамы с постриженными по последней моде собачками, франты, солидные господа с тучным кошельком, молодые, тщательно одетые священники.

Стокгольму много лет. В XII веке шведские воины несли сторожевую службу на островах, где теперь — центр города. В узких проливах, по которым вражеский корабль мог проскользнуть из моря в озеро Меларен, в глубь страны, стояли свайные заграждения с потайными воротами.

В городе сохранились церкви, заложенные еще в XIII веке. Один из островов до сих пор называется Рыцарским, и его берегут, как памятник старины.

В Стокгольме много всевозможных фирм, акционерных обществ, банков. Двадцать тысяч служащих сидят в столичных конторах, подсчитывая чужие барыши.

Девяносто тысяч человек заняты в шведской столице торговлей. Сто двадцать тысяч рабочих трудятся в цехах столичных заводов и фабрик.

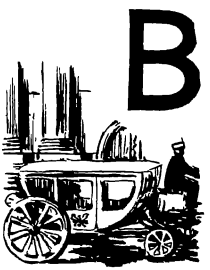
Стокгольмская больница — самая

большая в Европе: по ее коридорам врачи ездят на самокатах. Под больницей — бомбоубежище на три тысячи больных и врачей.

В столичном Нобелевском институте занимаются атомными исследованиями. А под окнами института в бесшумных машинах проезжают люди, которые до сих пор носят пышные титулы своих предков, полученные в средние века.

Многолик Стокгольм!

ФЛАГ НАД ДВОРЦОМ



В самом центре города — тихие улицы. Даже малолитражному автомобилю туда просто не втиснуться. Ширина этих улиц — три, четыре шага.

Это улицы средневекового Стокгольма. Его часто называли тогда «городом между мостов» — он весь умещался на небольшом острове Стаден.

Здесь глухие серые стены заслоняют небо и на улочках — полумрак. Чугунные гербы надменно красуются над дверями. Вон на высоте в полтора человеческих роста — окошечко. Мало того, что оно закрыто решеткой,— весь подоконник утыкан еще ржавыми гвоздями.

Кто жил там? Ростовщик? Придворный интриган, опасавшийся наемного убийцы? Рыцарь, сделавший войну ремеслом? Или рыцарь наживы, богатый купец, торговавший и с Новгородом, и с Любеком, и с Копенгагеном? И не его ли потомок скучает по соседству в своем магазинчике среди бутылок с американским напитком «кока-кола», мексиканских ананасов, головок голландского сыра, коробок с норвежскими сардинами?

В старой части города много памятников. Один бронзовый король поднял жезл, второй опирается на меч, третий левой рукой показывает на восток, держа в правой обнаженную шпагу.

Тут же находится дворец, в котором живет ныне здравствующий король Густав VI Адольф.

Бо́льшую часть дворца можно осмотреть за недорогую плату. При входе продается и описание наиболее интересных из его восьмисот комнат.

То, что у короля восемьсот комнат, особенно поразило ребят, которым я рассказывал в одной из школ о поездке в Швецию. Бойкая девочка спросила даже:

«А как же королева успевает убираться во всех этих комнатах?»

Школьница не знала, что у короля в личном распоряжении находится много людей — целый королевский двор. На содержание двора расходуется почти четыре миллиона крон в год. Это очень большие деньги.

Торжественный выезд шведского короля.

Когда в начале года должен заседать риксдаг — шведский парламент, то король с большой пышностью едет в старинной карете на его открытие.

Для встречи с королем заранее собираются члены парламента. Король произносит перед ними торжественную тронную речь.

Законы для шведов издает король вместе с парламентом. Если король не согласен с каким-нибудь законом, который захотят ввести депутаты парламента, то он может, не споря с ними и не доказывая, что такой закон не хорош, просто не утвердить его. Но за последние десятилетия в Швеции так не случалось ни разу. Правительство, риксдаг и король, по-видимому, действуют в согласии друг с другом.

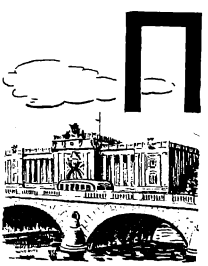
Король присваивает титулы и дворянское звание. Владельцы прекрасных замков на равнинах Сконе, дворяне и аристократы, чьи предки получили от королей землю и титулы, до сих пор величают друг друга так же, как придворные в романах Дюма.

Шведские бароны и графы занимают выгодные должности в различных департаментах и коллегиях, сохранившихся еще с тех времен, когда писали гусиными перьями, присыпали написанное сухим песком и отправляли срочные письма в шапках верных гонцов.

Однако не все придворные сидят в поместьях или в департаментах. Их занимают не только портреты предков в парадных залах. У них есть дела и поважнее, чем кормление лебедей в прудах старинных замков.

В наш век аристократы интересуются рудой, лесом, газовыми плитами, даже удобрениями. Времена рыцарских турниров давно прошли. Член правления компании «Газаккумулятор», камергер королевского двора фон Гейденстам сражается с членом правления концерна железных рудников, бывшим послом, камергером королевского двора бароном Луи де Геером, отнюдь не ради прекрасной дамы, но единственно ради весьма прозаических прибылей.

ЗДЕСЬ ЗАСЕДАЕТ РИКСДАГ



Почти рядом с королевским дворцом, на соседнем небольшом островке — пятиэтажное здание с колоннами по фасаду, со статуями и гербами на крыше. Здесь заседает риксдаг.

Члены парламента рассаживаются в круглом зале, где на возвышении сидит председатель с большим деревянным молотком. Этот молоток не только заменяет ему колокольчик. Когда, например, обсуждение вопроса закончено и никто больше не спорит против предлагаемого решения, то удар председательского молотка означает, что оно принято.

Если депутатов не интересует то, о чем говорит оратор, они уходят из зала в буфет, фойе или читальню и сидят там до тех пор, пока по всему зданию не раздастся особый сигнал. Он означает, что сейчас вопрос ставится на голосование.

Голосование в риксдаге механизировано. Возле каждого депутата есть две кнопки. Депутат нажимает зеленую кнопку — значит, он голосует «за», красную — «против». Воздержавшийся нажимает обе кнопки сразу. Машина быстро и точно считает голоса. На щитах вспыхивают цифры, и председателю остается только стукнуть деревянным молотком.

В шведском риксдаге — две палаты.

Депутатов Первой палаты риксдага избирают на восемь лет представители губернских собраний и уполномоченные шести крупных горо-

Здесь заседает риксдаг, шведский парламент.

дов страны. Значит, граждане голосуют не прямо за депутата, а за тех, кто его будет выбирать.

Депутатов Второй палаты избирают только на четыре года. За них могут голосовать те, кому исполнился 21 год и кто не меньше года прожил в том месте, где отдает свой голос, что не очень удобно для десятков тысяч сезонных рабочих, которые полгода работают в лесу, а полгода — на фермах.

Четверть века в шведском риксдаге и правительстве главную роль играют члены социал-демократической партии. Немало парламентариев принадлежит к буржуазным партиям. Есть среди членов парламента и коммунисты. Коммунистическая партия Швеции поддерживает социал-демократическое правительство против сплоченного наступления буржуазии, но не отказывается и от его критики, проводя свою политику, наиболее отвечающую интересам широких масс трудящихся Швеции.

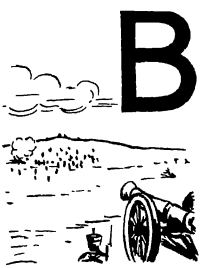
Среди шведских рабочих есть и коммунисты и члены социал-демократической партии. Их взгляды не во всем сходятся. Но те и другие вместе выступают против войны, стремятся к миру, хотят улучшения жизни трудящихся.

В 1958 году шведский риксдаг бурно обсуждал проект закона о пенсиях. В Швеции пенсию платят и тем, кто в своей жизни не трудился ни одного дня: нужно лишь дожить до 67 лет. Но поскольку деньги на пенсии не падают с неба, а откладываются в основном за счет тех, кто трудится, то получается несправедливо: бездельник на чужие деньги живет в старости не хуже того, кто весь свой век гнул спину.

На обсуждение риксдага был вынесен проект другого закона, по которому тот, кто трудился, должен получать, сверх общей пенсии, еще дополнительную пенсию.

Справедливо? Но когда после долгих споров депутаты стали нажимать кнопки, то во Второй палате красных было нажато на шесть больше, чем зеленых: буржуазные партии провалили закон, за который голосовали социал-демократы и коммунисты.

ШЛЯПА, ПРОБИТАЯ ПУЛЕЙ



В музеях Стокгольма приезжим из нашей страны непременно показывают такие вещи и картины, которые имеют отношение к России, к русским. При этом хозяева иногда улыбаются с гордостью, а иногда — с легким смущением. Русский и шведский народы не всегда жили мирно. Вот любезным хозяевам и не хочется напоминать об этом. Но, как говорится, из песни слова не выкинешь.

Шведы были воинственным народом. Уже в те давние времена, которые шведские историки забавно называют «эпохой ржи, железа и штанов», из добытого в скандинавской земле металла прежде всего ковались мечи.

Викинги — рассказ о них впереди — не расставались с оружием. Меч добывал шведскому средневековому феодалу славу и богатство. Редкий шведский король умирал своей смертью и в то бурное время, когда страна стала единым государством. Король Сверкер пал от рук наемных убийц. Эрика, севшего после него на трон, зарезали. Не успел сын Сверкера, Карл, привыкнуть к короне, как его проткнул мечом Кнут, сын Эрика.

Но, хотя короли из-за кипучей энергии своих противников и не заси-

живались долго на троне, многие из них все же успевали предпринять хотя бы один поход на восток.

Войска и флот короля Эрика Картавого вел против русских рыцарь Биргер. Он занимал главную после короля должность ярла — первого советника и главнокомандующего.

Шведские корабли вошли в Неву. Непрошеных гостей встретила рать новгородского князя Александра Ярославича. Русские наголову разбили захватчиков. За этот подвиг наш народ прозвал князя Александра Невским. В разгаре битвы он схватился с самим ярлом Биргером и сильно ранил того копьем в лицо. Но, рассматривая памятник Биргеру, поставленный в Стокгольме, я не заметил никакого шрама на лице этого достойного воина.

Бесконечные войны и междоусобицы так ослабили Швецию, что она более чем на столетие попала под власть своей сильной соседки — Дании. Однако едва страна освободилась от датчан и окрепла, как шведские короли снова повели войска на восток.

К концу XVII века не было на севере Европы страны сильнее Швеции. Ее войска прошли по полям Польши, Германии, Дании. На землях Прибалтики, захваченных у русских, стояли каменные столбы с надписью: «Здесь Густав Адольф, шведский король, определил границы своего государства».

Но и мы и шведы хорошо помним, что произошло потом...

В музее хранят татарскую шапку, которую носил у турок Карл XII, бежавший к ним после поражения под Полтавой. В чужой одежде, отпустив бороду, чтобы не быть узнанным, разбитый шведский король верхом пробирался из Турции на родину через всю Европу.

Я видел в музее и шляпу Карла XII, которую он надел в последний день своей жизни. Она пробита пулей. Король был убит при вторжении шведских войск в Норвегию.

До сих пор неизвестно, откуда прилетела эта пуля. Чтобы разгадать тайну, дважды поднимали могильные плиты Рыцарской церкви в Стокгольме, где погребен король-воин.

Карла XII убили осенней ночью, когда он осматривал укрепления. Вряд ли кто-нибудь из вражеского лагеря мог разглядеть в темноте его фигуру. Да и по виду король мало отличался от солдат: носил простой синий мундир и высокие сапоги.

Когда сто лет назад второй раз потревожили могилу короля, то обратили внимание, что череп пробит так, как это бывает при выстреле с близкого расстояния. Тогда снова вспомнили слухи о тысяче золотых, которые сестра короля будто бы дала убийце, чтобы расчистить путь к трону для своего честолюбивого мужа, принца Фридриха.

Войны Карла XII дорого обошлись Швеции. Страна была разорена, хутора смотрели на белый свет заколоченными окнами, нивы лежали не-

паханными. В армию брали даже подростков; Аксель, герой поэмы Тегнера, узнал солдатскую жизнь в пятнадцать лет.

После Полтавы русские и шведы еще не раз встречались на полях битв и как противники и как союзники.

За участие Швеции в войне против Наполеона ей передали под власть Норвегию. Но норвежцы не хотели признавать шведского короля, и тогда он приказал с оружием выступить против непокорных. В 1814 году шведские войска в последний раз шли в атаку.

С тех пор — полтора века! — шведы слышали только сигналы учебной тревоги.

В ЗОЛОТОМ ЗАЛЕ

Да, есть такой — весь ослепительно сверкающий золотом! Дом городского управления Стокгольма, который обычно называют ратушей, это одновременно и дворец-музей. Его охотно показывают приезжим. При входе вы не покупаете билет, а со звоном опускаете монету в старинную кружку, которую держит привратник.

Сначала я думал, что ратуше много-много лет: есть в ней массивность и суровость средневекового замка. Вдруг слышу:

— Господа, это здание строил архитектор Рагнар Эстберг. Оно окончено в тысяча девятьсот двадцать третьем году.

И дальше следует рассказ, как влюбленный в шведскую старину архитектор и его помощники — мастера из народа — задумали украсить столицу зданием, где бы лучшее из древнего и нового шведского зодчества дополняло друг друга. Так появились строгие кирпичные стены и гулкие своды, расписанные под облачное небо — ведь в замки скандинавов, не знавших стекла, свет проникал через непокрытые деревянные стропила.

Однако в деловых комнатах ратуши стоит современная мебель. Члены исполнительного комитета совещаются за удобным столом из полированного ясеня; над ними — позолоченная статуя святого Эрика, который считается покровителем Стокгольма.

Наша группа, в которой есть русские, англичане и несколько шведов из северных провинций, идет за чиновником, дающим объяснения. В ратуше много залов, и один лучше другого. Они украшены колоннами из шведского гранита, народной живописью и лепкой.

Раскрываются тяжелые, окованные медью двери — и мы восторжен-

Красивое здание стокгольмской ратуши вы, наверное, уже заметили и на обложке этой книги.

но ахаем. Золотой зал весь в золотой мозаике и аллегорических изображениях знаменитых людей Швеции.

— В этом зале устраиваются приемы и банкеты,— говорит сопровождающий нас чиновник. — Мы можем принимать здесь очень много гостей.

Я рассматриваю на стене поучительное изображение жизни человека: детство, юность, любовь, труд, смерть... ангел, уносящий человеческую душу...

— Там наверху есть кухня, где сразу можно приготовить обедов больше чем на тысячу человек,— продолжает чиновник.— Но столько людей мы редко приглашаем обедать, да! Это дорого. Налогоплательщики этого не хотят.

Опять о налогах и налогоплательщиках! Разговоры эти часто слышишь в Швеции, и они весьма однообразны: налогоплательщики жалуются на налоги. Почти четверть, а с косвенными налогами чуть не треть заработка — это много, слишком много! Швеция ни разу не воевала последние полтора века, землетрясения, катастрофические наводнения и другие стихийные бедствия на нее не обрушивались, богатств накоплено много — можно бы, пожалуй, и снизить налоги!..

Мы вышли из ратуши и остановились у подножия ее главной башни. Странно, но разговор завертелся не вокруг прекрасного творения Эстберга, а вокруг вещей очень обычных и будничных.

— Нам нельзя снизить налоги, — твердо сказал пожилой швед, как я потом узнал — банковский служащий из города Лулео. — Это ослабило бы нашу оборону.

— Но мы тратим на нее шесть миллионов крон в день! — возразил высокий блондин, по виду рабочий или ремесленник.

— Разве страна этого господина тратит меньше? — Первый собеседник кивнул в мою сторону.

— Его стране открыто угрожают, — возразил второй. — А кто угрожает Швеции?

— Господа, оставьте эти политические споры, — вмешался третий. — Однако вздорожание бензина, табака, электрической энергии...

— Сахара,— вставила жена служащего из Лулео.

— Да, и сахара. Я хочу сказать, что правительство должно было избежать этого повышения цен.

— Скажите, господин русский, как у вас платят мужчинам и женщинам? — обратилась ко мне жительница Лулео.

Когда несколько дней назад мне впервые задали подобный вопрос, я не мог его понять. Но теперь мне уже было ясно, что интересует шведку.

— За равный труд — равная оплата, — сказал я.

— Вот видишь! — повернулась шведка к мужу.

— Пойдем, дорогая, нам пора, — произнес тот с озабоченным видом и взял жену под руку. — Экскурсия была очень интересной, не правда ли?

А почему шведка задала довольно странный, на наш взгляд, вопрос, вы сейчас узнаете.

Вот человек сел в трамвай и протягивает кондуктору монету. Чтобы оторвать билет, не нужна сила Геркулеса. Совершенно все равно, будет ли на кондукторском месте стоять усатый детина в ботинках 45-го размера или старушка, которую этот богатырь может поднять одной рукой. Но богатырю платят жалованье на 30 процентов больше, чем старушке.

Даже если мужчина выполняет женскую работу — например, печатает на машинке, — ему все равно платят больше, чем машинисткам.

Разве это справедливо? Разве все честные люди не должны протестовать против этого?

Но вот уже многие десятки лет протесты ни к чему не приводят.

БОЛЬШАЯ ЗАБАСТОВКА

Однажды шведские машиностроители попросили прибавить заработную плату и покончить наконец с разной оплатой за одинаковый труд. «Союз работодателей» отказал им.

Этот союз в Швеции создан давно. Когда рабочие объединились в профсоюзы, чтобы отстаивать свои права, капиталисты тоже объединились, чтобы бороться за свои прибыли.

После того, как «Союз работодателей» отказал машиностроителям, они объявили забастовку. Бросили работу 125 тысяч металлистов в разных городах страны. Газеты, принадлежавшие капиталистам, стали писать о том, что забастовка подстроена «красными», что она наносит ужасный ущерб бедным предпринимателям и развращает рабочих.

Когда у забастовщиков кончились деньги, некоторые, чтобы прокормить семьи, пошли в лес, на заготовку дров. Но владельцы машиностроительных заводов через «Союз работодателей» договорились с лесопромышленниками, чтобы те не брали на работу бастовавших рабочих.

Капиталисты радовались: они были уверены, что теперь-то рабочие наверняка сдадутся. Но те держались стойко, хотя многие голодали.

Пошел пятый месяц забастовки. Предприниматели выходили из себя. Это же грабеж, разорение! За год владельцы заводов «СКФ» получали 17—20 миллионов крон прибыли. А теперь эти проклятые рабочие бастуют, вместо того чтобы помочь своим благодетелям положить в карман еще несколько миллионов крон!

Некоторые предприниматели подумывали уже о том, что, пожалуй, все же выгоднее уступить бастующим, чем дожидаться, пока американские капиталисты перехватят заказы на подшипники. Но тут вмешались банки. Они угрожали, что перестанут давать деньги в кредит тем фабрикантам, которые посмеют уступить рабочим. Банкиры хотели добиться полной победы над бастующими.

Правительственные газеты тем временем уговаривали рабочих сни-

зить требования. За уговорами, за словами последовали и дела: теперь забастовщиков перестали принимать на работу даже государственные железные дороги, которыми распоряжается правительство.

И в это время бастующим нанесли удар в спину. Уполномоченные профсоюза металлистов против воли рабочих подписали соглашение с капиталистами и объявили об окончании забастовки.

После долгой борьбы и лишений рабочие получили лишь прибавку к заработной плате на 8 ёре (несколько копеек в час). Сдельные расценки не были повышены вовсе. В Гётеборге 11 тысяч рабочих-сдельщиков не выиграли от забастовки ни гроша. По-прежнему работнице, стоящей у станка, платят меньше, чем ее товарищу, работающему ничуть не лучше.

После конца забастовки 30 тысяч стокгольмских металлистов заявили, что они выходят из шведской социал-демократической партии. В этой партии членами могут быть целые коллективы: так было и с профсоюзной организацией металлистов Стокгольма. Металлисты сказали, что их коллектив выходит из социал-демократической партии потому, что в своей жестокой борьбе с предпринимателями он не имел поддержки со стороны руководства партии, а социал-демократические газеты даже печатали статьи, противоречащие интересам рабочих.

...Весной 1959 года во многих аэропортах мира неожиданно было объявлено об отмене международных рейсов самолетов, принадлежащих скандинавской авиакомпании «САС». Оказалось, что летчики компании просили увеличить заработную плату, а хозяева заявили, что скорее выбросят всех пилотов на улицу, чем прибавят им хотя бы по одному ёре. Как сказали, так и сделали: объявили локаут, массовое увольнение сотен своих работников. Компания предпочла нести огромные убытки из-за отмены рейсов — миллион крон в день! — но не уступать трудящимся.

«ДА, НАЛОГИ ВЫСОКИ, НО...»

Говорят, что шведы живут теперь лучше, чем французы, или итальянцы, или англичане. Меня уверяли, что шведы живут лучше всех в Европе. Я не знаю жизни многих европейских стран и готов поверить, что итальянский рабочий завидует шведскому.

— Да, налоги у нас высоки, но зато и уровень жизни высок! — говорили мне знакомые шведы.

Верно, в шведских магазинах достаточно товаров на любой вкус. Большинство людей хорошо одеты. В редком шведском городе не увидишь новую школу, больницу, новые жилые дома.

Новые дома шведы строят обычно без особых украшений.

Но хорошие товары дороги. Не у всех шведов есть высокооплачиваемая работа, а у некоторых вообще нет никакой работы. Зимой 1958/59 года в Швеции было свыше 70 тысяч безработных.

По быстроте постройки новых домов Швеция обогнала почти все капиталистические страны. Однако шведские газеты пишут, что в городах заведены длинные списки людей, нуждающихся в квартире.

Шведские капиталисты разбогатели от выгодной торговли железной рудой и лесом во время двух мировых войн. Напуганные тем, что в некоторых странах рабочие и крестьяне покончили с капитализмом, шведские фабриканты частью своих сверхприбылей делятся с теми, кого называют «рабочей аристократией». Это мастера, представители редких, хорошо оплачиваемых профессий, рабочие высокой квалификации. Их жизнь заметно улучшилась, но они ведь составляют не большинство, а меньшинство среди тех, кто трудится.

Шведские буржуазные газеты любят писать, что, мол, капиталисты и рабочие «сидят в одной лодке» и им не надо ссориться.

Однако рабочие-то чувствуют на своей шее, что это за «общая лодка». Капиталист без колебаний вышвыривает из нее рабочих, если это ему выгодно. Он в любой момент может объявить об увольнениях на своем заводе. Ему и горя мало, что оставшиеся без работы люди будут бедствовать многие месяцы, а то и годы: ради своей выгоды он готов пойти на все.

Некоторые газеты, издающиеся на деньги капиталистов, изображают дело таким образом, будто народ получил уже все, что можно ожидать, и преступно требовать большего. При этом жизнь в других странах изображается иногда так, что, начитавшись газет, какой-нибудь наивный шведский турист, собираясь ехать, например, во Францию, захватывает с собой запасы мыла и хлеба...

В Швеции много действительно хорошего, интересного, поучительного.

Но, путешествуя по стране, я вспоминал изданную еще до революции книжку, в которой говорилось, что у некоторых шведов «преувеличенное самолюбие видит у себя во всем совершенство»

Я уже рассказывал вам о переводчике г-не Бертиле Герроу. Когда туристы въезжали в какой-нибудь город, он неизменно брался за автобусный микрофон:

«А тепэррр вы видеть новый дома, как и везде в Швеции. Да, да, это очень важно...»

Увлекаясь, г-н Герроу иногда допускал невинные преувеличения. Както он сказал, что совсем скоро у каждого шведа будет своя автомашина. Однако кто-то, заглянув в справочник, вычитал там, что одна машина пока приходится на каждых девять шведов. Это очень хорошо, но девять шведов — не все равно, что каждый швед. Тут выяснилось, что и у самого г-на Герроу, переводчика, литератора, имеющего весьма высокий для Швеции заработок, пока что есть только мотоцикл,— правда, с вместительной коляской.

«А, да, да! Автомобиль — не еще!» — сказал он.

Но, может быть, теперь г-н Герроу уже приобрел машину, и тогда мне остается только поздравить его с покупкой.

ГОРОД ПРОСЫПАЕТСЯ

Теперь я хочу описать вам день шведской столицы.

Но с чего начать? Ведь нелегко рассказать даже о доме, в котором живешь, а тут огромный город, да еще незнакомый, непривычный.

Когда первые наши туристы вернулись из Швеции домой, их попросили рассказать о впечатлениях. В Швеции туристам понравилось, они много говорили о том, как красив Стокгольм, как нарядны и чисты его дома, как хорошо поют шведы народные песни. Рассказы туристов перевели на шведский язык и передали по московскому радио, чтобы их послушали и шведы.

Потом мне попалась в руки шведская газета. Там было письмо шведа, слушавшего эту передачу. «Нам-то известно, что до сих пор существуют такие кварталы, которые мы не намерены показывать иностранцам»,— писал этот швед. Он добавил, что, например, в русских похвалах шведскому пению больше любезности, чем правды: «Мы безнадежно немузыкальны. Застольная песня «Хелан гор» — единственная, которую большинство шведов поют в унисон». Заканчивалось письмо так: «Пусть лучше картина будет такой, чтобы мы могли узнать самих себя».

Поэтому, описывая день шведской столицы, я и решил к своим наблюдениям добавить выдержки из книг шведских писателей, хорошо знающих жизнь своего народа.

Я просыпался каждое утро раньше, чем нужно. Шведы пьют много крепкого кофе, приезжие, по неопытности, подражают им, а потом с непривычки начинают мучиться бессонницей.

Номер гостиницы, в которой я живу, невелик. Ничего лишнего: стол, кровать, тумбочка, диван, шкаф. Никаких ковров и картин. Правда, в застекленной рамке на стене висит лист бумаги с цветными пятнами, небрежно наляпанными акварельной краской. Но назвать это картиной было бы кощунством.

Толстая книга в черном клеенчатом переплете — тысяча пятьсот десять страниц мелкого шрифта — украшает тумбочку. На переплете рядом с золотыми буквами «Библия» деловито оттиснули название гостиницы и номер комнаты. Библия — обязательный инвентарь в каждом приличном гостиничном номере.

Шведская церковь позаботилась и о моей душе. На оборотной стороне обложки переведено на несколько языков, в том числе и на русский, изречение евангелиста Иоанна о том, что всякий верующий в бога отнюдь не погибнет, но будет иметь жизнь вечную...

Этот паренек работает рассыльным. С раннего утра его велосипед носится по улицам столицы.

Из окна шестого этажа по утрам хорошо видно, как первые лучи солнца горят на черепичных крышах. Улица внизу еще погружена в полумрак. В ее гулком узком коридоре покашливает дворник.

Мимо заспанного, приветливо улыбающегося швейцара я иду в прохладу пустой улицы. Странно, что возле подъезда еще нет коллекционера бутылок. Этот великолепно одетый господин с гвоздикой в петличке обычно появляется уже ранним утром. Он много лет собирает бутылки со спиртными напитками всех стран. У него не то три, не то пять тысяч бутылок. Он с гордостью показывал снимки драгоценной коллекции. При этом господин, делая вид, что подносит к пухлым губам рюмку, весь кривился и закаты-

вал глаза, выражая крайнее отвращение. Это означало, что сам он капли в рот не берет.

Господин жаждал получить для коллекции бутылку «Столичной водки». Обычную ему привез из Москвы знакомый шведский турист. Неистовый коллекционер, узнав, что в гостинице останавливаются русские, не терял надежды пополнить коллекцию драгоценным экспонатом.

Но сегодня его еще нет — слишком рано. Я иду по почти безлюдной улице. Она ведет к берегу, туда, где морской залив Сальтшён соединяется с озером Меларен. Кабина лифта доставляет меня на излюбленную туристами площадку над водами, я долго смотрю на острые стрельчатые башни и медные купола, поднимающиеся в голубое небо. Свежая зелень парков возле набережных, белые пароходы, легкий пар над водой, чайки — как все это красиво, празднично!

Автор шведской книги тоже побывал где-то в этих местах и как раз в утренние часы. Да вот почитайте:

«Чириканье воробьев приглушенно звучит над пустыми и сухими улицами... Набережная безлюдна и тиха, подъемные краны неподвижны и чайки еще отдыхают белыми стайками.

Легкий дымок поднимается над медленно плывущими волнами протока Стрёммен, соединяющего Сальтшён с Мареном... В глубину переулков свет проходит между мрачными, неприветливыми домами. Тени медленно отступают от пятнистых фасадов и постепенно открывают контуры старых квартир.

Переулки пустынны. Там пахнет пряностями и пенькой, кожей и нефтью, гнилью и старой одеждой.

Днем они горячие, гудящие от голосов и шагов, кипящие в ритме работы.

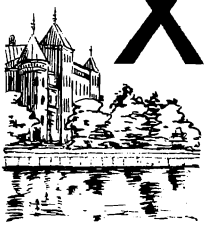
Сейчас они прохладны, как высохшие русла рек, и только голуби воркуют в глубине и воробьи прыгают вокруг.

Одинокий кот бродит возле темных подъездов, закрытых, погруженных в свои тайны, как катакомбы или склепы... Там спят люди, люди узких переулков, которые уже скоро должны пробудиться к новому дню...

Сумрак и тени переулков образуют резкий контраст с открытой, по-утреннему светлой набережной, с водами Стрёммена, с зеленью парков...

Но скоро дым закроет небо и хриплые свистки пробудят день к жизни. Чистый утренний свет разоблачает каждую деталь с выразительностью и остротой; растрескавшиеся фасады в глубине переулков, бурые от нефти окна складов, потертые камни мостовой, асфальтированную серую автомобильную дорогу, чистую серебряную колею трамвайных рельсов. Город пустынен и тих; это город раннего рассвета, наполненный тишиной и покоем».

ГОРОД СПЕШИТ НА РАБОТУ



Хотя только половина шестого утра, но газетчики и письмоносцы уже начали трудовой день.

Возле королевского дворца выстроился для переклички караул. В другое время, может, это зрелище и привлекло бы зевак, но сейчас туристы из провинции и иностранцы еще спят, а у тех, кто спешит в эти часы на работу, нет лишней минутки.

Меж тем давно ожили рынки. Еще не подошло время кухарок и домохозяек. Пока что тут прохаживаются солидные, но весьма проворные господа. Эти не покупают помидоры на килограммы, не просят отвесить кусочек говядины с косточкой для супа. Господа покупают тоннами и тушами. Это представители ресторанов и больших магазинов.

Кажется, только что улица была пуста и в автобусах ехали, позевывая, редкие пассажиры. А теперь посмотрите-ка — с каждой минутой сгущается поток велосипедистов и мотоциклистов. На автобусных подножках повисли спортивного вида юноши. Совсем как у нас в Москве от начала девятого до без десяти девять.

На улицах шведских городов велосипедистов так много, что сначала можно подумать, будто все горожане, от мала до велика, усиленно тренируются перед какими-то массовыми велогонками. Но дело не только в любви к спорту.

Проезд на трамвае, в автобусе, в метро у шведов дорог. Если я просто назову стоимость в шведских деньгах — это вам, пожалуй, ничего не скажет. Но вот пример. Один мой новый знакомый живет в стокгольмском пригороде Веллингбю, а работает в центре города. Он говорит, что каждый день тратит на проезд в метро к месту работы столько, сколько стоят почти два литра молока или полкило сахара.

У нас все еще услышишь: «Пойдем покатаемся на велосипеде». В Швеции же велосипед не развлечение, а вид транспорта.

Вот женщина везет двух малышек в особых плетеных корзинках, прикрепленных к раме возле руля и к багажнику. У другого велосипеда впереди торчит целая платформа, и на ней — ящик с помидорами. Третий велосипедист толкает перед собой тележку с грузом.

Нет, это не спортсмены! Велосипед у них работает, заменяя и детскую коляску, и фургон, и трамвай, и метро, и еще невесть что.

Я только в Швеции понял, какая это универсальная машина — велосипед! В шведских магазинах вы можете купить не только багажники, но и всяческие другие приспособления, включая велосипедные прицепы. И сделаны они не любителями, а на фабриках — добротно, прочно, красиво.

Правда, похоже на старт массовой велосипедной гонки? Но это — спешащие на работу стокгольмцы.

Велосипедисту в Стокгольме хорошо! Он тут — хозяин улицы. Десятки тысяч велосипедистов катят с работы и на работу мимо сравнительно безлюдных тротуаров, стараясь не отстать от прижатых к середине улицы автомашин.

Особенно густое движение возле Слюссена. По-моему, это самый занятный мост в мире. Он не длинный и не узкий, как большинство мостов,

а широкий, как площадь. На нем движутся не по прямой линии, а по спиралям. Эти спирали устроены так, чтобы на разной высоте по туннелям и надстройкам пешеходы, велосипедисты, автомашины и трамваи могли одновременно двигаться в нескольких направлениях, не мешая друг другу. Взгляните на снимок — он поможет понять устройство этого моста, который имеет еще и шлюз для пропуска судов.

Но вот велосипеды составлены рядами возле контор, заводов, банков. Для них сделаны легкие «стойла». Шведы не заводят велосипеды в помещения ни днем, ни ночью. Воровство в Швеции, как и вообще в Скандинавии, — явление редкое, и воров беспощадно наказывают.

Правда, кражи и грабежи все же случаются, но не мелкие, а крупные На экране кино перед началом сеанса может вдруг появиться изображение потрепанного плаща, и диктор спросит у зрителей «Не знаете ли вы что-либо о владельце этой одежды, оставленной на вешалке ресторана «Соллиден» вместо меховой шубы из соболей? Полиция была бы благодарна вам за сообщение».

...Улицы опустели. Утренняя горячка кончилась. Самое время позавтракать.

Слюссен, мост-перекресток, где на разной высоте в разных направлениях движутся, не мешая друг другу, потоки автомашин и пешеходов.

В Скандинавии распространен «шведский стол». Вот что это такое. На большой стол посредине зала ставятся селедка, яйца, ветчина, сыр, разные маринады, мармелад, масло. Иногда к этому добавляется отварная картошка, овсяная каша, мясо, холодное молоко в кувшинах. Тут же стопки тарелок, груды ножей, вилок, ложек.

Вы подходите к столу, берете тарелку и сами кладете в нее то, что вам нравится. Затем садитесь за столик и завтракаете.

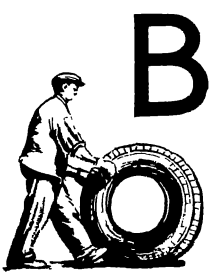
Вам пришлась по вкусу сладковатая сельдь? Подходите к столу снова и кладете еще кусочек. Никаких порций на «шведском столе» нет, каждый берет столько, сколько хочет.

Как же платить за завтрак: один съест больше, другой — меньше? Цена для всех одинаковая, средняя. Сегодня вы едите с аппетитом, завтра вам достаточно стакана холодного молока с бутербродом. В один день вы немного недоплатили за съеденное, в другой — немного переплатили, а в среднем получается правильно.

Русского, любящего плотно пообедать, в Швеции ждут маленькие разочарования. Шведы редко едят суп. У нас иной человек съедает за обедом больше хлеба, чем три шведа с хорошим аппетитом за весь день. К тому же шведы любят сухие, ломкие пластинки «хрустящего хлеба», который теперь продается и у нас в некоторых городах.

Говорят, что среди шведов потому-то и мало толстых, что люди предпочитают обходиться без мягкой булки и наваристого супа.

ГОРОД РАБОТАЕТ



В Стокгольме свыше полутора тысяч предприятий — в основном небольших, где трудятся от сорока до ста человек. Они делают электротехнические приборы, станки, телефоны, холодильники, сельскохозяйственные машины, строят суда, собирают автомобили, печатают книги, шьют костюмы и ботинки, вырабатывают лаки, краски, духи, мыло и многое другое.

Я бывал на шведских фабриках и заводах. Они выпускали разные вещи, но кое-что на всех предприятиях было общим, похожим. Например — чистые дворы. Нигде не наткнешься на кучи хлама, разбросанные ящики, ржавое железо. Заводской двор укатан и выровнен.

Приехав на велосипедах, рабочие оставляют их под навесом и идут в раздевалку, где у каждого — свой шкафчик. Там хранится рабочая одежда.

Чашка кофе хорошо подкрепляет после тяжелой работы.

В цехах — та же чистота и порядок. Станки стоят не тесно. Не все они новые — при шведской аккуратности и расчетливости машины служат долго, и их неохотно меняют. Прежде чем сменить машину или поставить новую, хозяин десять раз подсчитает, будет ли это прибыльно.

Я был однажды на заводе, где делали ванны и тяжелое фаянсовое оборудование. В цехах всюду действовали конвейеры. Но в одном месте стоял парень, похожий на боксера тяжелого веса, и, играя мускулами, неторопливо брал весившие десятки килограммов детали. Он поднимал их, поворачивал и ставил на другой конвейер.

Я спросил, почему тут нет какой-нибудь перегрузочной машины. Инженер ответил:

— Если вам угодно знать, на этой операции ручной труд нам выгоднее. Эксплуатация машины будет стоить дороже, чем мы платим этому человеку.

Город работает.

Фургоны с товарами выгружаются у магазинов и складов. Грузчики катят белые рулоны бумаги в подвалы типографий. Ослепительное пламя вспыхивает на рельсах трамвая, к которым склонились электросварщики. Точильщик поставил свою велосипедную тележку возле колбасной, длинный нож блестит на солнце...

Стучат пневматические молотки на верфи. В порту выгружают песок, строительный камень, мешки с цементом. На причалах вертятся мальчишки. Они ловят рыбу, снуют между кипами товаров, охотно бегают за пивом для грузчиков, лакомятся помятыми апельсинами из разбитого ящика. Может, эти ребята станут моряками — они, во всяком случае, мечтают об этом.

Но что за кавалькада пересекает прибрежный парк по усыпанной песком дорожке? Верхом на выхоленных лошадях, в изящных спортивных костюмах, молодые люди и девушки совершают предобеденную прогулку. Знают ли эти надменные всадники и всадницы, что такое труд ради хлеба насущного?

Солнце начинает путь к закату, и рабочие на некоторых заводах уже успели пообедать и выпить по чашке кофе. Есть заводы, где кофе пьют даже не раз в день: он подбадривает утомленного трудом человека.

...Солнце все ниже клонится к крышам домов. Кончается трудовой день города.

«Фабричные ворота выпускают темные потоки, расползающиеся по улице и спешащие домой. Около остановки стоят длинные очереди и ждут переполненных трамваев и автобусов.

Из ворот больших магазинов выходят толпы служащих, мужчин и женщин, которые быстро расходятся и исчезают во все более сгущающемся движении большого города. На тротуарах тесно, сплошные потоки движутся навстречу друг другу, останавливаются у витрин магазинов... Велосипедисты быстро скользят сквозь поток пешеходов, спасающихся на остановках».

Так описывается конец рабочего дня в шведской книге.

ГОРОД РАЗВЛЕКАЕТСЯ

После шести часов вечера улицы снова ненадолго пустеют. Если в деловых кварталах жизнь замирает до утра, то на улицах, где расположены кино, кафе, танцевальные залы, она разгорается с наступлением сумерек.

По незнакомому городу хорошо бродить пешком. Но в Стокгольме будьте особенно осторожны, друзья! Мы чуть не с пеленок заучиваем правило: «Переходя улицу, сначала посмотри налево». Наши головы прямо-таки автоматически поворачиваются в эту сторону.

В Швеции же не правостороннее, а левостороннее движение. Значит, переучивайся, если не хочешь попасть под машину. А попасть под нее непривычному пешеходу легче легкого. Автомобильные гудки в Швеции, как и у нас в больших городах, запрещены, но у шведов и само движение мало регулируется. Машины «скорой помощи» часто оглашают улицы Стокгольма своим громким, певучим рожком; в газетах почти каждый день печатают снимки смятых, раздавленных, перевернувшихся автомобилей.

Неоновые огни бросают цветные блики на лица прохожих. Стокгольмцы любят одеваться по последней моде. Это не всегда красиво, но зато уж никто не скажет, что Стокгольм отстает от Парижа или Нью-Йорка в смысле покроя брюк или сооружения дамских причесок. Молодые люди и девицы толпятся возле танцевальных залов и кино; публика посолиднее не спеша разглядывает магазинные витрины.

Покупателей в столичных магазинах маловато. Хозяин или продавец приветствуют вас поклоном и улыбкой.

У шведов есть загадка: «Что это такое — ничего не стоит, но много дает?» Ответ: вежливость. А вот вторая загадка: «Какой подарок может сделать даже нищий?» Ответ: приветливо улыбнуться.

Несмотря на чарующие улыбки хозяев магазинов, покупатели не спешат раскрыть кошелек. Товаров много, денег мало. Жителям Стокгольма приходится дорого платить за квартиры. Потом — налоги. Потом — долги. Откуда долги, вы узнаете дальше. Помимо всего прочего, цены год от года растут.

Магазинные витрины в Стокгольме — это выставки товаров со всего света. Каждый владелец старается сделать витрину как можно привлекательнее, «показать товар лицом».

Вот витрина книжного магазина. Яркий свет озаряет переплеты превосходно изданных томов. Тут классики мировой литературы. С радостью видишь томики Горького и Шолохова.

Но они теряются в массе лакированных обложек, где изображены

зверские рожи в масках, трупы, нацеленные в читателя револьверы и прочие ужасы. «Смерть приходит в монастырь», «Убийца не ждет», «Ночью без помощи», «Агент № 7 исчез», «Кровавая рука», «Невинный наркотик» — так называются эти книжонки, которыми, кстати сказать, торгуют и в табачных лавках, где они лежат вместе со спичками и сигаретами.

Рассказывают об одном шведе, который очень увлекался чтением подобной «литературы». Однажды он пришел в лавку, где был постоянным покупателем, и стал перелистывать книжки.

— Вы, кажется, все уже перечитали,— сказал ему хозяин.— Вот, впрочем, возьмите эту: пятилетний ребенок сжигает свою мать и...

— Старо, старо!

— Или вот эту. Тут убийцей оказывается старый паралитик, прикованный к постели. Он...

— Я уже читал что-то подобное.

Хозяин мнется, оглядывается на дверь.

— Есть у меня еще одна книжка. Если вы не боитесь, что к концу чтения за вами придет полиция...

— Что?!

— Видите ли, в этой книжке убийцей в конце концов оказывается сам читатель...

Американские фильмы, которые показывают в стокгольмских кино, называются примерно так же, как озаглавлены книжки в витринах табачных лавок. Афиши кино похожи на увеличенные книжные обложки, книжные обложки похожи на уменьшенные афиши.

Я пошел смотреть американский фильм с довольно невинным названием: «Гангстер-полицейский». Гангстер — это примерно то же, что бандит.

Сеанс только что начался. На экране происходила драма, но не очень страшная. Двое — по-видимому, муж и жена — вернулись откуда-то домой и тут обнаружили, что у них нет ключа от квартиры.

Тщетно муж выворачивал все карманы: ключа не было. Сначала жена, подбоченясь, с презрением смотрела на растяпу-мужа, потом принялась грозить ему кулаками и выкрикивать какие-то слова — по-видимому, шведские ругательства.

Но муж, поглубже засунув руку в карман, извлек узкую плитку шоколада. Он отломил кусочек, пожевал, причмокивая, протянул плитку жене. Та, гневно сверкая глазами, все же откусила от плитки, потом съела еще.

И тут произошло чудо. Злая фурия на глазах превращалась в кроткую овечку. Муж и жена, причмокивая, облизываясь, изображая на лице райское блаженство, ели шоколад. Они забыли все распри, они забыли о ключе и двери. А когда плитка была съедена, уста супругов слились в поцелуе, сладком, как шоколад.

Где же, однако, гангстер-полицейский? Чего он медлит? Сейчас самый подходящий момент нарушить эту семейную идиллию.

Но тут вместо гангстера на экране появилось лицо очаровательной девушки:

— Покупайте шоколад «Марабу»! Шоколад «Марабу» не имеет равных в мире! Покупайте также наши конфеты «Марабу»!

Понимаете, зрителей десять минут пичкали сверх программы рекламным фильмом кондитерской фирмы «Марабу»!

Что касается «Гангстера-полицейского», то передать содержание этого фильма почти невозможно. Герои убивали друг друга, душили, резали, топили в ванне, бросали под поезд. Я так и не понял, где кончалась шайка гангстеров и где начинались сыщики и полицейские.

Не всех тянет в кино. Многие проводят вечера на стадионах, в плавательных бассейнах. Спортом в Швеции занимаются с детских лет до старости. Во дворах можно увидеть молодых и пожилых домашних хозяек, которые, не обращая внимания на зевак, усердно занимаются гимнастикой.

Много людей в кафе. Сидят подолгу, пьют черный кофе, лимонад, оранжад — освежающий апельсиновый напиток.

Если погода хорошая, то людской поток устремляется в «Тиволи». Там гремит музыка, какое-то огненное колесо быстро кружится в воздухе, светятся цветные полосы, буквы и еще бог знает что. Там выступают певцы, колдуны, гадалки. Там есть «комнаты ужаса» и «комнаты смеха». Там посетителей качает на «пьяных палубах», совсем как на попавшем в шторм корабле. Там можно проиграть деньги в рулетку и выиграть в лотерее нейлонового игрушечного тигра.

Я бывал в двух «Тиволи» — в Стокгольме и Копенгагене — и в нескольких увеселительных парках других скандинавских городов. Они похожи друг на друга.

В одном углу не смолкают визг и крики ужаса — это тележки «американских гор» пролетают сквозь пещеры, где к развлекающимся зловеще тянутся руки фосфоресцирующих скелетов. А рядом смеются заливисто, весело: электрические автомобильчики, ударяясь друг о друга мягкими резиновыми бортами, носятся по обширной площадке. Я видел фотографии датского премьер-министра г-на Хансена, который катался на таком автомобильчике вместе с премьер-министром Индии Джавахарлалом Неру.

Карусели, лотереи, качели, тиры, опять лотереи... А вот странный тир: здоровенные парни бьют тарелки, подвешенные на веревочках. Бьют азартно, вкладывая в это нехитрое дело страсть и душу.

Упражнения в меткости? Но тарелки подвешены так густо и так близко, что труднее не попасть в них, чем попасть. Оказывается, смысл состоит именно в бесцельном уничтожении тарелок. Вот так же раньше и у

нас подгулявшие купчики сокрушали в ресторанах зеркала и, разбив аквариум, учили золотых рыбок ходить по полу... Но зеркало — это дорого, и практичные посетители парка лупят деревянными шарами бракованные тарелки.

Да, «Тиволи» далеко не самое интересное на скалистом зеленом острове. Сюда лучше приехать днем, а не вечером, чтобы посмотреть знаменитый музей Скансен, расположенный вблизи увеселительного парка.

Мы так и сделаем перед тем, как покинем Стокгольм.

А пока вместе с расходящейся из «Тиволи» публикой отправимся в гостиницу по улицам засыпающей столицы, чтобы завтра опять бродить и бродить по ним.

Полночь.

Окончен день большого города, где у людей свои заботы и радости, своя жизнь со своими трудностями и огорчениями.

МОСТ ВЕСТЕРБРУ

Вода, вода...

Стокгольм смотрится в зеркала каналов и заливов. Легкие яхты борт о борт, рядами, стоят у его причалов. Работящие буксиры тащат мимо баржи с углем.

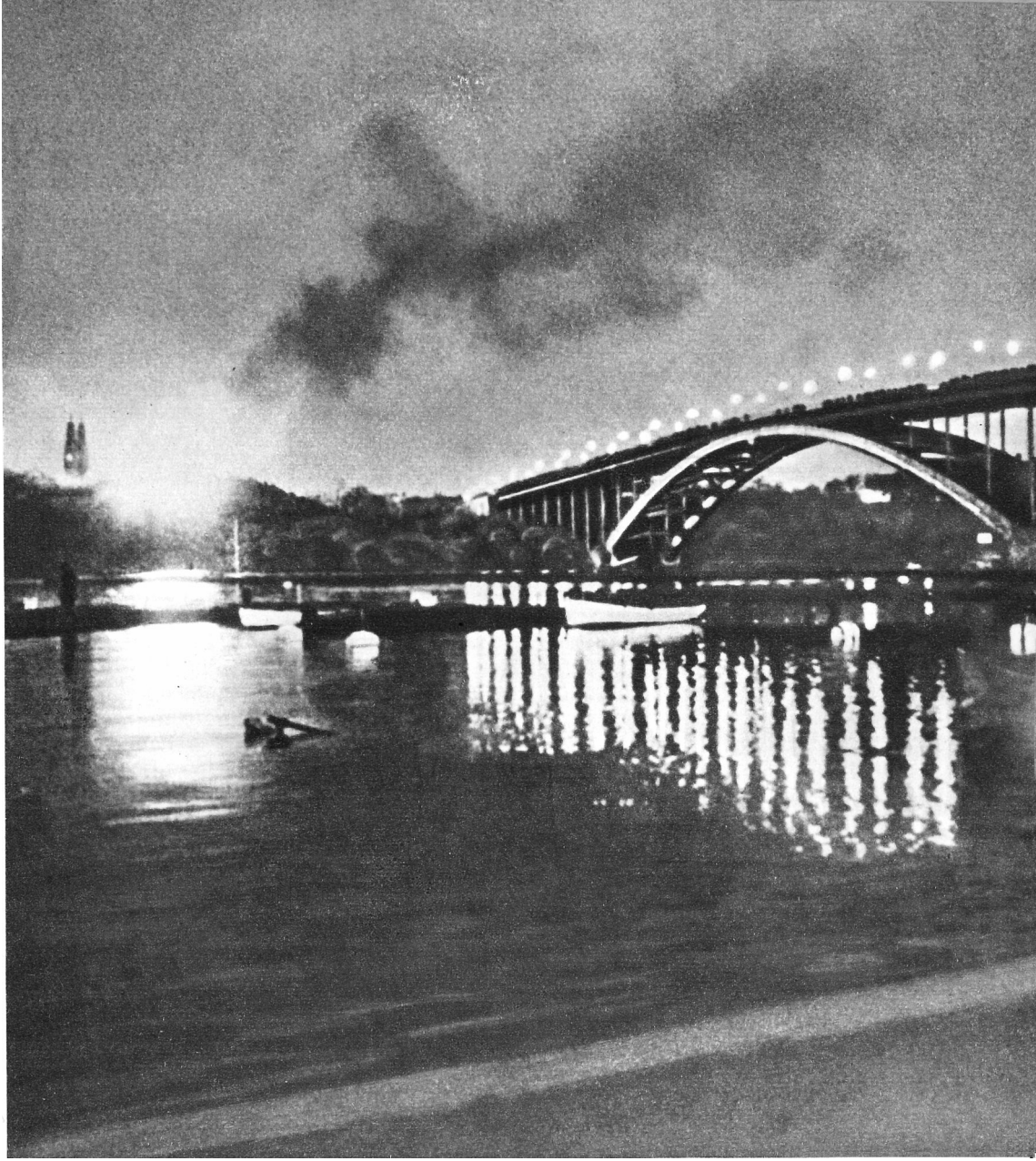
Вода украсила и разделила кварталы «Северной Венеции». Мосты соединили их.

В Стокгольме несколько десятков мостов — больших и малых, простоявших уже века и построенных совсем недавно. Мост Вестербру буксиры не успели еще закоптить дымом своих труб. Он красиво, высоко и смело перекинут через водный простор, связывая два острова, два района столицы. Под мостом Вестербру проходят самые большие пароходы — еще бы, его пролет поднят над водой на тридцать метров! Красавец мост растянулся больше чем на полтора километра.

А теперь — история моста Вестербру.

Его строила верфь, невзрачные цехи которой стояли тут на берегу. Не ищите их — они снесены тогда же, когда снесли и бараки строителей моста.

Разные люди жили в этих бараках — веселый котельщик Кларк, молотобоец Огрен, вдова погибшего при взрыве металлиста Йёрансона, рабочий Кнут-Ивар Эльд... На стене его холодной каморки висел



Мост Вестербру многие считают красивейшим в Стокгольме.

увеличенный кадр из фильма, где было снято выступление Ленина у Финляндского вокзала: Кнут-Ивар Эльд был коммунистом.

Все эти люди умели работать. Мост был их детищем, и он же кормил их. Поднимались устои, железо одевалось в бетон, и у строителей появились даже кое-какие сбережения: за сверхурочную работу хозяева хорошо платили. По субботам рабочие ездили на моторных лодках к далеким островам, где земля еще не пропахла мазутом.

Однажды трое обитателей бараков получили одинаковые бумажки, отпечатанные на машинке. Дирекция верфи коротко сообщала: «Мы вынуждены, впредь до изменения обстоятельств, уволить вас с работы».

Первым стал протестовать против увольнения своих товарищей Кнут-Ивар Эльд. Он пошел к директору верфи. «Жалуйтесь»,— иронически улыбнувшись, ответил тот. Не поддержал Эльда и председатель на профсоюзном собрании. Он сослался на параграф в коллективном договоре, который давал большую свободу хозяевам верфи.

Тогда Эльд устроил в помещении прачечной танцевальный вечер, где выступали музыканты-любители. За вход платили: нужно было собирать деньги для безработных.

Когда все вдоволь натанцевались, Кнут-Ивар Эльд вскочил на стул:

— Товарищи! Рабочие!

Он говорил о людях, погрязших в личных интересах. Да, они выступают иногда, чтобы добиться прибавки к жалованью. Но разве это выражение идеи братства, рабочей солидарности? Не объединяет ли людей при такой борьбе низменное желание — отойти от жизни пролетариата и более или менее приблизиться к буржуазному существованию?

— Рабочие,— продолжал Эльд,— аккуратно платят членские взносы в профсоюз, голосуют на выборах, маршируют под красными знаменами Первого мая. Но придите-ка второго мая и потребуйте работы, не предъявив свидетельства о благонадежности от полиции, — не тут-то было, работы вы не получите! В комитете помощи безработным можно найти людей, лишенных даже таких средств борьбы, как голодная стачка, забастовка...

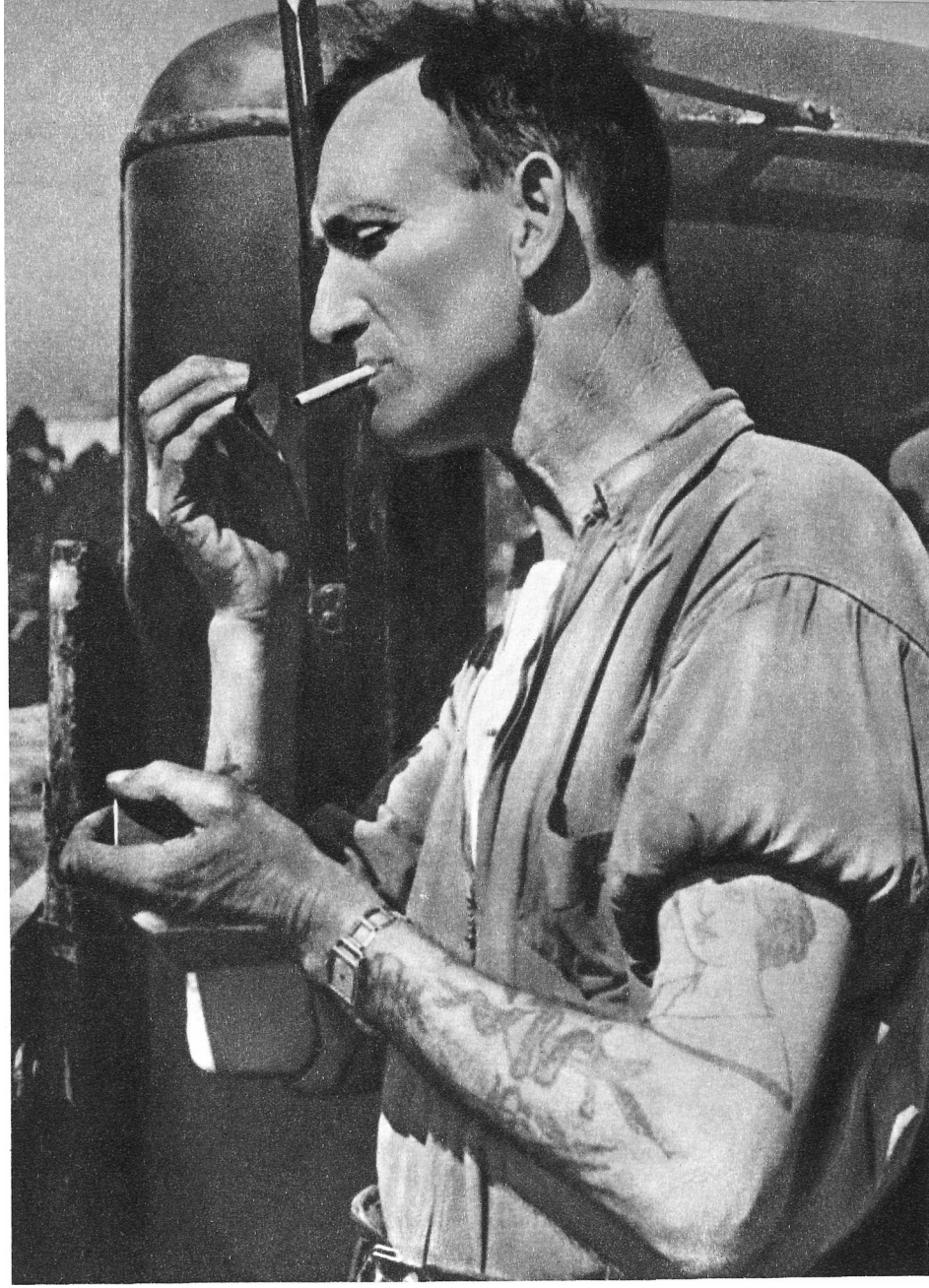
Речь Эльда несколько раз прерывалась возгласами. Кто-то крикнул ему:

— А ты-то сам чего хочешь?

— Я хочу,— ответил Эльд,— чтобы мы, рабочие, стряхнули с себя беспечность и самодовольство...

Первым после Эльда вскочил на стул другой рабочий и заговорил, как привычный оратор:

— Ты сказал здесь только о том, что мы никуда не годимся, что мы ничего не сделали, что мы ничего не добились. А теперь, пожалуй, не мешает рассказать тебе и всем прочим о наших крупных достижениях...



Этот шведский рабочий — один из тех, кто строит корабли и мосты, водит грузовики, мостит дороги.

Вот наконец мост Вестербру построен. На церемонии открытия был король. Инженерам вручили ордена. Группа рабочих с верфи стояла тут же, притиснутая к перилам. Да, мост прекрасен. Но что дальше? Давно уже ходил слух, которому не хотелось верить: верфь будет продана и сломана, а бараки снесут.

Прошло еще некоторое время, и рабочие получили приказ о выселении. Их вышвыривали на улицу. В них больше не нуждались. Они собрались в последний раз у своих бараков.

— Мы построили мост,— сказал Эльд.— Ну, и что же? Да то, что здесь сразу подскочили цены на земельные участки. Администрация верфи может продать землю с неслыханным барышом.

Скарб погружен на ручные тележки. Рушится дощатая обшивка бараков, валятся шаткие дымовые трубы... Куда уходят люди? Городские окраины обширны... Кто-то вспоминает рабочего-поляка, упавшего в ковш с расплавленным металлом.

— Как подумаешь, что впереди долгая зима, пожалуй, позавидуешь поляку!

— Поляку? Не говори вздора!

— Да нет, я говорю серьезно! Ведь это одно мгновение! Бах! Вспыхнет синий огонек — и готово...

Историю строительства моста Вестербру рассказал читателям талантливый шведский писатель Иосеф Челгрен. Здесь только пересказано кое-что из его книги.

Иосеф Челгрен сам вышел из рабочих. Он хорошо знал шведский рабочий класс и верно подметил те настроения, против которых еще до второй мировой войны боролся коммунист Кнут-Ивар Эльд.

ПОСЛЕ ЗВОНКА НА ПЕРЕМЕНУ

Стокгольмский пригород Вэллингбю — это новый район с новыми домами.

Я был в показательной школе Вэллингбю, где все, что называется, с иголочки, и даже отделкой стен коридора занимались отнюдь не маляры, а пять художников. Между нами говоря, стена не стала от этого лучше, потому что живописцы погнались за модой и украсили школьный коридор какими-то замысловатыми зигзагами из кирпичей.

В школьном здании много света и воздуха. Окна занимают больше места, чем простенки. Школа стоит посреди просторного двора, превращен-

На рубашке у паренька — всевозможные автомобили...

ного в спортивную площадку. В здании два этажа. Мне говорили, что в Швеции стараются не строить слишком больших, многоэтажных школ: в большом здании больше шуму, теснее в нижних коридорах, на вешалках и особенно у подъезда и во дворе.

Вы не хуже меня знаете, что среди старших школьников всегда найдутся такие, которые не прочь влепить затрещину и подставить ножку малышу или вообще выкинуть с ним какую-нибудь штуку. В новых шведских

школах либо строят отдельные здания для малышей, либо отделяют двор, где играют младшие школьники.

В школе как раз началась перемена. Ребята бегали по двору: никому не разрешается в это время торчать в здании. Хотя день был прохладный, ребята не кутались, а самые закаленные играли в футбол без рубашек.

Форму шведские школьники не носят. Большинство одеваются скромно и удобно. Но один белобрысый паренек щеголял в рубашке, на которой были изображены цветные автомобили всевозможных марок. На его спине и груди пестрели грузовики, гоночные машины, малолитражки, самосвалы и даже молочные автоцистерны. Под каждым автомобильчиком стояло название фирмы. Говорят, такие рубашки заказывают магазины, торгующие автомашинами. Мальчуган превратился в ходящую, вернее — в бегающую рекламу.

Я спросил у него насчет отметок. Паренек ответил, что он учится во втором классе.

— Ну и что же?

Мне объяснили, что в первом и втором классах отметок не ставят вовсе. Нет в шведских школах и переходных экзаменов: учителя решают, можно ли перевести ученика в следующий класс в зависимости от того, как он успевал весь учебный год.

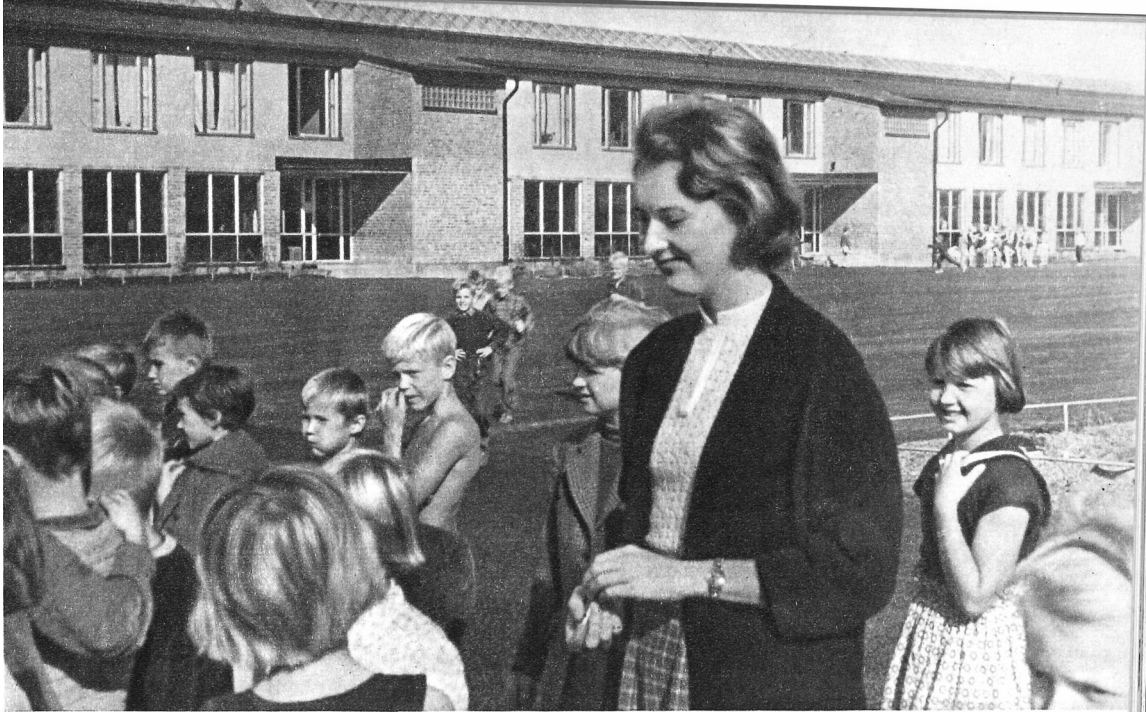
Чтобы не было толкотни при входе и выходе, у здания школы несколько дверей. К стенам нижнего коридора прибиты сотни крючков. Каждый школьник сам вешает пальто на свое постоянное место.

Доски в классах — темно-зеленые, большие, чуть не во всю стену. Мел виден на них не хуже, чем на черных, но зеленый цвет не так мрачен. Парты — светлые, и я не видал ни одной, на которой были бы вырезаны буквы, или сердце, или еще что-нибудь. Дело тут не в том, что все юные шведы — пай-мальчики: просто парты покрываются крепким лаком, неуязвимым для перочинного ножичка. Между прочим, стучать крышками в классе тоже не удается: крышки закрываются мягко, бесшумно.

Еще в прошлом веке в шведских школах были введены уроки так называемого «слёйда» — обучение ремеслу. Школьников стараются с самых ранних лет приучить к труду.

Даже в детском саду, где малыши играли в спящего медведя и храбрых зайцев, я видел среди игрушек маленькие, но «всамделишные» молоток и рубанок, которыми можно было забивать гвозди и строгать. С третьего класса школы девочек учат шить и вышивать, мальчиков — владеть несложными инструментами.

В той начальной школе, о которой я рассказываю, были превосходно оборудованные столярные и слесарные мастерские. Ребята постарше трудились над изготовлением довольно сложных вещей, а опытный мастер проверял их работу так строго, как проверяют на заводе.



Как только прозвенел звонок, никто не должен оставаться в классе!

Девочки тем временем готовят в школьной кухне завтраки и обеды. Их учат также стирать белье. Делают и так: мусорят в комнате, ставят все вверх дном, а потом смотрят, сумеет ли девочка быстро и чисто прибрать жилье.

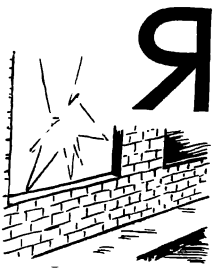
Шведская школьница должна уметь накрывать на стол, сажать цветы, выбирать продукты, варить кофе, хранить одежду, выводить пятна, разбираться в сортах мебели... да всего и не перечислишь!

Ее учат также, как разумнее, экономнее расходовать продукты и деньги. Что ж, в жизни это пригодится!

Преподают в шведской школе не только арифметику, физику, химию, иностранные языки и другие хорошо вам известные предметы. В сумках шведских школьников есть, например, «Учебник религии» — книжка со многими цветными картинками, очень красочно изображающими разные христианские добродетели; по этому учебнику ребята изучают житие Иисуса Христа, святых и апостолов...

Большинство шведских школьников ребята как ребята — хорошие, честные, веселые, проказливые, задиристые, любящие спорт. Им предстоит трудовая жизнь, они не избалованы родителями. Есть, однако, и другие...

НЕ ПО УЧЕБНИКУ РЕЛИГИИ...



Я видел, как несколько франтоватых мальчишек выскочили из школы и один из них, подбежав к проходившей мимо старушке, принялся с хохотом «чистить» ее сапожной щеткой. Он начал со шляпы, и, прежде чем окаменевшая от гнева и обиды старушка успела вымолвить слово, щетка прошлась по ее потертому пальто и сумке с продуктами. Эта отвратительная сцена совсем не походила на картину из учебника религии, где мальчик и девочка вежливо уступали дорогу старушке, садящейся в автобус.

В другой раз у подъезда большой школы я повстречал группу школьников и школьниц. Им было лет по тринадцать—четырнадцать. У девочек ярко выделялись накрашенные губы, ногти алели лаком, на пальцах блестели кольца. Головы мальчиков украшали любовно сооруженные прически. И те и другие курили — не тайком, а открыто, с вызовом.

Смотреть на это было тяжело и больно.

Но как же случилось, что чудесные ребята, которых начальная школа старается воспитать честными, трудолюбивыми, умелыми, вырастают иногда и в таких вот развязных свинтусов с манерами «золотой» молодежи?

Я недостаточно знаю жизнь Швеции, чтобы полно ответить на это. Но из разговоров с учителями, с родителями, наконец с самими школьниками кое-что мне стало яснее.

В Швеции многие считают, что школа не должна вмешиваться в личную жизнь учащихся. Там не стараются создавать дружный коллектив, прививать детям общественные навыки. «Думай прежде всего о себе» — вот к какому выводу приходят иные подростки, вступающие в жизнь.

Некоторые юные шведы берут за образец поведения отнюдь не учебник религии. Они читают книжки и смотрят фильмы, где героиня с шиком курит сигареты, пьет виски и отплясывает дикий рок-н-ролл, где герой стреляет, колет, рубит, режет, где щелкают наручники и свистят пули.

Я упоминал о «всамделишных» рубанках и молотках в детском саду. Но вот беда: в витрине магазина игрушек среди плюшевых зайцев и обезьян красуются маленькие наручники, тоже почти «всамделишные». Они приделаны к плакатику, на котором изображена схватка полицейского с ловким гангстером.

Книжки, фильмы, игрушки — глупейшие и вреднейшие. Но ребята читают несусветную чепуху, замирают от ужаса в зрительном зале кино, играют наручниками. А потом...

А потом — скандальные происшествия, вроде новогоднего «бунта» в Стокгольме.

Прохожие, спешившие на новогодние вечера, услышали звон разбиваемых магазинных витрин.

В людей, забившихся в подъезд одного из домов, полетела самодельная бомба. Машину, замешкавшуюся на перекрестке, перевернули вместе с пассажирами.

Можно было подумать, что герои гангстерских фильмов сошли в новогоднюю ночь с экрана и захватили шведскую столицу.

Усиленные наряды полиции только к утру восстановили порядок. 125 человек было арестовано.

Кто же бил витрины, кто ломал надгробные памятники во дворе церкви Адольфа-Фредерика и бросил бомбу внутрь церковного здания, где шло богослужение?

Юноши и подростки. Среди них были выпускники школ и учащиеся старших классов. Когда потом их спрашивали, почему они все это делали, то некоторые отвечали: «От скуки».

Школа дала этим ребятам знания. Они не только разбираются в алгебре или тригонометрии, но умеют строгать доски или чинить электрическую проводку, они говорят на двух—трех языках. Но, должно быть, школа не помогла им увидеть настоящую цель жизни, достойную человека, цель, которой стоило бы отдать силы, растрачиваемые на бессмысленные «бунты».

И не от душевной ли пустоты в богатой Швеции многие лишают себя жизни? По числу самоубийств шведы занимают второе место в Европе, уступая первое своим соседям-датчанам.

МУЗЕЙ БЕЗ СТЕН И КРЫШИ

У этого музея нет стен. Крыша Скансена — открытое небо. Синие воды залива омывают остров, и чайки ссорятся на его отмелях.

Основал Скансен доктор Артур Хазелиус. Он любил свою страну и свой народ. Много путешествуя по Швеции, доктор Хазелиус видел, как постепенно разрушаются, исчезают старинные крестьянские дома, овины, древние деревянные церкви, как ржавеют в чуланах уже ненужные светильники, при тусклом мерцании которых девушки раньше пряли по вечерам. Вот если бы собрать и сохранить где-нибудь все памятники народной архитектуры и народного быта! Но где? Какой музей вместит их?

Тогда-то доктору Хазелиусу и пришла в голову мысль о первом в ми-

Служащие Скансена одеты в костюмы прошлых веков.

ре музее под открытым небом. Денег у доктора не было. Но, после того как он через газеты рассказал о своем замысле, шведские рабочие, крестьяне, ремесленники собрали по подписке большую сумму, на которую и была куплена часть скалистого острова под названием Скансен. Так в 1891 году возник этот народный музей, гордость Стокгольма.

Странное чувство охватило меня, когда я отправился бродить по алле-

ям Скансена. Прямо с шумных улиц шведской столицы, с потоками машин и пешеходов, с пестрым мельканием реклам новейших фильмов, я перенесся в тихую шведскую деревню. Под сенью дубов стоял деревянный дом, окрашенный в теплый красный цвет. Ветряная мельница размахнула крылья над ближайшим пригорком. Ветхий сарай, словно конфузясь своей бедности, спрятался в тень, и воробьи весело чирикали на его соломенной, почерневшей от непогоды крыше.

Я подошел ближе. Маленькая табличка сообщала, что это — усадьба шведского крестьянина, построенная в XVIII веке. Возле дома стояли странные ульи, сделанные из соломы. И что вы думаете — над ними кружились пчелы!

Мне показалось даже, что труба дома курится легким сизым дымком, как будто хозяйка только что затопила печь. Нет, не может быть! Но в эту минуту скрипнула дверь, и на пороге появилась пожилая крестьянка в грубых башмаках и толстых шерстяных чулках, в расшитой кофте и старинном белом чепце.

Наверное, у меня был растерянный вид, потому что женщина улыбнулась и что-то сказала по-шведски. Я не понял. Тогда она повторила на немецком, потом на английском языке.

Так вот в чем дело! Оказывается, экскурсоводы в Скансене носят народные костюмы того века, к которому относятся постройки. Мало того — они изображают хозяев дома: топят печки, показывают, как раньше пекли хлеб или ткали холсты. Внутри дома вы не чувствуете себя в окружении холодных, мертвых вещей, как это бывает в обычных музеях. Вы наблюдаете жизнь давно ушедших поколений не со стороны, не издалека — вы как бы становитесь их современником.

Вот сельский заезжий двор, в котором, возможно, останавливался Карл-Михаил Белльман, вдохновенный певец, знавший душу народа. Может быть, тут он слагал свои песни, которые распевал потом с друзьями под аккомпанемент цитры и которые до сих пор поют в Швеции.

Спустись ниже, бог ночи, гасящий лучи солнца!
Заставь звезды на небе стереть закат!
Возьми у воды ее тепло!

Он был беден, Карл Белльман, его даже засадили однажды в долговую тюрьму. Он жил для песни. Когда поэт почувствовал, что приходит его последний час, он собрал самых близких друзей и пел им до рассвета. Он пел о том, что прожил жизнь в прекрасной северной стране среди благородного народа. Друзья плакали, слушая, как слабеет голос певца, они умоляли его отдохнуть. «Умру, как жил,— с песней!» — воскликнул он и запел в последний раз...

Вот старая сельская колокольня и вокруг нее — могильные камни. Под одним из них спит вечным сном доктор Артур Хазелиус — он просил, что-

бы его и после смерти не разлучали с любимым детишем. Дом его тоже перенесен в Скансен с одной из стокгольмских улиц.

Избушка бедняка с прислоненной сохой. Хижины лесорубов и смолокуров. Золоченый крендель, заменяющий вывеску пекаря. А рядом — дом богача, набитый пышной мебелью и дорогой посудой; при доме — мастерская для дутья стекла, которую тоже можно посмотреть в действии.

Каждый дом в Скансене окружает природа той местности, откуда его привезли. Усадьба из Сконе стоит в степи, возле чума кочевника-саами из полярного Норланда воссоздан кусочек каменистой тундры. За два—три часа как бы совершаешь путешествие по всей Швеции, узнавая и ее историю и ее природу.

Мне представились захватывающие дух наши просторы, чудесное разнообразие нашей природы, бесчисленные творения зодческого гения нашего народа. Какой музей мирового значения могли бы создать мы, собрав воедино образцы старинной архитектуры более шестидесяти наших наций и народностей!

Да, у нас есть музеи, подобные Скансену,— например, в Прибалтике. Но они отражают особенности отдельных уголков страны. А вот собрать бы всё вместе!

Такой музей хотели создать еще в первые годы революции, при Владимире Ильиче Ленине. Для музея даже отвели место — бывшее имение великого князя в Стрельне. Известный географ Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский стал собирать первые экспонаты.

Но тут начался голод в Поволжье, и хорошее дело заглохло.

Не пора ли снова взяться за него? Ведь всем нам нужен такой музей! В нем стояли бы посреди вишневых садов белые мазанки украинцев, кедры окружали бы рубленые пятистенные избы сибиряков. Тут были бы сакли горцев, жилища волгарей, украшенные затейливой резьбой, старинные деревянные церкви поморского севера, нехитрое оборудование вятских, казанских, нижегородских кустарей, с помощью которого они создавали свои изумительные изделия.

Многое из этого ушло и уходит в прошлое. Когда краеведческому музею города Горького понадобилась курная изба, его экспедиции изъездили тысячи километров по самым отдаленным уголкам лесного Поволжья, пока случайно не наткнулись на старенький, чудом уцелевший сруб.

Почему, однако, я пишу об этом в книге для ребят? Чтобы создать такой всесоюзный музей, нужно много денег, нужны рабочие руки, наконец удобное место. Все это верно. Но шведские ребята в свое время хорошо помогали доктору Хазелиусу. Право, чтобы сохранить старинный подсвечник или бабушкину деревянную прялку, не нужны ни деньги, ни рабочие руки. Скансен создавался много лет. Однако его нельзя было бы создать, если бы во многих городах Швеции с давних пор не собирали коллекции предметов народного быта. Большое начинается с малого!

«Мы? Да, мы тоже идем в Скансен!»

В том же Скансене есть Северный музей, где как раз находится множество предметов из таких коллекций. Тут и вышивки, и ковры, и одежда. Есть там и хлеб из отрубей и древесной коры. Такой хлеб шведские крестьяне ели во время голода 1868 года. Ведь пришла же к кому-то в голову хорошая мысль—не выбрасывать одеревеневший кусок! И вот он хранится почти сто лет...

Часть Скансена отведена под биологический музей. Над ним тоже небо вместо крыши. Правильнее назвать его не музеем, а зоопарком. Но в нем редко-редко увидишь железные прутья решеток или проволоку вольер.

В траве у дорожки прогуливаются важные фазаны. Они чистят перья, не обращая ни малейшего внимания на зрителей. Я подошел к ним совсем близко и только что прицелился фотоаппаратом, как вдруг какой-то маленький, юркий зверек проворно вскарабкался мне на плечо.

Белка!

Она чего-то сердито требовала на своем языке. Да вот чего — орехов! Мальчуган возле меня показал ей орехи, и белка, распушив хвост, тотчас перескочила к нему.

Ну, белка на свободе — это еще не диво. В Скансене свободой пользуются и медведи. Они живут среди скал, за рвом, через который косолапому не перебраться. Звери совсем рядом со зрителями. Кажется, протяни руку — и достанешь.

Скансеновские топтыгины не похожи на грозных зверей. Они исподхалимничались, выпрашивая у посетителей разные лакомства: встают на задние лапы, умильно урчат и с невероятной ловкостью хватают на лету конфеты и куски булки.

Только рыси в Скансене не доверяют совсем: она живет в клетке, закрытой проволочной сеткой даже сверху. Из всех других мест это ловкое, сильное животное ухитрялось удирать.

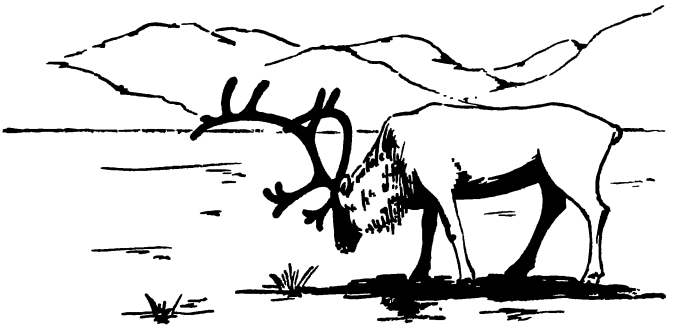
Все звери и птицы, собранные в Скансене,— обитатели Скандинавии. Поэтому они превосходно чувствуют себя и летом и зимой. Впрочем, тут можно немного познакомиться и с Арктикой: один из уголков музея воспроизводит долину реки в восточной Гренландии, где пасутся мускусные быки и бродит полярный волк.

...Знакомясь со шведской столицей, мы с вами совсем забыли о Нильсе Хольгерсоне. Где он, что с ним?

Его следы отыщутся здесь, в Скансене. Это не очень веселая история. Беднягу Нильса поймал один рыбак и в ящике понес его к доктору Хазелиусу. Но старый музыкант Клемент, который по вечерам наигрывал на скрипке народные мелодии посетителям Скансена, взял Нильса себе. Ему казалось жестоким показывать публике живого человечка вместе с медведями, орлами и лисицами.

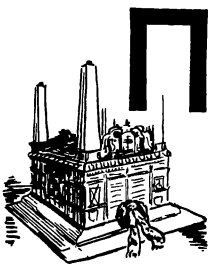
Неизвестно, сколько бы прожил Нильс в Скансене, если бы не орел Горго. Мальчуган перепилил прутья клетки, в которой томилась гордая птица. Орел, оказавшись на свободе, схватил Нильса и полетел с ним на север, вдогонку за гусиной стаей.

Отправимся-ка туда и мы.



К царству великого Окаменителя

КОРОЛЬ БОТАНИКОВ



Прямо на север от Стокгольма — город Упсала.

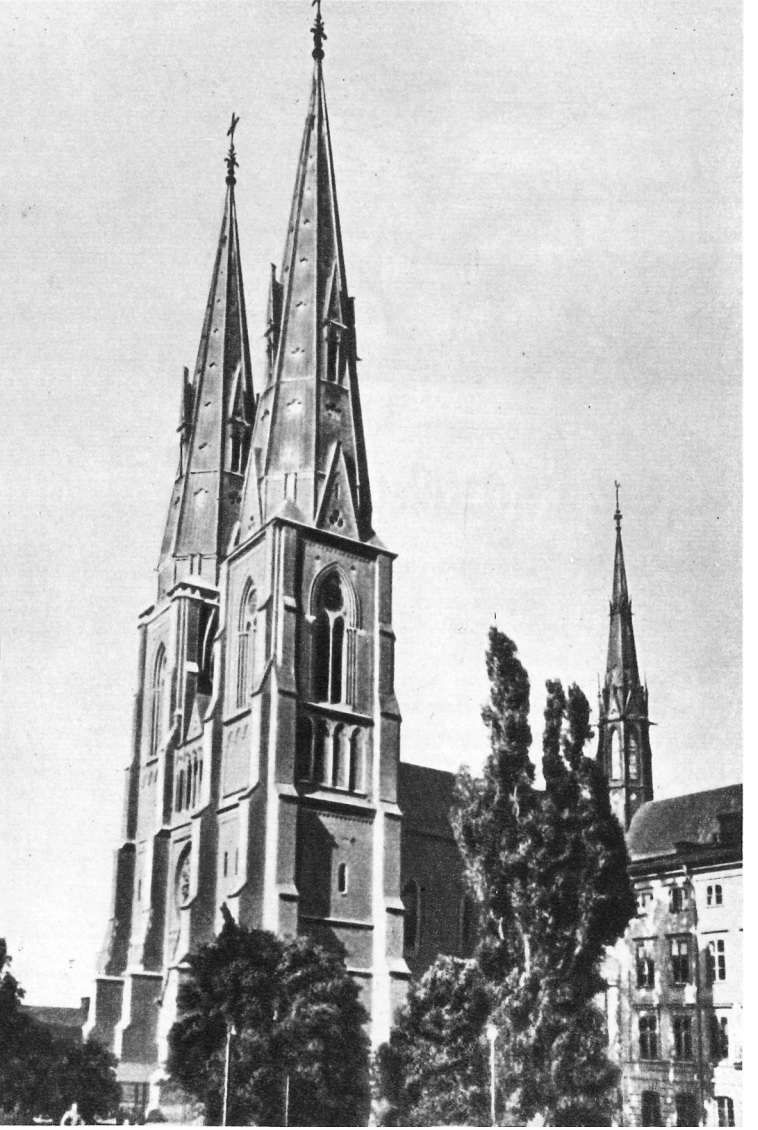
Автомобильная дорога номер тринадцать — в Швеции все главные дороги занумерованы — проложена через плодородные Упландские равнины. Фермы разбежались от нее подальше, рассыпались по пригоркам. На яблоках в садах — красно-бурый румянец, будто на них падает отсвет черепичных кровель. И коровы на лугах — тоже красно-бурые.

Дорога номер тринадцать приводит прямо в главный университетский город страны. В путеводителях Упсалу называют «шведским культурным центром первого ранга».

Серая громада знаменитого Упсальского собора еще в далеком XIII веке поднялась тут над жалкими домишками, от которых потом пожары и войны не оставили даже следа. Собор подавлял людей средневековья величием, утверждал всесилие церкви, которая сделала Упсалу своим оплотом.

Внутри собора прохладно. Откуда-то издалека доносится печальное церковное пение. Шаги гулко отдаются в вышине свода.

Здесь с XV века начинали и заканчивали путь шведские короли. В этом



Собору в Упсале несколько сот лет.

соборе их короновали и сюда же приходила процессия с королевским гробом. Некоторые венценосцы изваяны на своих надгробиях в позе уснувшего человека.

У могилы Густава Васы — венки. Этого короля особенно чтут шведы. Когда в смутные десятилетия начала XVI века захвативший шведские

земли датский король Кристиан устроил кровавую резню, перебив многих влиятельных людей, молодой Густав Васа был оставлен заложником. Переодевшись погонщиком быков, он бежал из тюрьмы и поднял восстание. Народ изгнал датчан, а Густава Васу избрали шведским королем.

Многие из вас, возможно, не слышали имени Васы. Но имя человека, который не носил короны, а погребен в соборе рядом с королями, вы, как и я, узнали еще при первом знакомстве с ботаникой.

Это Карл Линней.

Сын пастора в маленькой смоландской деревушке мало интересовался богословием. Мир растений и насекомых интересовал Карла Линнея больше, чем библия. Огорченный отец, который сначала думал, что сын унаследует его приход и будет читать проповеди в сельской церкви, все же разрешил Карлу пойти в университет.

Сначала юноша слушал лекции профессоров в университете Лунда, но потом почтовый дилижанс перевез его в Упсалу. Здесь Карл Линней прежде всего пошел в университетский ботанический сад.

Университет Упсалы был стар и знаменит. Когда в 1728 году Карла Линнея зачислили студентом, в актовом зале еще висели украшения, оставшиеся от празднования двухсотпятидесятилетия этой колыбели шведской науки. Если бы Колумб был шведом, он мог бы отправиться к берегам Америки с дипломом об окончании Упсальского университета...

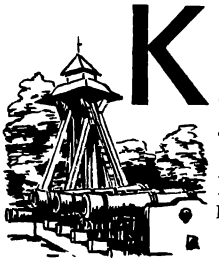
Не будем вспоминать здесь весь жизненный путь Линнея. Блестяще окончив университетский курс и усовершенствовав знания в научных центрах своего времени, он вернулся в Упсалу первым президентом Шведской Академии наук и профессором ботаники. По полторы тысячи студентов собиралось на его лекции, причем среди них бывало много иностранцев, приезжавших в Упсалу только затем, чтобы послушать Линнея.

Вы знаете, конечно, что главная заслуга Линнея перед наукой — создание первой, пусть еще не совершенной, системы классификации животного и растительного мира. Он сам открыл и описал почти полторы тысячи растений, а его ученики и последователи в короткое время увеличили это число до ста тысяч. Два сочинения Линнея — «Система природы» и «Виды растений» — были признаны особенно ценными для науки. Над первым из них он работал всю жизнь. Сначала это была тоненькая брошюрка не больше ученической тетради. Когда книга переиздавалась двенадцатый раз, она превратилась уже в огромный том.

Церковь учила, что в природе ничто не изменяется: все остается таким, как создано богом. Линней не опровергал этого взгляда, но в его трудах содержатся уже и правильные мысли об изменяемости растений под влиянием среды.

Никто, кроме историков, не вспомнит, пожалуй, королей, лежащих в пышных гробницах Упсальского собора. Но имя Карла Линнея, короля ботаников, останется незабвенным.

БЕЛЫЕ ФУРАЖКИ



Когда городу за тысячу лет, его древности не приходится долго искать — они на каждом шагу.

Красная кирпичная громада похожего на крепость упсальского замка с массивными башнями по углам принадлежала Густаву Васа. Жерла пушек грозно смотрели из бойниц замка не на дорогу, откуда мог появиться враг, а на дворец архиепископа.

Католическая церковь обычно поддерживала королей. Но Густав Васа не без оснований опасался ее козней. Нуждаясь в деньгах, он отнял у епископов замки, а у монастырей — земли. Часть этих земель новый король передал дворянам. Одним ударом Густав Васа укрепил свою власть и поправил денежные дела государства.

В старой Упсале сохранились старые церкви и старые звонницы, старый университетский музей с куполом, увенчанным черным шаром солнечных часов, и старая библиотека со старейшими рукописными книгами. Трудно поверить, что лежащему под стеклом библиотечной витрины «Серебряному кодексу», написанному серебром и золотом на листах пурпурного пергамента, скоро исполнится полторы тысячи лет! А рядом с ним — письма и рукописи Линнея, Тегнера, Гейера, Андерсена, Сельмы Лагерлёф, Моцарта, Гёте, Шиллера, Наполеона...

Выйдя из библиотеки, я попадаю в пеструю и шумную толпу. Мелькают студенческие белые шапочки. Студенты богословского факультета держатся очень солидно, юристы — попроще, будущие учителя — совсем просто.

— О-о, из Советского Союза! О-о, Москва! Высокий университет на горе!

Вдруг слышу русскую речь:

— Товарич, я очень рад говорить ис вами. Здравствуите, товарич!

Это студент филологического факультета Ларс Бёрйесон. Он и его приятели изучают русский язык. Старательно выговаривая слова, мой новый знакомый читает вслух пушкинские строки. Как приятно и радостно слышать их здесь, на чужбине!

Студенты расспрашивают о Москве, рассказывают о своей жизни. О-о, живут они хорошо, очень хорошо! У них отличные профессора, сама Упсала такой красивый древний город...

Только вот с квартирами неважно. Надо приезжать в Упсалу задолго до начала занятий и искать недорогую комнатку. Стипендия? Да, хорошо успевающие получают. Хватает ли ее? Как вам сказать... Скорее нет, чем да. Но можно брать ссуды. Банк дает деньги взаймы, под проценты. Ну, потом, когда встанешь на ноги, приходится несколько лет выплачивать

долг, ничего не поделаешь. Долг бывает большим, иногда — очень большим: ведь, чтобы стать юристом, надо учиться почти шесть лет, врачей обучают девять лет. За это время появляется семья, дети...

И я вспомнил, как у нас в Москве на XIII съезде комсомола выступал председатель Союза демократической молодежи Швеции Рольф Утберг.

«Для трудящейся молодежи моей страны,— сказал он,— трудно в настоящее время получить среднее образование и тем более попасть в высшую школу».

Я разговорился со студентами о школе и заметил мимоходом, что, на мой взгляд, там в ребятах не развивают чувства коллектива. А в университете?

Мне ответили, что студенты Упсалы делятся, как и в средние века, на тринадцать довольно замкнутых землячеств. У каждого землячества — свой дом для собраний, свои спортивные площадки и, конечно, много своих обычаев.

Есть, разумеется, и общие студенческие обычаи — например, празднование «вальпургиевой ночи». Вообще-то говоря, по старинному преданию, в «вальпургиеву ночь» на горе Броккен должны собираться ведьмы и устраивать там шабаш с плясками. Но предания полузабыты, и «вальпургиева ночь» стала праздником встречи весны.

— Вы поступаете так же, как во времена Нильса Хольгерсона? — спросил я.

— Конечно, конечно! — заулыбался Ларс.— Мы держимся наших старых традиций.

Ну, а во времена Нильса Хольгерсона 30 апреля все студенты вместо зимних шапок надевали белые летние фуражки и с расшитыми шелком знаменами шли в Ботанический сад. При этом каждое землячество пело свои любимые песни. Шествие останавливалось возле трибуны, и старый профессор начинал речь о том, что лучшее в жизни — это быть молодым и иметь возможность учиться в Упсале.

Так написано в книжке о Нильсе.

После речей, рассказывает мне Ларс, студенты рассыпаются по саду, идут к старому замку. Тысячи белых шапочек — как ромашки на зеленом лугу. Это очень красиво. Всю ночь звучат старинные студенческие песни в окрестных рощах, и веселый свет костров встречает первую майскую зарю...

Ларс показал мне аудитории. Скамьи нарочно сделаны такими жесткими и неудобными, чтобы даже самый завзятый лентяй не мог задремать на лекции.

Над входом в актовый зал написано: «Думайте свободно — это большое дело; думать правильно — это еще важнее». Шведское министерство просвещения и культов (не культуры, а именно культов), ведающее в Швеции университетами, видимо, считает, что думать правильно — это,

прежде всего, следовать религии. Тот, кто не исповедует протестантскую религию, которая в стране считается государственной, не может, например, быть учителем в народной школе. Богословский факультет считается в Упсале одним из главных.

Пора, однако, ехать дальше.

— Привет от моего сердца русским студентам! — говорит на прощание Ларс, размахивая белой фуражкой.

РЕКИ-СОПЕРНИЦЫ

За Упсалой некоторое время тянулась равнина с озерами. На ветру колыхались заросли камыша. Пригорки казались сизыми от капустных полей, маленькие чистенькие городки мелькали вдоль занумерованной дороги.

Шоссе пересекло железнодорожный путь. У шлагбаума мы ждали, пока электровоз протянет длинный состав с лесом. Паровозов у шведов мало: все главные железные дороги электрифицированы.

Большая река открылась вдруг из-за поворота. Это Даль-Эльвен. Легенда о ней немного похожа на сказ о Волге и Вазузе.

Из озера у норвежской границы выбежал веселый и сильный ручей. Он пробивал себе дорогу меж скал, охотно принимал в компанию братьев-ручьев и вскоре превратился в бойкую реку. Она убежала уже довольно далеко от родного озера, когда однажды услышала, что рядом, за горами, шумят и плещут волны. Кто бы это мог быть?

«Разве ты не знаешь, что там течет другая река? — удивился лес.— Она только что пробилась в удобную долину и теперь спешит к морю. Пожалуй, тебе ее уже не догнать...»

«Ну, это мы еще посмотрим!» — И река побежала вперед как могла быстрее.

Но — вот неудача! — вскоре наткнулась она на хребет, в котором было не так-то легко найти путь. А лес, старый хитрец, знай подзадоривает: соседка-то, мол, прихватила воду нескольких озер и ушла так далеко, что ее и не видно. Он не сказал, однако, что соперница остановилась в нерешительности возле одного крутого обрыва.

Так она и стояла там, пока первая река, пробив наконец ущелье в своем хребте, не поравнялась с ней. Тут уж некогда было раздумывать, и трусиха рискнула, бросившись вниз водопадом.

А первой реке опять не повезло: после хребта попалась глубокая впа-

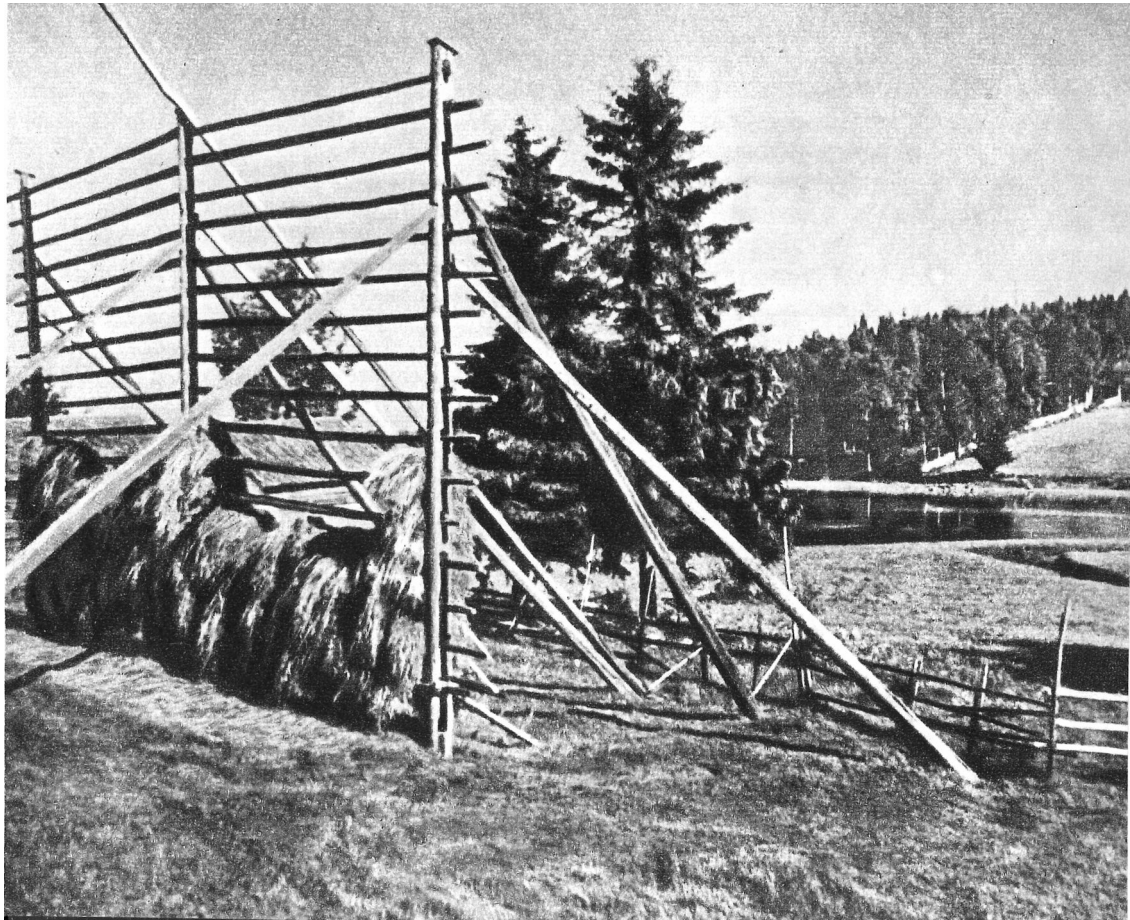
дина. Много лет наполняла ее река, пока впадина не превратилась в озеро Сильян.

За этим-то озером две реки, ставшие теперь не только более мощными, но и более рассудительными, решили не тратить сил поодиночке, а слить воды вместе. Так южнее озера Сильян закончился бег двух соперниц — Эстер Даль-Эльв и Вестер Даль-Эльв; отсюда, от места их слияния, к морю стремится уже могучая Даль-Эльвен.

Я пересек ее за городом Авестой. Это река-труженица, которой поручают нести из лесов к морю множество бревен, а по пути еще пропускают ее воды через турбины гидростанций. Конечно, турбины защищены от бревен решетками, лесное богатство обходит плотины стороной, по особым лоткам.

В промышленном районе Бергслагена, который пересекает дорога, много рудников и металлургических заводов. Шведская сталь славится во всем мире. Шведские лезвия для безопасной бритвы охотно покупают всю-

Шведы сушат сено, как и у нас на севере.



ду. Ножи, замки, всевозможный инструмент с марками шведских заводов вывозится во многие страны.

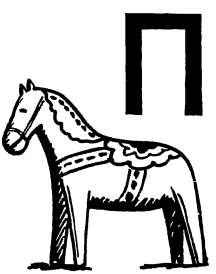
Железо и медь в Бергслагене добывают с незапамятных времен. Руды плавили на древесном угле. Дремучие леса падали под топором, едкий дым стлался над ямами, в которых копошились черные от копоти углежоги.

Бергслагенские рудокопы всегда слыли за людей, любящих свободу. Когда в начале XV века шведские крестьяне восстали против бесчеловечного датского короля Эрика, их повел вольный бергслагенский рудокоп Энгельбрект Энгельбректссон. Его войско, вооруженное дубинами, топорами и луками, гнало королевских солдат, бесстрашно шло на приступы — и крепости отдавали ключи победителю.

Холодной весенней ночью Энгельбрект грелся у костра на одном из островов озера Ельмарен. К берегу подплыла лодка. Энгельбрект, опираясь на костыли — у него был ревматизм,— поднялся навстречу гостям. Это были знатные дворяне. Они ненавидели и боялись Энгельбректа. Первый бросился на больного с топором. Другие натянули тетиву луков — и стрелы пронзили грудь бесстрашного рудокопа.

Мне запомнился один из памятников Энгельбректу: обнаживший меч воин с крупными чертами лица, выражающего непреклонную решимость, охраняет женщину и ребенка.

ВОСЕМЬ ЗАГАДОК



По дороге к озеру Сильян шоферы расстаются со спокойным однообразием равнин. На горизонте — синь гор, в воздухе — прохлада: сюда уже доносится дыхание севера.

Под вечер стал моросить дождь. Из его серой завесы выступали темные заводские трубы. Отблеск пламени висел над домнами Борленге, одного из промышленных городов Даларны.

Даларна, или Далекарлия,— край, который называют «самой шведской Швецией». Его обитатели сохранили многие хорошие обычаи и нравы своих предков.

Поздно вечером я приехал в далекарлийский город Фалун, славившийся раньше медными рудниками.

Утверждают, что все началось с пастуха. Он заметил, что некоторые козы пачкают шерсть красной краской. Пастух пошел за ними, продираясь сквозь кусты. В обрыве горы он увидел красную медную руду.

Купите даларнских лошадок!

Медь очень ценилась в Европе, и в Фалун стали наведываться короли: нельзя ли, мол, пополнить оскудевшую казну, согнав сюда побольше рудокопов? Наверное, тогда и была отчеканена монета, которую хранит фалунский музей. Ее не сунешь в карман: она весит... тринадцать килограммов!

К середине XVII века здешние рудники дали полмиллиона тонн меди. Гору вдоль и поперек изрыли штольнями. Теперь старые рудники заброшены, и свет фонаря распугивает в них летучих мышей.

Фалун оживает только зимой, когда сюда съезжаются на соревнования лыжники и конькобежцы. Под осень же главная гостиница городка почти пустовала. Гостиницу строили, наверное, в начале века и с тех пор не переделывали. Даже телефонные аппараты на столах напоминали экспонаты музея техники. Но это не от бедности. Это скорее свидетельство аккуратности и бережливости. На юге страны гонятся за модой, за стилем «модерн» — здесь посмеиваются над модой и хвалят старину.

В Фалуне живут умельцы, сохраняющие секреты старого ремесла. В магазинных витринах красуются железные каганцы, выдолбленные из дерева корытца, вязанные на спицах пушистые свитеры, пестрые ручные вышивки. Эмблема Даларны — лошадь. Кустари вырезают из дерева лошадок всех размеров. Лошадки очень симпатичные, их красят в яркий

красный цвет и разрисовывают роскошную сбрую. Я купил совсем маленькую, ее полагается на ниточке прикреплять к петлице пиджака.

Может быть, и в Фалуне есть свои стиляги, отплясывающие рок-н-ролл... Не знаю, я их не видел. А вот настоящие народные танцы видел.

Это было похоже на наш вечер художественной самодеятельности. Танцевали под скрипку четыре пары. На мужчинах были белые рубашки, красные жилеты с двумя рядами пуговиц, черные либо белые панталоны до колен, чулки, башмаки с пряжками. У женщин развевались пышные красные и черные юбки, белые кофты пестрели вышивкой.

Танцующие были в том возрасте, который деликатно называют солидным. Один танцор был сед, другой — лыс.

Сначала танцевали «шоттис», похожий на нашу польку. Потом двое мужчин исполнили забавный «танец быков». Они бодали друг друга пальцами, приставленными к голове, и смешно подпрыгивали.

Был еще танец — очень живой и бурный, название которого я не запомнил. Танцор поднимал партнершу кверху на вытянутых руках, потом она приседала, а кавалер проносил ногу над ее головой...

Окончив программу, танцоры чинно встали парами, и, не обращая внимания на аплодирующую публику, пошли со сцены за пиликающим скрипачом.

В Даларне я слышал песни, прибаутки, народные загадки. Некоторые мне понравились. Вот, например, несколько народных загадок. Попробуйте отгадать.

У одного крестьянина было три коровы. Одну он зарезал, и все же в хлеву осталось три коровы. Как же это могло быть?

Мельник, придя утром на мельницу, увидел, что в трех углах сидели на мешках три кошки и возле каждой кошки играло по три котенка. Сколько всего было ног на мельнице?

Охотник увидел двенадцать ворон, сидевших на березе. Он выстрелил и убил одну. Сколько ворон осталось на дереве?

Что человек должен сделать, прежде чем встать?

Когда жил самый большой человек на земле?

Кто свободно входит в окна, а в комнате не помещается?

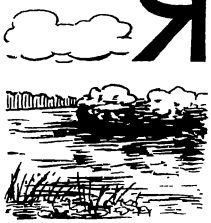
Кто чаще всех путешествует вокруг света?

Кто говорит на всех языках?

Если вы не отгадали эти загадки сами, то вот вам по порядку все ответы:

Крестьянин зарезал корову соседа. Две ноги: у кошек-то ведь лапы! На дереве не осталось ни одной вороны: они улетели после выстрела. Прежде чем встать, надо сесть или лечь. Самый большой человек жил на земле до того, как умер. В окно входит солнце. Вокруг Земли чаще всех путешествует Луна. Наконец, счастливец, говорящий на всех языках,— это эхо.

СИНЕЕ ОКО ДАЛАРНЫ

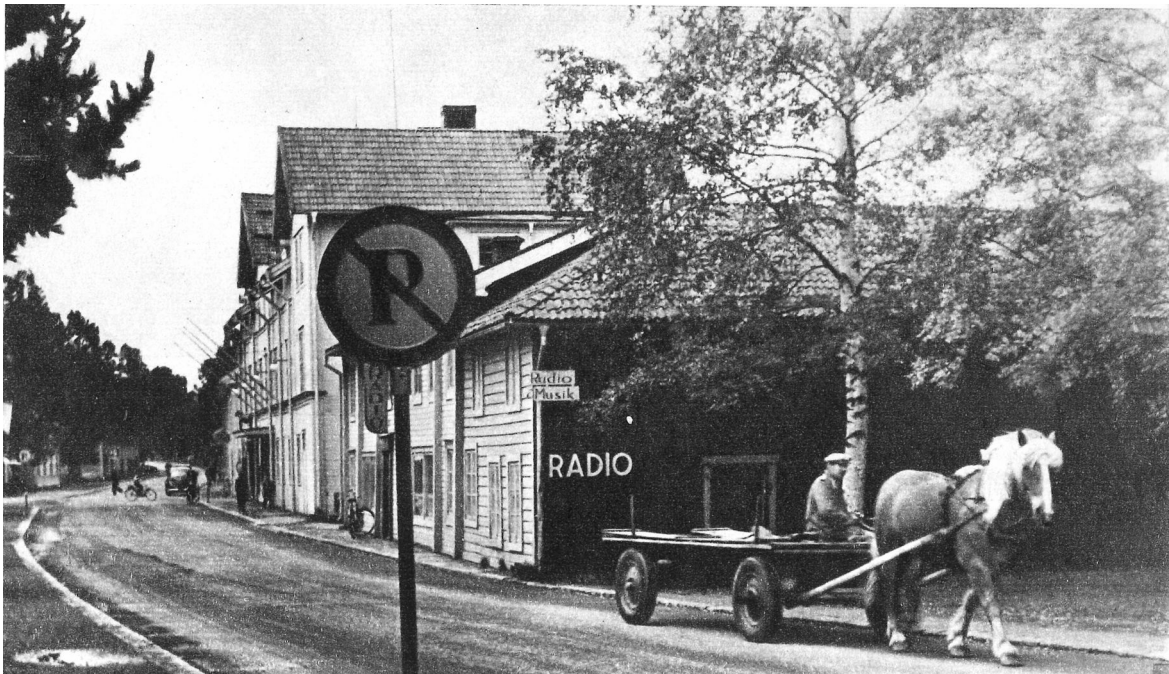


Я поехал из Фалуна дальше на север рано утром, когда в горах еще таяли туманы. Густо-синие, с пепельным грозовым оттенком, тучи клубились в небе. Неожиданно сверху, с горы, открылось свинцовое озеро Сильян. Оно казалось бескрайним, к нему теснились густые хвойные леса. Красные искорки черепичных крыш тлели в их темной зелени.

Дорога входила в селения, напоминавшие музеи народной архитектуры,— так много здесь было старых, но еще крепких домов, окрашенных все в тот же теплый красный цвет. И какой рослый, крепкий, неторопливый народ на улицах! Здесь не подражают королям экрана и быстро гаснущим кинозвездам. Люди, занятые тяжелым трудом лесоруба или рудокопа, по праздникам танцуют на сельских площадях «шоттис» и поют песни родной старины, в которых есть прекрасные строки: «В Даларне жили, кроме бедности, еще верность и честность».

В этих песнях вспоминают Густава Васу, нашедшего в Даларне людей, готовых умереть за независимость своей страны. Отсюда, из Даларны, он в первой четверти XVI века начал поход против поработителей. В селении Мора показывают камень, с которого молодой Васа говорил народу: «Присоединяйтесь к нам, чтобы освободить себя и своих детей, как поступали и раньше верные люди Швеции!»

Дома в северных шведских городках — деревянные, крытые черепицей.



Но, когда Густав Васа, став королем, забыл о своем обещании облегчить тяжелую участь крестьянства, свободолюбивые жители Даларны трижды смело выступили против него. Король жестоко расправился с непокорными и казнил некоторых бывших своих сподвижников, помогавших ему в трудные годы.

Озеро Сильян поэты окрестили синим оком Даларны. В хмурый день его правильнее называть серым оком Даларны. Оно смотрит в небо, и темные ресницы еловых лесов полуприкрывают его берега.

Сильян притягивает туристов. Они нежатся на рыжих песчаных отмелях у селения Реттивик. Возле здешней церкви с золотым петухом на шпиле темнеют старыми бревнами десятки небольших конюшен. Крестьяне, приезжавшие холодной зимой в церковь на рождественское богослужение, ставили туда лошадей.

Знаете, сколько лет этим конюшням? Четыреста!

Их сложили из бревен тогда, когда на волжском берегу еще и в помине не было города Царицына. Они стояли в то время, когда недавно построенный поволжский городок жег Разин. В этих конюшнях топтались лошади в год, когда белые шли на революционный Царицын. Эти конюшни показывали редким туристам осенью 1942 года, когда бывший Цари-

Дом этот совсем не стар. Но знаменитый шведский художник Андерс Цорн построил его так, как строили в давно минувшие времена.

цын, ставший огромным городом Сталинградом, был почти стерт с лица земли. И эти же конюшни показывают туристам в 1959 году, когда на Волге построен новый Сталинград, больше и красивее прежнего... Сколько бурь, потрясений, бедствий обошли стороной Швецию!

На кладбище возле церкви Реттивика, где могилы поднимаются над подстриженными газонами и посыпанными желтым песком дорожками, вечным сном спят поселяне. Они умирали своей смертью на своей постели, сельский пастор отпускал им грехи. Если кого смерть и заставала вне дома, так разве лишь лесоруба, не успевшего отскочить от падающего дерева, или рыбака, лодку которого опрокинула буря.

Объехав немало шведских городов, я видел красивые дома и густые парки, белые кафельные кухни, прекрасные школы, чисто одетых улыбающихся людей. Я видел хорошие товары, ел вкусные обеды. Но у меня не было зависти.

Темные бревна строений у церкви Реттивика снова вернули меня к старым мыслям. Мир! Уже полтора века шведские жены и дети не знают скорби об отце, сыне и брате, сложившем голову в бою. За полтора века — ни одного разрушенного войной дома, ни одного гектара вытоптанного врагом поля, ни одного сожженного или взорванного завода. Все цело, все в сохранности.

Много ли стран, много ли народов земного шара имели такие возможности для развития?

Если бы нам не помешали, если бы последняя война не отняла у нас многое из созданного до нее, если бы вместо того, чтобы восстанавливать все сожженное, разрушенное, взорванное на пространстве, куда большем, чем занимает Швеция, мы могли бы продолжать мирную стройку,— как бесконечно далеко ушли бы мы по своей верной дороге к изобилию, к расцвету, к счастью!

В НОЧЬ ЛЕТНЕГО СОЛНЦЕСТОЯНИЯ

На северных берегах Сильяна родился, жил и работал великий шведский художник Андерс Цорн. В прибрежном селении Мора — его дом и музей.

Цорн много ездил. Он встречался с Репиным, Коровиным, Серовым, бывал в Москве и Ленинграде. Он писал воду Босфора, парижских девушек, испанские деревни, Гамбургский порт. Но особенно любовно изображал художник сцены народной жизни своей Даларны. В музее собрана чудесная коллекция портретов — деревенский точильщик, старый часовщик, пастух с дудкой...

Мне показали портрет суровой крестьянки, повязанной платком так же, как повязываются у нас в северных поморских деревнях. Это мать художника.

Мору прославил и знаменитый лыжник Нильс Карлссон. Он одно время был чемпионом мира.

«Мора — Ниссе», Нильс из Моры, как прозвали его в Швеции, живет на своей ферме. Я зашел в его дом и ахнул: все стены — в дипломах, все шкафы забиты кубками, хрустальными вазами и другими призами. На самом видном месте — лавровый венок с национальными голубыми и желтыми лентами.

Я спросил «Мора — Ниссе», что он думает о советских лыжниках.

— Они достаточно хороши для скандинавских... — ответил он и рассказал, как ему пришлось вручать Владимиру Кузину, завоевавшему в Фалуне звание чемпиона мира, «Большой королевский кубок».

Нильс Карлссон на прощание подарил свою фотографию. Как вы думаете, где он был снят? На старте лыжной гонки? В счастливое мгновение разрыва финишной ленты? На фоне своих бесчисленных призов?

Нет, Нильс Карлссон был снят на фоне полок со спортивными товарами. Бывший чемпион мира открыл свою лавку. Чемпион — это проходит, забывается, это не кормит. А владелец лавки — определенное, устойчивое положение в обществе...

Дорога за Сильяном пошла по мало тронутым топором борам-беломошникам: мягкий ковер мхов и хвои, грибные полянки, похрустывающий валежник...

После долгого подъема в гору я оказался возле бревенчатой туристской хижины на перевале, открытом ветрам.

Высокий шест, увитый засохшей листвой, стоял возле хижины. Скрещенные стрелы — старинный герб Даларны — украшали его. Вверху трепетал выцветший синий с желтым крестом шведский государственный флаг.

Это было «майское дерево».

Но такое название грешит некоторой неточностью, может быть, правильнее было бы говорить о «июньском дереве».

Скандинавы любят праздник середины лета. Накануне в деревнях, да и в городах, комнаты украшаются зеленью и цветами. Пахучие ветви елей и можжевельника расстилают по полу.

В ночь летнего солнцестояния молодежь наряжается в старинные костюмы. Парни и девушки в самую короткую из летних ночей идут в зеленые благоухающие леса, где задумчивые озера отражают свет негаснущей зари.

Молодежь украшает шест «майского дерева» зеленью, венками, цветными лентами. Парни и девушки танцуют вокруг него до утра и, взявшись

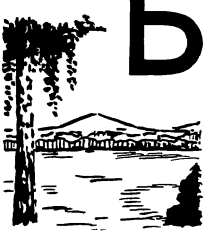
В самую короткую из летних ночей шведские девушки надевают такие же костюмы, какие носили их прабабушки.

за руки, идут потом на холм встречать первый луч солнца. Девушки украдкой прячут цветы из венков «майского дерева»: они верят, что если эти цветы положить под подушку, то можно увидеть во сне жениха.

Уже триста лет, а может и больше, в поселках и на хуторах ставят «майские деревья». По старому поверью, поля должны зазеленеть, украситься колосьями так же, как украшается живой зеленью серый выцветший шест. С верхушки «майского дерева», которым я любовался, жестяной петушок-флюгер показывал на север.

Необозримые дали раздвинулись там. Зеленый лесной океан шумел внизу, и серебряные озера терялись в нем. За туманной чертой горизонта угадывался Норланд, север страны, ее главная лесосека и кладовая железных руд.

СОН НИЛЬСА



Больше половины страны лежит севернее Сильяна. Но она не так густо заселена, как уже знакомые нам провинции.

В Сконе на каждом квадратном километре живет в среднем 50—100 человек, в Северной Швеции, или Норланде,— 1—3 человека.

Норланд — это, если так можно выразиться, шведская Сибирь. Южанам мерещатся там морозы, с трудом переносимые человеком. Не всякий житель Сконе согласится поехать на работу в норландский город Кируну, за Полярный круг.

А вот Нильс Хольгерсон прямо-таки рвался в Заполярье. Еще бы, туда ведь улетела вся гусиная стая, и мальчуган вместе с выпущенным им из клетки Скансена орлом Горго должен был во что бы то ни стало разыскать ее.

По дороге на север Нильс, утомленный однообразием лесов и болот, над которыми летел орел, заснул. Мальчику приснился удивительный сон. Будто он где-то на юге — может быть, в родной Сконе — шагает посреди самой странной толпы, какую только можно себе представить. Рядом с ним шли не люди, нет,— возле него шагали ржаные колосья на длинных соломинках, синие васильки, яблони, кряхтевшие под тяжестью плодов. Липы, дубы и буки гордо выступали посредине дороги, возвышаясь над робкими кустарниками. В зелени жужжали насекомые, в речках, которые текли вдоль дороги, плыли рыбы, на ветвях путешествующих деревьев пели птицы.

Приглядевшись, Нильс заметил и людей, совсем затерявшихся среди растений и животных.

Но кто же вел эту странную толпу? И куда?

Вело ее само Солнце.

«Вперед! — кричало оно.— Вперед!»

Ржаные колосья, у которых Нильс спросил, куда это — «вперед», сказали ему, что солнце ведет всю армию на крайний север страны, в Лапландию, чтобы вступить там в борьбу с чародеем Окаменителем, нагоняющим на всех ледяное оцепенение.

Да, армия шла такая, что перед ней не устоять никакому Окаменителю!

Но что это? Нильс заметил: некоторые из его спутников пошли медленнее, неувереннее. Он присмотрелся: вот так раз — многих уже нет!

Первыми отстали ветвистые зеленые буки и каштаны. Когда шествие подошло к реке Даль-Эльвен, остановился могучий дуб.

«Он боится великого Окаменителя!» — воскликнула светлоствольная березка, шагавшая рядом с Нильсом.

Стала отставать пшеница, остались вдоль дороги яблони. Потом их примеру последовали ячмень, рожь и горох. Да и животных сильно поубавилось — за Солнцем бежали северные олени и песцы, перепархивали белые куропатки...

Оглянулся мальчик — нет уже его веселой спутницы, белой березки, нет сосны и ели, только низкорослые кустарники все еще тянутся за Солнцем.

А когда Солнце пришло наконец к темному ущелью, от всей вышедшей в поход могучей рати почти никого не осталось.

В глубине ледяного ущелья сидел великан в шубе из снега, обросший волосами из ледяных сосулек. Черные волки, окружавшие его, разинули пасти, посылая навстречу Солнцу стужу, ветер и тьму.

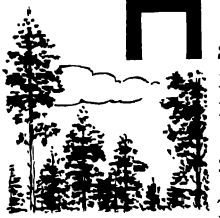
Солнце остановилось прямо против Окаменителя. Долго оно почти неподвижно стояло так, осыпая страшилище яркими лучами, и уже застонал Окаменитель, уже стала сползать с него снежная шуба, как вдруг Солнце воскликнуло:

«О, мое время прошло, мне пора!»

И оно покатилось обратно из ущелья, на юг, чтобы на следующее лето снова начать поход против Окаменителя.

Да, что и говорить, сон Нильса имел вполне солидную научную основу. Недаром ведь книгу Сельмы Лагерлёф называли «географией в сказке».

Мы же с вами продолжим путешествие по следам Нильса Хольгерсона с того места, где дубы уже отстали, а березки, сосны, ели, как говаривал наш знакомый г-н Герроу,— «не еще».



Наверное, Норланд доделывал тоже святой Петр. Удивительно, что об этом ничего не говорится в легенде. Во всяком случае, здесь, как и в Смоланде, земля приподнята повыше к солнцу каменистыми плоскогорьями. На западе, к границе Норвегии, громоздятся хребты один другого выше; на восток, к Ботническому заливу, плоскогорья спускаются ступенями, по которым прыгают реки. Ступени плоскогорий так ровны, что речной поток превращается как бы в широкое озеро, переливающееся через край обрыва. Эта знаменитая «линия водопадов» тянется на многие десятки, даже сотни километров.

На северную землю дышат волки великого Окаменителя. Солнце, которое летом не уходит с неба над ней почти полторы недели ни днем, ни ночью, все же не всегда дает пришедшему за ним на север ячменю тепло для созревания.

Конечно, водопад очень красив. Но как переправиться на ту сторону?

Нелегко быть сплавщиком леса на такой реке!

Зато какие леса шумят здесь под ударами холодного ветра с Северного Ледовитого океана! Только сибирская бескрайняя тайга может поспорить с ними.

Нет в них особой нарядности, покажутся они, пожалуй, даже диковатыми. Смотрите, седые космы мхов, темные ели, сырая, болотистая почва, хлюпающая под ногами... Но вот пошли березовые белоствольные леса. Повыше, вцепившись корнями в расселины, корабельными мачтами поднялись над мелколесьем гордые сосны.

Не поскупилась природа — наградила шведов великим лесным богатством. Зеленый лесной ковер прикрыл больше половины страны. И лежать бы ему вечно, если бы не человек.

Давно пришли в шведские леса дровосеки. Стук топора и шум пилы распугали птиц и зверей в дебрях, спокойно продремавших долгие тысячелетия. Сначала поредел зеленый наряд на юге. Потом оголилась земля возле больших озер — там, где некогда рыцари охотились в непролазной чаще на кабанов и оленей. Затем настал черед северного края.

Сначала рубили то, что росло близ сплавных рек. Потом стали забираться все дальше и дальше в глубь лесов. Дровосеки рубили сосны, чтобы превращать их в уголь для плавки металла. Корабли повезли шведский лес на продажу за море. Покупали его охотно, платили хорошо: древесина северных лесов прочна и долговечна.

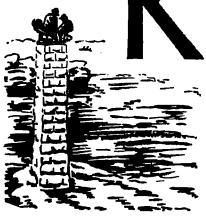
В редкой стране рубят столько леса, сколько в Швеции. Страна очень богата лесом, но ее богатство составляет все же только сотую часть мирового зеленого океана. Между тем клеймо шведских фирм стоит на каждом четвертом бревне, ввозимом в безлесные страны. Четверть всех лесных товаров, продающихся на земном шаре, привозится из Швеции. При такой рубке никаких лесов не хватит надолго.

«Мы рубим сук, на котором сидим,— пишут газеты.— Надо срочно сажать новые леса». Но у государства, обеспокоенного разгулом топора и пилы, в пять раз меньше лесов, чем у капиталистов. А на своей земле, в своем лесу, капиталист сам хозяин. Выгодно — он и рубит. Рубит на водоразделах, не заботясь о том, что мелеют реки. Рубит там, откуда дешевле возить, хотя в других местах деревья давно перестояли на корню и сами валятся от старости и бурь.

В Швеции, как и у нас в старину, «хозяином леса» называли медведя. Теперь косолапых почти вывели. Нынешние хозяева леса называются длиннее — например, компания «Шведская целлюлоза». У нее такая вотчина, какой ни одному медведю не снилось: два миллиона гектаров леса!

На этого хозяина трудится множество лесорубов, сплавщиков, лесопильщиков. Осенью, когда начинается главная рубка, к ним на помощь приходят из деревень сезонники: полтораста—двести тысяч крестьян, которых плохо кормит клочок своей или арендованной земли.

ПАМЯТНИК НАД ПУЧИНОЙ



Когда едешь по норландской дороге, то кажется, будто весь здешний лес снялся с корня и торопится к побережью. По шоссе бешено мчатся грузовики с прицепами, набитыми бревнами. Пересекаешь реку — она вся в бревнах, плывущих так густо, что вода кажется издали не синей и не серой, а желтой, красноватой.

Недалеко от устья на реке Онгерман-Эльв поставлен необычный памятник. Посредине самого быстротока, где вода бурлит порогами, высоко поднят столб из грубо отесанных глыб гранита. На его вершине — фигуры троих людей. Они в самых неустойчивых и рискованных позах работают на груде бревен, торчком нагроможденных водопадом. Их мускулы напряжены, лица серьезны. Короткими баграми они вцепились в бревно, вырываемое потоком.

Я знаю не много памятников людям труда, которые были бы сильнее этого. Бешеное течение реки бьет в его гранитную опору, и, кажется,

Эту северную реку шведы обуздали плотиной.

соскользни багор, оступись нога у кого-нибудь из тех троих наверху — и пучина тотчас поглотит еще одну жертву.

Это памятник сплавщикам, погибшим на северных реках.

Тяжел и опасен труд героев. Вечно в воде, всегда начеку. Река несет миллионы бревен через стремнины, они сталкиваются в водоворотах, их выбрасывает на камни. Сплавщик должен всюду успеть со своим багром. Если опоздал столкнуть бревно, оно задержит другое, третье, и вырастет плотина, которую сплавщики, рискуя жизнью, разбирают под напором дикой реки.

Мне говорили, что из ста бревен, пущенных с лесосеки через пороги и водопады, девяносто девять благополучно доплывают до лесозаводов. Вот что такое шведский сплавщик!

Лесопильные заводы облепили устья рек, прибегающих с плоскогорий Норланда к Ботническому заливу. Тут же дымят трубами и целлюлозно-бумажные заводы. Все до единого значительные города ботнического побережья придвинули свои кварталы к речным устьям. К этим городам ведут дороги, обсаженные березами. Дома и церкви — деревянные, как и у нас на архангельском севере. Если не каждый второй, то уж, во всяком случае, каждый третий горожанин связан здесь с лесным делом.

Корабли берут в северных портовых городах не только бревна. Они увозят отсюда много древесной массы из северной ели, которая превращается потом и в бумагу, и в вискозные ткани, и во взрывчатые вещества.

Лес и дешевая электрическая энергия гидростанций — вот что притянуло в холодный Норланд людей и капиталы. Но основное богатство северной земли — в ее недрах.

МЕЖ ЖЕЛЕЗНЫХ ГОР

Природа упрятала главные запасы железной руды далеко на север страны. Там ее добывают и везут на запад, к норвежскому порту Нарвику и на восток — к шведскому порту Лулео.

Ни одна страна в мире не продает столько железной руды, сколько Швеция. Днем и ночью мчатся электровозы с тяжелыми составами к морю и порожняком — обратно в горный край. Днем и ночью с грохотом сыплется железная руда в трюмы кораблей, над кормой которых свисают немецкие и английские флаги. Эти корабли повезут свой груз через Балтику или Северное

море. Больше всего руды идет в домны Западной Германии, чтобы превратиться потом в машины и станки, а может быть в пушки и танки.

О северном железе знали давно. Нильс Хольгерсон услышал про две горы со странными названиями — Кирунаваара и Луоссаваара, означавшими: «Гора-куропатка» и «Гора-лосось». Наш маленький путешественник даже побывал на небольшом руднике, где рабочие взрывали гору, чтобы добыть железную руду. Но если бы он теперь заглянул сюда, то не узнал бы знакомых мест.

Гора Кирунаваара сейчас ничем не напоминает куропатку. Еще бы, из нее выхватили порядочный кусок и всю искромсали взрывами! Склоны горы-птицы изрыты огромными ступенями. Эта гора битком набита самой лучшей железной рудой, какую только можно себе представить. Ее удобно добывать. Не надо рыть шахты, спускаться под землю. Гору просто взрывают и грузят в вагоны. Когда-нибудь экскурсовод будет показывать туристам: «Вот здесь была железная гора, которую всю вывезли».

Но город Кируна останется и тогда, когда это случится: вокруг есть другие залежи железной руды, их хватит надолго. Дома в Кируне строят с маленькими окнами, вытянутыми не вверх, а поперек фасада: надо беречь тепло. Морозной и вьюжной зимой любые окна не осветят комнату, потому что на улице — полумрак полярной ночи. Летом же солнце висит на небосводе круглые сутки, и от одного небольшого окна в комнате светло даже в полночь.

Название двух гор перешло на вывески. Золотыми буквами по черному фону написано: «Кирунаваара — Луоссаваара». Да, конечно, это название хозяина железных гор, одного из крупнейших предприятий страны. Об этом догадаться легче, чем найти ответ к загадкам Даларны, верно?

Во время похода против великого Окаменителя березы еще дошли до Кируны. Но повыше города, на пустынных и холодных плоскогорьях, уже настоящая тундра, где растет только кустарник, олений мох и морошка.

Вот в этой-то тундре Нильс Хольгерсон и разыскал наконец стаю Акки из Кебнекайсе.

Кебнекайсе — это самая высокая в Швеции гора, поднимающая снегоголовую вершину западнее Кируны. Гусыня Акка, никогда не заглядывавшая в учебники географии, конечно, не могла сказать Нильсу, что высота этой горы — 2123 метра. Но зато она слетала туда с мальчиком. Нильс любовался ледниками, ползущими по крутым склонам, и смотрел, как в горных ущельях заботливые медведицы воспитывают медвежат.

В Лапландии — так называется крайний север Швеции — Нильс видел

Олени — главное и единственное богатство кочевников-саами.

становища саами, или лапландцев,— маленького народа, кочующего по тундре вместе с оленями.

Мудрая гусыня Акка говорила, что шведские поселенцы хорошо сделали бы, оставив эту землю в покое. Пусть на ней, как и раньше, живут медведи, волки, олени, дикие гуси, горные филины, кроты и лапландцы!

Шведы, однако, не согласились с мудрой гусыней. С тех пор они сильно потеснили лапландцев на земле их предков. Теперь в лапландские деревушки возят иностранных туристов и показывают их как достопримечательность.

В этих деревушках живут так, как жили сто лет назад. Тут нет ни холодильников, ни акций. Лапландцы ходят в дедовских шапках с красной кистью, в самодельной мягкой обуви из оленьей кожи и в просторных куртках — «кухтах».

Возможно, что саами жили на Скандинавском полуострове еще задолго до того, как там появились предки шведов и норвежцев. Саами не похожи ни на тех, ни на других. У них свой язык, чужой и непонятный большинству жителей полуострова.

Говорят, что у лапландцев сохранились еще кое-где остатки языческих суеверий и старики при случае не прочь прибегнуть к помощи колдунов—шаманов.

...Нам пора заканчивать путешествие по стране Нильса Хольгерсона. Гусиная стая поднимается, чтобы лететь на юг. Она несется над тундрой, и северные олени слышат крики птиц:

«Спасибо за прекрасное лето! Спасибо за лето!»

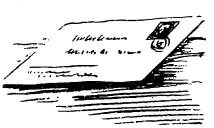
«Счастливого пути и до свиданья!» — отвечают олени.

Скажем и мы «до свиданья» всем нашим спутникам в поездке по стране. Нильсу ведь осталось уже совсем немного до встречи с отцом и матерью в родной деревушке на юге, где он снова превратится в человека, много повидавшего, вышколенного жизнью, узнавшего цену дружбе и избавившегося от лени, грубости, жестокости и всяческих других пороков.

Нам же предстоит еще большое путешествие вдоль всего западного побережья скандинавского полуострова, где живет трудолюбивый норвежский народ.

РАЗГОВОР ЗА КРУГЛЫМ СТОЛОМ

Когда я вернулся из Швеции, знакомые спрашивали меня:



— Ну, а как шведы относятся к нам?

Я говорил, что в общем шведы к нам относятся хорошо, по-добрососедски, как и мы к ним. Но в Швеции живут разные люди. Рабочий на заводе шарикоподшипников или батрак в богатой усадьбе думают о нас не так, как фабрикант или помещик, на которых они трудятся. Это ясно каждому.

Но и среди тех шведов, которые не работают у станка и не пашут землю, среди тех, которые думают, что капиталистические порядки лучше социалистических, есть немало людей, уверенных, что нашим народам надо дружить друг с другом.

Однажды я получил несколько необычное послание от господина Гуго Бергквиста из Стокгольма.

В большом пакете лежало письмо и лист картона с двумя рисунками. Он был исписан тщательно выведенными от руки печатными буквами и заключен в прозрачный целлофан. Тут же лежал лист почтовой бумаги — письмо по-шведски на машинке. Наконец, в пакете был оклеенный золотой бумагой детский калейдоскоп, где пестрые стекляшки при каждом повороте трубки отражались новым чудесным узором на матовом стекле.

С господином Гуго Бергквистом я познакомился в Стокгольме. Он пригласил своих новых советских знакомых навестить его запросто, по-семейному.

Мы поехали в стокгольмский пригород на машине господина Бергквиста, которой управлял его сын.

Хозяин встретил нас у калитки. Он был в просторном полотняном костюме без галстука. Дорожка к дому шла через сад, и капли дождя блестели на коротко подстриженном газоне. Мы чувствовали сначала некоторую неловкость и с преувеличенным вниманием рассматривали рисунки, которые нам показывала Черстин, дочь хозяина. Потом все расселись в гостиной вокруг ужасно низкого круглого столика, под который никак не удавалось засунуть ноги.

Дочь принесла поднос, где были чашечки с кофе и коллекция маленьких бутербродов. Хозяин стал серьезным и принялся рассказывать о себе.

Нет, он не капиталист, а всего только директор фабрики халатов. Он — не политик, его больше интересуют старинные картины и мозаика; он даже сам занимается мозаикой, составляя рисунки из осколков цветных стекол, и мы, если захотим, можем посмотреть некоторые его работы — о, совершенно любительские, разумеется.

Так вот, продолжал господин Гуго, он не политик. Но у него дети, и, конечно, хочется, чтобы они знали счастливые времена. Недавно он побывал в Советском Союзе. Не все ему было понятно, не все понравилось — но это была волнующая поездка. И теперь он очень рад принимать у себя в доме русских. Как это говорится по-русски? А, «добро пошаловатт»!

За круглым столом мы толковали о русской живописи, о наших детях, о прямых и косвенных налогах, о народных ремеслах шведской Даларны и русской Хохломы — господин Гуго привез несколько деревянных безделушек с понравившейся ему огнисто-яркой хохломской росписью.

Вспоминали о том, что уже в 1920 году Швеция продавала товары нашей разоренной, полузадушенной блокадой республике. О том, что в 1922 году, когда голод терзал Поволжье, к нам шли пароходы с хлебом, купленным на деньги, которые собрали шведские рабочие и шведские

безработные. О том, что в тот же страшный год в переполненных поволжских больницах дежурили шведские врачи-добровольцы, и, когда сестра милосердия Карин Линдског скончалась от сыпного тифа, голодные самарцы шли за ее гробом с красными флагами и пели: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

Можно бы, конечно, вспомнить и о том, как некоторые люди в Швеции не раз хотели поссорить наши народы, как они пропускали через страну поезда с гитлеровскими солдатами и вообще строили и строят всякие козни против нашей страны. Но не это было главным в отношениях между нашими народами.

Потом хозяин показал весь дом — от котельной до библиотеки: около двадцати комнат. Такие дома в Швеции имеют не многие. В спальне стояла простая деревянная кровать, которую, оказывается, сделал сам господин Гуго, «когда был совсем бедным». Но, очевидно, «совсем бедным» господин Гуго был очень давно.

Господин Гуго не говорил о дружбе между русскими и шведами. Он сказал, что избегает разговоров на политические темы. Но, когда поздно вечером мы прощались у калитки, хозяин как бы вскользь заметил, что ему хочется внимательно прочесть некоторые книги, относящиеся к послереволюционной истории нашей страны.

Я часто вспоминал потом вечер у Бергквистов и другие вечера и встречи в Швеции. Из тысяч фраз, из теплоты рукопожатий у меня и у моих товарищей крепла уверенность, что наши народы хотят жить добрососедски, не раздувая временных недоразумений и размолвок. После давних распрей прадедов нашим народам не из-за чего ссориться, а хорошие отношения всегда приносили обоим всяческую пользу.

Я вспоминал все это, когда получил пакет с калейдоскопом.

Мне перевели, что было написано в письме и на листе картона. «Дорогой Георгий! — писал Гуго Бергквист. — В тот вечер, который мы провели вместе в моем доме, случилось что-то удивительное... Казалось, будто мы все держали друг друга за руки и говорили без переводчика... Это было подобно сказке, которую ты будешь рассказывать своему мальчику Никите, когда он станет таким большим, чтобы понимать ее...»

К письму и была приложена эта сказка, или сага, сочиненная самим Гуго Бергквистом. Рисунки к ней сделала его дочь Черстин.

В саге рассказывалось о том, как после страшной бури, пронесшейся над землей, сосед взял с собой детей и пошел навестить соседа. Тот принял его недоверчиво. Соседи были разобщены так долго, что почти не понимали друг друга. Даже буквы звучали у них по-разному: когда один показывал «В», другой говорил, что это «Б».

«Но обратите внимание на детей,— говорилось в саге. — Они играли друг с другом. Это были приятные старые детские игры: они танцевали, им было весело, и они-то очень хорошо понимали друг друга...»

Дальше описывалось, как соседям помог... калейдоскоп! В него положили волшебное зернышко дружбы. Появились узоры, которые всем очень понравились. А когда в калейдоскоп рядом с зернышком поместили буквы, вырезанные из газеты «Правда», то оба, гость и хозяин, смогли прочитать все, что было написано.

«И гость вернулся в свою деревню и рассказал друзьям, как ему было интересно у соседа, как дети первыми поняли друг друга, рассказал и о великом чуде калейдоскопа».

Вот и вся сага, в которую Гуго Бергквист, деловой человек, облек свои размышления о войне, мире и дружбе. И вот почему мне так дорог обычный, оклеенный золотой бумагой детский калейдоскоп, где на матовом стекле горят, искрятся соцветия узоров.

У СИНИХ ФИОРДОВ

На берегу Осло-фиорда

В ГОСТИ К НОРВЕЖЦАМ

Четырехмоторный самолет, набитый пассажирами, летит в Норвегию.

Его тень скользит по черно-синим озерам, окаймленным лесом и камнем. Она проносится над заливом, задевает скалистые острова, где на голом сером камне разбросаны прямоугольнички красноватых крыш. Сквозь прозрачную синеву просвечивают каменистые подводные косы.

В гости к норвежцам я лечу со своим другом Марком. Он журналист, говорит по-английски и немного по-немецки.

Марк не похож на журналистов, которых иногда выпускают на сцену в плохих пьесах. Те выскакивают с блокнотом, чтобы задать несколько торопливых вопросов и снова умчаться за кулисы. Марка же невозможно представить бегущим, бестолково суетящимся. Он даже несколько медлителен. У него беспричинно грустные глаза. Когда все вокруг хохочут, Марк позволяет себе слегка улыбнуться, не больше.

Он умеет обстоятельно, подробно расспросить собеседника, пять раз вернуться к тому, что кажется не совсем ясным. Уж он-то никогда не пе-

репутает в своих статьях имени человека, или названия улицы, или какой-нибудь даты!

Мы завтракаем в воздухе. На белом подносике из пластмассы бутерброд, чашка кофе, кусочек омлета. Тут же, в воздухе, идет бойкая торговля. Разносят пачки сигарет, фляги с крепкими напитками. Оказывается, в небе нет каких-то пошлин или налогов, и деловые люди считают, что грешно упустить такой случай.

У Марка остыл кофе. На коленях мой друг расстелил карту. Временами он смотрит в окно и что-то шепчет про себя.

— Да,— с удовлетворением говорит он наконец.— Мы летим уже над Норвегией.

Марк принимается за кофе, но в эту минуту вспыхивают красные буквы надписи, предлагая господам пассажирам привязать себя ремнями перед посадкой. Самолет снижается над фиордом возле норвежской столицы.

Береговые скалы массивны и угрюмы. Темные хвойные леса и серые тучи еще усиливают это впечатление. Лишь небольшой островок, весь заставленный серебристыми бензиновыми баками, приветливо и весело светится внизу.

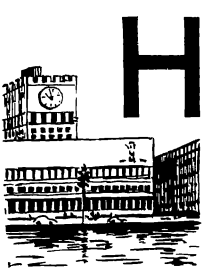
— Не скажете ли вы, как это называется? — Марк показывает соседу вниз.

— Остров слез.

— Как?!

— Остров слез,— невозмутимо повторяет пожилой норвежец. — Бензин у нас очень дорог. Плачешь, но покупаешь.

НА УЛИЦАХ ОСЛО



Несколько дней мы без устали ходим и ездим по улицам норвежской столицы. Нас постоянно поливают дожди и совсем редко балует солнышко. На третий или на четвертый день Марк время от времени подталкивает меня локтем:

— Смотри, опять тот высокий, в шляпе.

— Вчерашняя старушка с пуделем. Обрати внимание, как бодро шагает.

У Марка отличная зрительная память. Осло не особенно большой город. В нем, считая с пригородами, живет около полумиллиона человек. Мой друг начинает узнавать прохожих, которые, видимо, выходят на прогулку в одни и те же часы.

После Москвы улицы Осло кажутся тихими и несколько пустынными.

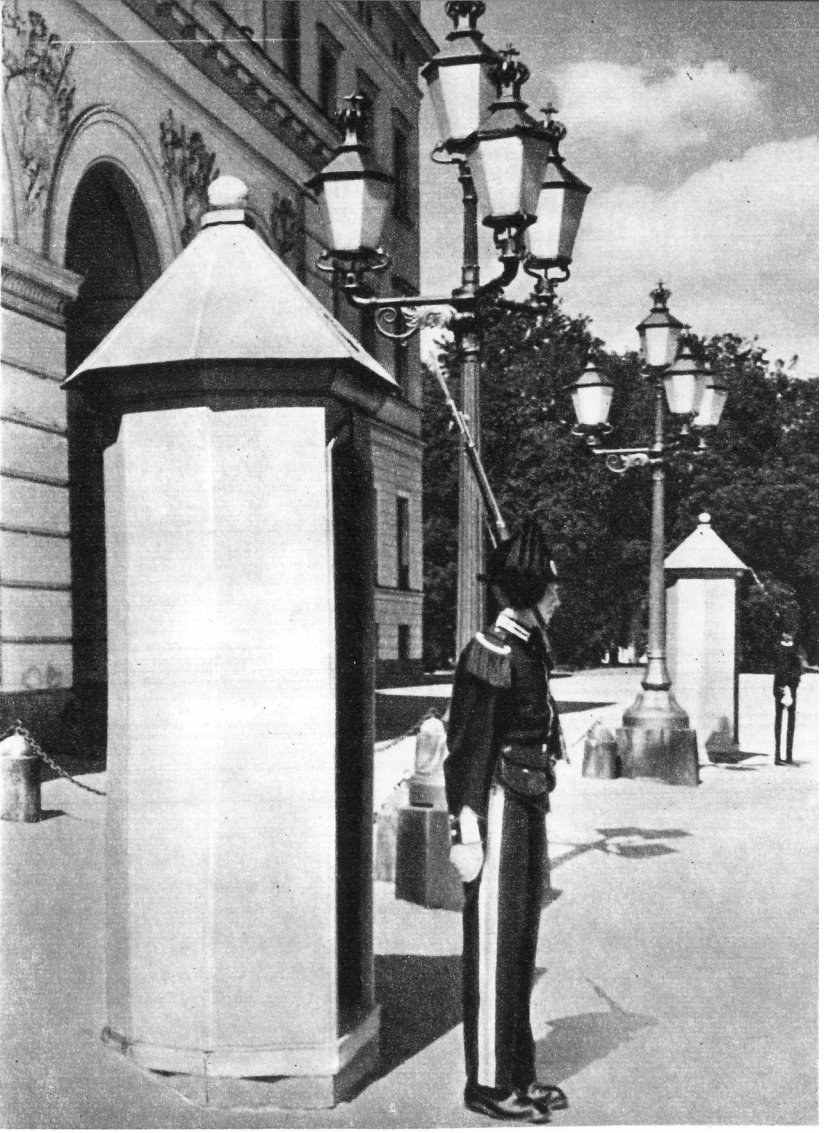
Даже в центре Осло незаметно уличной сутолоки.

Бесшумно бегут машины. Трамваи, словно стесняясь грохота, замедляют ход. Толпа не густая и молчаливая. Вдоль улиц много домов старой постройки. Иногда, как и в Стокгольме, над улицей поднимается скала, на которой кустится шиповник.

На перекрестках посредине мостовой горят желтые фонари-мигалки. Они то вспыхивают, то гаснут, напоминая об огнях маяков и о море, которое плещется у ворот норвежской столицы. О том же напоминает влажный морской воздух.

Если дождь по какой-то причине не накрапывает с утра, то наверстывает свое к вечеру. Жители Осло не обращают на него никакого внимания. В руках у них — маленькие сумочки на «молнии». Как только разверзаются небесные хляби, прохожие извлекают из сумочки прозрачную накидку и такой же чехол для шляпы.

После этого горожанин неуязвим и не спешит под крышу. Люди чинно прогуливаются, останавливаясь у магазинных витрин. Не обращая внима-



У королевского дворца.

ния на хлещущие из водосточных труб потоки, они вдумчиво рассматривают выставленные за стеклом товары, ловко разжигают под дождем трубки с душистым табаком. Они готовы обсуждать со знакомыми любые злободневные вопросы прямо на тротуаре, как будто никакого дождя нет и в помине.

Но если дождя действительно нет — что за прелесть столичные бульва-

ры! Как пахнут их столетние липы! И какая изумрудная трава на холме, где стоит похожий на дворянские дома старой Москвы королевский дворец!

Нам хотелось увидеть короля. Несколько раз мы ходили ко дворцу, но видели только королевскую стражу. Для нее возле дворца пристроен деревянный резной павильончик. Оттуда выходят солдаты в черных фетровых шляпах с султаном, похожим на конский хвост. У них куртки с пышными эполетами. Солдаты браво шагают вдоль дворца, стараясь как можно громче стучать пудовыми башмаками.

По норвежской конституции, «особа короля священна; его нельзя ни порицать, ни обвинять». Царствующий в Норвегии король Улав V — не только генерал и адмирал, но и хороший спортсмен. Он слыл отличным гонщиком на яхте и одним из лучших прыгунов на лыжах с трамплина. Нам говорили, что король большей частью ходит в пиджаке и мундир надевает только в торжественных случаях.

Рассказывают, что один из норвежских королей как-то уронил носовой платок. Придворные бросились, чтобы помочь королю, но тот весьма проворно нагнулся сам.

«Господа, благодарю вас, но я не могу ни на минуту выпустить из рук носовой платок,— будто бы сказал король.— Ведь эта драгоценная вещь— единственная, куда мне разрешается совать свой нос».

Рассказывая об этом, норвежцы добродушно посмеиваются. Но, по конституции, у короля немало прав, когда дело идет о войне и мире или о назначении правительства. Король сам не издает законы, ему, как говорят, принадлежит исполнительная власть, которой он пользуется через правительство. Правительство же Норвегии уже много лет состоит из представителей правых социал-демократов, объединенных в партию, именующуюся Норвежской рабочей партией. Но не странно ли, что при правительственной партии, носящей такое название, капиталистические фирмы процветают как нельзя лучше и получают большие прибыли?

Мы заглядывали в полукруглый зал парламента, пустой по случаю летних каникул депутатов. В стортинге, норвежском парламенте, две палаты, в которых заседают сто пятьдесят депутатов. Стортинг издает законы, которые потом утверждаются королем.

Провели мы несколько часов и в городской ратуше. Она построена на берегу бухты. Издали, с моря, ратушу можно принять за служебное портовое здание с двумя красными прямоугольными башнями. Но это только издали, а вблизи и внутри ратуша строга и прекрасна.

— Знаешь, почему о ней мало пишут? — сказал Марк.— Путешественники по Скандинавии попадают сначала в Швецию, и весь запас похвал и восторгов расходуют на стокгольмскую ратушу.

Деньги на постройку ратуши жертвовал народ. Украшали ее народ-

ные мастера. Они вырезывали из дерева и раскрашивали скульптуры любимых героев скандинавской мифологии. В отделке пола или потолка легко узнать тот же узор, которым норвежская крестьянка вышивает полотенце для почетного гостя. В кабинете мэра города распласталась желтоватая шкура белого медведя.

Стены ратуши расписаны лучшими художниками. Тут и события истории, и занятия жителей, и природные богатства страны.

Мы останавливаемся возле росписей, напоминающих о черных днях фашистской оккупации: гитлеровцы, врывающиеся в мирный городок; расстрел заложников; гестаповцы, пришедшие в семью рабочего за очередной жертвой; разбитые фашистами скульптуры; концлагерь; газовые камеры...

Вот патриоты, собравшиеся в подвале. Они в масках: вдруг к ним пробрался неузнанный провокатор? Рядом изображены бастующие рабочие, отказавшиеся работать на гитлеровцев. Все завершает картина столицы Норвегии, празднующей освобождение от захватчиков.

— Вы не можете себе представить, что делалось тогда на улицах! — сказал экскурсовод.

Но мы возразили ему, что, напротив, вполне представляем это...

Тут он спохватился, даже покраснел слегка:

— Конечно, конечно! Вы-то ведь из России! Но у нас часто бывают люди, которых немцы не трогали и которые не понимают всего этого...

Он помолчал, потом сказал горько:

— Теперь у нас в Осло снова появляются даже эти...

Он ткнул пальцем в фигуры гитлеровцев, врывающихся в норвежский городок.

«НОРВЕГИЯ БЛАГОДАРИТ ВАС»

За решетчатой оградой кладбища на одной из улиц Осло виден обелиск, увенчанный пятиконечной звездой. Советский воин изваян у его подножия. Сбоку написано по-русски: «Здесь похоронены солдаты Советской Армии». А посредине, крупно — всего три слова по-норвежски: «Норвегия благодарит вас».

Кедр, березки и ели посажены вокруг братской могилы. Их шелест напоминает о родине тем, кто вечным сном спит в норвежской земле. Свежие гвоздики алеют у обелиска. Люди, честно сложившие головы за общее дело, не забыты ни дома, ни на чужбине.

В ночь на 9 апреля 1940 года портовые норвежские города были раз-

Памятник советским воинам в Осло. «Норвегия благодарит вас» — так написано на нем.

бужены пушечной пальбой. В гавани внезапно ворвались немецкие военные корабли. Фашисты подошли неузнанными, подняв на мачтах французские флаги или скрываясь за судами норвежских рыбаков, захваченными в море. Немецкие солдаты выскакивали из трюмов торговых судов, заранее проникших в гавани будто бы с грузом угля для Норвегии. И во всем захватчикам помогали норвежские фашисты, которых возглавлял бывший

военный министр, предатель Видкун Квислинг. Квислинговцы рассказали гитлеровцам, как пройти в гавани между расставленными минами; они старались, чтобы враг как можно быстрее захватил Норвегию.

Два месяца норвежский народ боролся против гитлеровцев с оружием в руках. Потом его вооруженное сопротивление было сломлено. Король и правительство на корабле уехали в Лондон. Квислинг составил из предателей покорное немцам другое «правительство» и вместе с гитлеровским наместником Тербовеном принялся охотиться за норвежскими патриотами. Непокорных бросали за колючую проволоку концлагерей, морили голодом, расстреливали.

Пять лет фашисты давили Норвегию, но не могли покорить ее народ. Норвежские коммунисты были в первых рядах патриотов, поднимавших людей на беспощадную борьбу с захватчиками. Много норвежцев сражалось в партизанских отрядах. В городах останавливались фабрики. Бастовали не только рабочие, но и артисты, учителя, врачи. Был расстрелян директор театра, который сказал, что скорее умрет, чем поставит пакостную фашистскую пьесу. В одном из округов епископ, благословив народное сопротивление оккупантам, сам принял в нем участие.

Шли на дно немецкие пароходы с оружием, взлетали на воздух склады и поезда. Патриоты взорвали самую мощную гидростанцию, которая была очень нужна гитлеровцам. Народ не сдавался. Он не знал устали и страха.

Советская Армия помогла норвежцам сбросить ненавистных поработителей. Наши войска в октябре 1944 года с боями прогнали фашистских оккупантов из северной части страны, и норвежский народ не забывает об этом.

В списках десяти тысяч патриотов, погибших в борьбе против гитлеровцев, значится имя одного из лучших норвежских писателей — Нурдаля Грига.

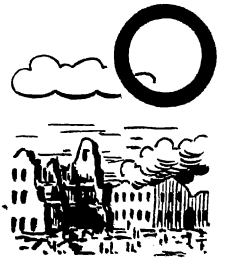
Жизнь его была короткой и яркой. Окончив университет, он поступил матросом на корабль дальнего плавания. Первые же его стихи и рассказы были посвящены трудовому люду. Два года прожил Нурдаль Григ в нашей стране — он хотел своими глазами видеть строительство новой жизни. Сердце борца за правое дело позвало его затем в сражавшуюся против фашистов Испанию.

В ночь на 3 декабря 1943 года эскадрилья самолетов бомбила затемненный Берлин. Один из бомбардировщиков загорелся. На борту горящего самолета был капитан Нурдаль Григ. Он погиб, как герой.

Нурдаль Григ завещал своему народу и всем людям земли после окончания войны неустанно, ежедневно бороться за мир: «В дни, когда вы не боретесь за мир, вы помогаете войне».

Но все ли в сегодняшней Норвегии помнят этот призыв верного сына народа?

ШЕЛК И ЛЕД



Однажды в хмурый осенний день огромная толпа молча прошла к парламенту по главной улице столицы. Над демонстрантами на высоких палках колыхались плакаты: «Мы не забыли фашизм», «Шпейдель на норвежской земле — это оскорбление жертв фашизма». Подойдя к парламенту, толпа остановилась. Люди не кричали — они запели норвежский гимн.

На следующий день ровно четверть часа не работала ни одна фабрика, ни один завод. Рабочие молча стояли у остановленных станков. На улицах застыли трамваи, автобусы, такси.

В эти самые минуты к Осло летел военный самолет. Он должен был приземлиться на столичном аэродроме. Там для встречи собрались рабочие и студенты. Вместо букетов они держали в руках камни, комки земли, увесистые картофелины. На ветру колыхался плакат: «Фашистского генерала вон!»

Летчика предупредили по радио. Самолет повернул в сторону и приземлился на бетонном поле военного аэродрома, окруженного рядами колючей проволоки. Пассажир — немецкий генерал Шпейдель — торопливо сел в закрытую машину и под охраной мотоциклистов поехал в долину Хьелсос.

Шпейдель избежал «теплой» встречи, но часть предназначенных для него «подарков» попала в стекла автомобиля английского генерала, которого по ошибке приняли за гостя.

Но зачем Шпейдель прилетел в Норвегию? Кто его звал?

Пригласили бывшего гитлеровского генерала другие генералы. Они сидят в долине Хьелсоса, возле Осло. Там их штаб. Но это не норвежский штаб, а штаб северной группы НАТО.

НАТО — первые буквы английского названия организации Североатлантического пакта. Этим пактом, или договором, Соединенные Штаты Америки, Англия и несколько других государств, в том числе Норвегия, скрепили военный союз против стран миролюбивого социалистического лагеря.

Как оказалась в таком союзе Норвегия?

Однажды мы разговорились со старым членом Рабочей партии. Это был небрежно одетый господин с редкими седыми волосами, когда-то работавший токарем, а теперь служивший в пароходной компании.

— Видите ли, маленькому народу трудно отражать нападение большой страны,— сказал он.

Мы согласились с этим.

— Опыт оккупации убедил нас, что мы должны опираться на помощь других стран...

— Простите,— перебил Марк.— Насколько нам известно, Норвегию оккупировали немецкие фашисты. А помогали их прогнать советские солдаты.

— Совершенно верно. Вот видите, вы сами говорите, что нашей маленькой стране понадобилась помощь большой.

— Но вы же заключили союз как раз против нашей большой страны, которая помогла вам в трудную минуту,— возразили мы.

— Нет, господа, этот союз не против России. Но, если на нас нападут, наша маленькая страна будет защищаться...

— Простите, кто нападет?

— Ну, какая-нибудь другая страна.

— В прошлый раз на вашу страну напала гитлеровская Германия. Теперь вы в союзе с теми немцами, у которых снова в чести гитлеровские генералы. Эти генералы даже ездят к вам с визитами...

— Господа, наше правительство не приглашало Шпейделя.

— Значит, он явился без приглашения. Между прочим, другие гитлеровские генералы в апреле тысяча девятьсот сорокового года явились к вам тоже без приглашения.

— Господа, я вижу, вы не хотите понять главное. Маленькой стране трудно отражать нападение большой. Опыт прошлой войны...

Началась сказка про белого бычка...

Вот во что превратили гитлеровцы норвежский город.

Многие норвежцы думают не так, как наш собеседник. Они говорят, что Норвегия вступила в союз, направленный против страны, которая ей никогда не угрожала и не угрожает, совсем по другим причинам.

Когда прогнали фашистов, честные норвежцы взялись за предателей. Нашлись ведь такие господа, которые на своих фабриках делали то, что было нужно фашистам,— даже мины, которыми каратели обстреливали норвежских партизан!

Для квислинговцев пришел час расплаты. Но в стране образовалось два «фронта».

Честные люди говорили: никакой пощады, никакого примирения с теми, кто наживался на крови и страданиях патриотов.

Эти люди образовали «ледяной фронт».

Однако те, у кого было рыльце в пушку, взывали к милосердию: не надо строгих наказаний! Помягче, господа, помягче! Люди, помогавшие немцам, заблуждались, их принудили, они теперь раскаялись... Нужно по-христиански простить их.

Так образовался «шелковый фронт».

Мы прочли об этих временах и в книге норвежского писателя Болстада. Эта книга помогает понять, как получилось, что некоторые норвежские политические деятели протянули руку тем, кто жег и грабил Норвегию. Вот что написано там:

«Расстрелянные не говорят, замученные насмерть молчат. Вдовы устали... Бывшие в заключении при немцах ребята из фронта сопротивления понемногу начинают чувствовать себя лишними...

...Снова идет систематическая обработка. Силы черпаются из тех же источников, какими пользовались и нацисты. Это лишь разжигание ненависти к русским и клевета на страну, спасшую мир от нацизма.

...Заключенных нацистов готовы причислить к мученикам. Они собираются вокруг столов у себя в камерах и начинают совещаться».

Вот с чего все началось!

Болстад написал книгу в 1947 году. Спустя два года Норвегия вошла в НАТО.

Спустя десять лет гитлеровский генерал Шпейдель прилетел в Норвегию как командующий вооруженными силами НАТО в Центральной Европе, и норвежские генералы покорно стояли перед ним навытяжку.

Спустя одиннадцать лет бывшие квислинговцы создали партию «Союз национального возрождения» и не постыдились открыто заявить: «Квислинг был глубоко национальным человеком, который боролся за интересы страны».

Я верю, что сорок тысяч норвежских патриотов, брошенных при этом «глубоко национальном человеке» в тюрьмы и концлагери, сочтут подобные слова глумлением над памятью расстрелянных квислинговцами героев.

Люди на костылях знают, что сулят народу господа квислинги и господа шпейдели. Скромные памятники героям не для того стоят на горных перевалах, чтобы так скоро было забыто, во имя чего они сложили головы.

До сих пор вижу перед глазами огонь двух факелов внутри столичного вокзала. Они горят тревожным красноватым пламенем возле доски, где написаны имена погибших.

Нет, гордый, свободолюбивый норвежский народ показал, что он помнит о жертвах и знает, кто его враги и кто — друзья!

МОЛОТ, СТУЧАЩИЙ В СЕРДЦА

Не хочется, право, много думать и говорить о той Норвегии, вернее о тех людях в Норвегии, которые водят дружбу с гитлеровскими генералами. Наши сердца — с Норвегией умелых рабочих, трудолюбивых крестьян, отважных рыбаков, с Норвегией героев Сопротивления. Нам дорога Норвегия великих писателей, знаменитых путешественников, талантливых ученых, смелых мореплавателей. Именно эту Норвегию прежде всего знает и по достоинству ценит наш народ.

Ну кто у нас скажет, что это за человек — господин Хандал? Наверное, никто. Только самые дотошные читатели газет промолвят неуверенно, что это, кажется, норвежский министр обороны, который твердил, что Норвегия просто жить не может без американских ракет.

Но произнесите-ка имя другого норвежца, никаких важных постов не занимающего: Тур Хейердал,— и все заулыбаются, закивают головами: «Как же, «Кон-Тики», «Аку-Аку»! Кто же не знает Хейердала!» Кто же не знает этого ученого и путешественника, который живет в старом деревянном доме на одной из тихих улиц Осло, украшенном шкурами змей, чучелами животных, древним оружием и яркими циновками тропических стран! Впрочем, дом этот часто пустует. После плавания на плоту «Кон-Тики» Тур Хейердал побывал еще на островах Галапагос, а потом на острове Пасхи. Он пока ничего не говорит о том, куда отправится после того, как закончит большой научный труд о результатах своих исследований. Наверное, это будет опять какое-нибудь смелое и интересное путешествие.

Хейердал и Хандал — земляки. Но как не схожа их слава!

Норвегия славна теми, кто не мирится с несправедливостью, не садится за один стол с врагами отечества, теми, кто ищет новые пути на пользу обществу и науке.

На черном мраморном обелиске над могилой Генрика Ибсена изображен молот. Десятилетия словно молотом стучал в человеческие сердца этот великий норвежский писатель, разоблачавший пороки буржуазного общества.

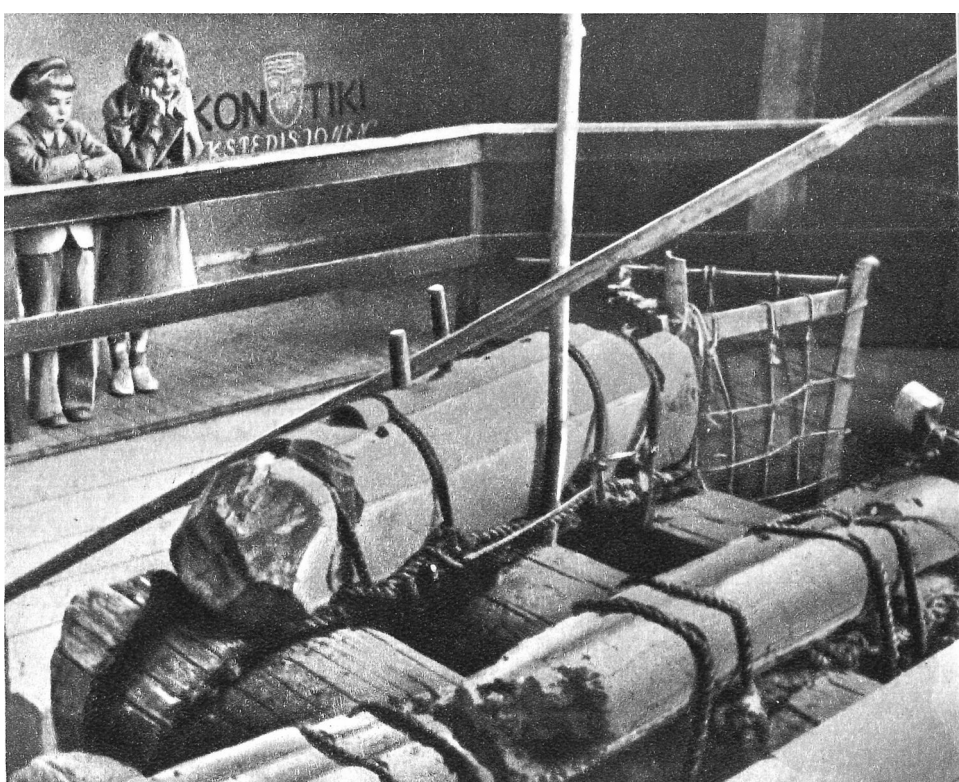
В числе многих произведений Ибсен написал пьесу «Бранд» — о сильном и цельном человеке, который не способен ни на какие сделки с совестью. Герой другой пьесы Ибсена — «Пер Гюнт» — как будто бы лентяй и безобидный малый, слабоватый человек с половинчатым характером, предпочитающий обходить препятствия сторонкой.

Бранд гибнет. Пер Гюнт приспосабливается к обстоятельствам, обогащается в Америке, занимаясь перевозкой рабов. Содержание и смысл обеих пьес, разумеется, неизмеримо шире, глубже, сложнее. Но в характерах двух несхожих героев есть те черты, которые в современном норвежском обществе породили как сторонников «ледяного фронта», так и людей, которых больше устраивает «шелковый фронт».

Генрик Ибсен умер более пятидесяти лет назад.

Он вырос в маленьком городке Шиене, где по ночам сторож выкрикивал с колокольни, который час, и где никогда не умолкал стон работаю-

Узнаёте ли вы в этих странных деревяшках знаменитый плот «Кон-Тики»? Он теперь хранится в музее норвежской столицы.



щих у водопадов лесопилок. Служа аптекарским учеником в соседнем крохотном городке, Ибсен написал первую драму. Какой-то благодетель напечатал ее, но продать удалось только тридцать экземпляров: остальные пошли на обертку.

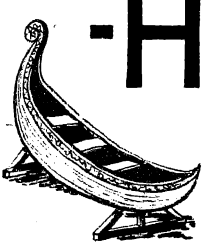
Молодой Ибсен мечтал, чтобы его родина стала независимой. Он писал исторические пьесы, рисуя образы людей, готовых на жертвы. Его пригласили в Берген, где только что был создан первый норвежский театр. Потом Ибсен переехал в столицу. Жилось ему трудно, он сильно нуждался, и друзья хотели уже устроить его чиновником на таможню. Но тут Ибсену дали небольшое пособие, и он уехал за границу.

Больше четверти века Ибсен жил вдали от родины, лишь изредка наведываясь в Норвегию, но творчески он был связан с ней неразрывно. Пьесы, вскрывающие лицемерие, продажность, хищничество в капиталистическом мире, принесли Ибсену признание миллионов честных людей и вызвали ярость тех «столпов общества», с которых он беспощадно сорвал маски.

Великий норвежский драматург говорил: «Россия — одна из немногих стран на земле, где люди еще любят свободу и приносят ей жертвы. Поэтому-то страна и стоит так высоко в поэзии и искусстве».

...Немало других славных имен подсказывает нам память, когда мы говорим о Норвегии. Великий композитор Григ, скульптор Вигеланд, художник Даль, математик Абель... Бесстрашный капитан Отто Свердруп, открыватель Южного полюса Руал Амундсен, победитель полярных льдов Фритьоф Нансен... Подвижники науки, корифеи искусства, герои борьбы за независимость — вот кто прославил Норвегию!

КОРАБЛИ ВИКИНГОВ



— Нигде нельзя увидеть то, что вы увидите здесь,— сказал нам моряк, открывая дверь музея.

Прямо у входа вздымался нос странного судна. Должно быть, он хорошо резал волны. Его форма чем-то напоминала лебединую шею.

— Ему не меньше тысячи лет,— продолжал моряк, кивая на судно.— Этот корабль и еще вон тот,— он показал в глубину зала,— были восстановлены. Посмотрите, дубовые доски, которыми они подновлены, гораздо светлее старых. Это сделано для того, чтобы невольно не обманывать господ посетителей. А вон тот корабль вы видите таким, каким его извлекли из земли.

Третье судно представляло собой остатки корабля. Но все же дерево очень хорошо сохранилось для столь почтенного возраста.

Мы узнали из рассказа моряка, что все три судна найдены неподалеку от Осло-фиорда. С давних пор эта местность называлась словами, которые можно перевести на русский примерно так: «Холм лодок». Никто не задумывался над этим странным названием. Но однажды крестьянин, копая землю, наткнулся на черные, словно обуглившиеся, борта большой лодки. Археологи тотчас заинтересовались находкой, и из вязкой синей глины был осторожно извлечен первый корабль викингов. Позже нашли остальные.

Корабли были закопаны высоко над водой фиорда. Как же они туда попали?

Оказывается, так же, как попадали в древние курганы скелеты лошадей, оружие и утварь. Наши предки полагали, что на тот свет умершему нелишне захватить с собой все, к чему он привык на этом. В могилу воина-кочевника зарывали его любимого коня, меч, кольчугу, шлем. Предки же норвежцев были воинами-мореплавателями. Для загробного путешествия им полагалось судно.

— Но точно ли, что именно на таких кораблях викинги плавали по океану? — недоверчиво спросил Марк.

Моряк так взглянул на него, что у моего друга отпала охота переспрашивать.

Но я понимал сомнения Марка. Корабли правильнее было бы назвать большими лодками. В низких бортах просвечивали отверстия для весел. Марк сосчитал — шестнадцать отверстий. Весла, должно быть, были тяжелыми, за каждое садился человек. При попутном ветре поднимался парус — вон посредине судна видны обломки мачты. На каждом корабле могли разместиться человек тридцать. Марк, прикинув на глаз ширину и длину судна, заметил, что, потеснившись, в нем усядутся даже сорок. Но усесться — это одно, а плыть через океан — другое.

Моряк понял, что русского точит червячок сомнения.

— Примерно семьдесят лет назад в Осло построили точную копию этого корабля. Несколько наших парней перешли на нем океан и высадились у американцев,— сказал он, поглядывая на Марка.

Потом мы узнали от моряка, что на одном из кораблей викингов нашли каюту, или шалаш из черных досок. Внутри белели два человеческих скелета. Тщательно исследовав кости, врачи установили, что один из погребенных при жизни страдал ревматизмом и сильно прихрамывал. Тогда историки, порывшись в летописях, вспомнили о норвежском короле, прозванном Хромоногим...

В другом корабле нашли скелеты старухи и молодой женщины — возможно, королевы. Полуистлевшие кусочки шелка были когда-то их нарядными платьями. Сохранились разные принадлежности для стряп-

ни — нечто вроде ведра с семенами диких яблок. Нашлись и остатки лука.

— Витамин «С»,— сказал Марк.

Кадки для пресной воды, лари для провизии, настил, куда в безветрие складывался парус, помост, на котором под укрытием спали мореплаватели,— вот и все, что было на судах викингов.

Я попробовал представить острогрудый корабль не на музейных подставках, а в провалах океанских волн. Вспышкой молнии озарены бородатые суровые лица. Нос с изображением загнутого спиралью хвоста змеи вздыблен над пеной моря, и девятый грозный вал навис над кормой...

Только отчаянные головы могли плавать на таких скорлупках! Но зачем они уходили в море, что искали в неведомых краях? Вообще — кем были викинги?

САМИ ВИКИНГИ

Скоро полночь. Французский городок мирно спит. Море бьет волной в темный берег, качает привязанные к сваям рыбачьи лодки.

Вдруг с колокольни ночной дозорный замечает странные корабли. Они уверенно скользят в гавань. Ветер наполняет их сшитые из белых и красных полос паруса. Дозорный в ужасе видит разверстую пасть деревянного дракона на переднем судне:

«Норманны! Норманны!»

Тревожно захлебывается колокол. Полураздетые люди выбегают из домов, бросаются прочь из городка. Поздно! Норманны уже на берегу. Пламя вырывается из-под крыш, звенят мечи. Трупы убитых устилают улицы. Но горе и тем, кто уцелел: норманны свяжут их, чтобы продать «живой товар» в рабство.

На следующий день весть о дерзком набеге облетает все побережье. Священники начинают церковную службу словами:

«Де фуроре норманорум либера нос, Домине!»

Прихожане повторяют за ними эти слова, означающие: «От ярости норманнов спаси нас, господи!» Такую же молитву твердят в церквах Италии. Ее шепчут по утрам набожные англичане.

Во всех приморских государствах Европы слово «норманн» заставляло трепетать сердца. «Нор» — это север, «манн» — человек. «Северные люди» — так в IX веке называли жителей Скандинавии, предков нынешних норвежцев, шведов и датчан. У норманнов были свои вожди — викинги и короли — конунги, управляющие союзом нескольких племен. На ко-

раблях, схожих с выставленными в музее Осло, викинги ходили в ближние и дальние страны для того, чтобы торговать и воевать.

О викингах сложено множество саг, поэтически воспевающих легендарные набеги скандинавских мореходов.

В IX веке норманны, проникнув в глубь Франции по рекам, осадили Париж.

В начале X века их остроносые корабли неожиданно появились возле устья реки Сены. Прогнав оттуда французов, скандинавы обосновались там как дома.

В XI веке осевшие на французском берегу норманны проникли в Средиземное море и высадились в Южной Италии. Они с огнем и мечом прошли побережье Далмации. Потом разорили многие прибрежные английские города. Перепуганные англичане тщетно пробовали откупиться данью; конунг Канут объявил себя королем покоренной им Англии.

Какие победы! А ведь норманнов было не так много. Часто набеги совершали «морские короли», все подданные которых без труда размещались на нескольких кораблях. Такое «плавучее королевство», в сущности, мало отличалось от пиратской шайки. Так почему же эти шайки держали в страхе целые народы?

Внезапность нападения, быстроходные корабли (норманны первыми в мире стали строить остродонные килевые суда вместо неуклюжих плоскодонок) — вот уже и половина победы. Кроме того, храбрость в бою, хитрость, коварство, расчетливость. Встретив сильного противника, норманны не спешили обнажать мечи. Они легко превращались в купцов и торговали добычей, захваченной в другом месте.

Храбрые и жестокие завоеватели мало думали о науке, искусстве и сильно отстали в этом от тех народов, грозой которых были. Вы можете возразить: а как же саги? Ведь они до сих пор считаются лучшими поэтическими произведениями начала средних веков! Верно. Но саги складывались скальдами — певцами и поэтами, сопровождавшими в походах дружины викингов. В них воспевались все те же битвы, походы, смерть на поле боя, беспощадность к врагу...

Вот как, например, представляли норманны устройство мира.

Сначала была бездна. По краям ее находились мир холода с замерзшими ядовитыми реками и мир бушующего огня. Из растопленных капель ядовитых рек произошел великан Имир и корова, молоком которой он питался. Корова три дня лизала покрытый инеем камень, и тогда из согретого ее языком камня появился человек. От потомков этого человека и дочери одного из великанов произошли боги.

Боги убили родоначальника племени великанов и в крови утопили почти все его потомство. Тело убитого бросили в бездну, а потом из его мускулов сотворили землю, из крови — моря, из костей — горы, из волос — леса, из черепа — небо.

Среди богов главным считался Один. Конечно, он был богом войны, ветра и бурь, а также покровителем торговли.

Как только на земле происходила какая-нибудь битва, Один посылал туда сказочных дев — валькирий. Девы подхватывали души убитых в бою храбрецов и уносили их в Валгаллу.

Это была обитель вечного блаженства — мечта каждого настоящего викинга. Там души воинов тотчас зачислялись в дружину самого Одина. Целыми днями они сражались друг с другом, а к ночи — о чудо! — убитые в дневном бою воскресали, чтобы сесть за стол, уставленный яствами, и пировать со всей дружиной до рассвета. Ну, а утром — снова за мечи.

И так без конца: убивать других, самому падать под ударом меча, воскресать, опять убивать... Чем не райская жизнь? Она походила на ту, которую викинги вели на грешной земле. Только на земле мертвые не вставали для пиров и дележа добычи.

Кроме Одина, были и другие боги. Тор управлял громом. Бальдур, сын Одина, считался богом добра и красоты. Такой бог пришелся не по душе злобному Локи, демону огня. Мать, опасаясь за жизнь Бальдура, закляла все на земле волшебным словом, чтобы ничто не могло повредить ее сыну. Забыла она только о кустарнике омеле. Коварный Локи сделал из омелы стрелу и вложил ее в руки слепца, брата Бальдура. Прекрасный Бальдур погиб...

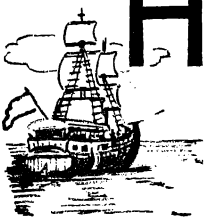
Обо всем этом можно узнать из сборника песен «Старшей Эдды», которые были сложены, видимо, в IX—XIII веках, а может, и еще раньше. Записали же их в XIII веке. Вот несколько строк из песни — в них говорится о военной хитрости:

Двери оглядывай, коль в дом войдешь,
Выходы высмотри,
Входы выследи.
Не ведаешь ты: может быть, враг,
Кроется там под кровлей.

Норманнам удавалось покорять народы. Но что приносили они покоренным, у которых нередко была более высокая культура? Чем могли похвалиться, кроме умения воевать и складывать саги о воинских подвигах? Неудивительно, что норманны постепенно смешивались с покоренным народом, перенимали его культуру. Так случилось, например, во Франции с теми завоевателями, которые после смелых набегов поселились в устье Сены.

Бывали норманны и у нас на Руси. Их называли варягами. Они проникали по знаменитому пути «из варяг в греки» в глубь славянских земель и тоже очень скоро перенимали обычаи, веру, образ жизни славян.

КТО ЖЕ ОТКРЫЛ АМЕРИКУ!



Не так давно, перед поездкой в Норвегию, мне попалась на глаза заметка в научном журнале. Она называлась «Викинги и индюки». В городе Шлезвиге, который раньше принадлежал Дании, ремонтировали средневековый собор. Когда рабочие отбили штукатурку, то под ней увидели древнюю стенную живопись. Там были разные рисунки. В одном месте неизвестный художник изобразил восемь индюков.

Эти индюки взволновали ученых. «Найдено еще одно доказательство того, что викинги побывали в Америке задолго до Колумба»,— заявили они.

Дело в том, что стены собора в Шлезвиге, как выяснилось, были расписаны в XIII веке. Но в те времена Европа не знала индюков! Индюк по происхождению — американец. Этих птиц завезли в Европу из Америки только в XVI веке.

Где же мог видеть индюка художник, разрисовавший стены собора?

Может быть, он сам плавал в Америку в XIII веке? Или кто-то, тогда же побывавший в Америке, рассказал художнику, как выглядит эта диковинная птица? Или, наконец, таинственный «кто-то» привез в Европу индюков и художник рисовал их с натуры?

От Скандинавского полуострова до Америки очень далеко. Но Европа не отделена здесь от Нового Света таким безбрежным простором океана, как в более южных широтах. Посмотрите-ка карту. Мореплаватель может сначала сделать остановку на Фарёрских островах. Дальше — большой остров Исландия. Еще дальше — южная оконечность Гренландии, величайшего острова земного шара. Оттуда до материковых берегов Северной Америки остается немногим более тысячи километров.

Норманны стали селиться в Исландии уже в IX веке. В конце X века они добрались и до Гренландии. Первым там поселился Эрик Рыжий, которого за убийство прогнали из Исландии.

Гренландия не была ледяной пустыней. В этой холодной стране жили мирные, трудолюбивые инуиты, предки нынешних эскимосов. Они не знали, что такое убийство и грабеж. Норманны безжалостно уничтожали несчастных гренландцев, сжигали их жилища. Инуиты окрестили белых людей «бледными убийцами».

Современный исландский писатель Халлдор Лакснесс написал книгу «Герпла». В ней рассказывается о норманнах XI века. Дружина, с которой скальд Тормод попадает в Гренландию, сжигает становище инуитов, но море мстит пиратам: их корабль гибнет в бурю. Спасается один Тормод.

Инуиты могли бы убить его. Но они не умели мстить. Сломавшего ногу Тормода стараются вылечить. Его кормят самой лучшей, самой лакомой пищей: салом, кровью, гнилой птицей. Тормод поправляется. Он с удивлением видит, что у инуитов, которые ни с кем не воюют, не ищут военной славы, в достатке есть все, что им нужно: жилища, лодки, одежда, еда.

Но Тормод не понимает счастья мирной жизни. «Самым нелепым Тормод считал то, что этому народу никогда и в голову не приходило, как прекрасно и благородно подчиняться мужественным королям или другим вождям, возвеличившимся над остальными людьми своими славными победами, или замечательными завоеваниями, или своими воинами и скальдами. Тормоду казалось странным, что здесь нет великих людей, повелевающих малыми. Это его настолько возмущало, что день и ночь им владела одна-единственная мысль: какое несчастье, что благородные викинги и скальды не обладают мощью, позволяющей уничтожить весь этот глупый, скучный народ!»

В древних сагах повествуется о викингах, плававших на запад от Гренландии, к неведомым землям. На корабле, унесенном бурей далеко в океан, Лейф, сын Эрика Рыжего, открыл землю, которую назвал Каменной, потом другую, названную Лесной, и, наконец, третью, где рос виноград. Эту землю викинги окрестили Винландом, то есть страной винограда.

Следом за Лейфом и другие храбрецы плавали к далекой заманчивой стране. Она, подобно Гренландии, была обитаемой. Только населяли ее далеко не столь безобидные люди, как инуиты. Храбрые и воинственные коренные жители Винланда быстро отправили часть непрошеных гостей в Валгаллу...

Можно ли верить сагам о плаваниях норманнов на запад от Гренландии уже в первые годы XI века? И можем ли мы считать, что Винланд — не что иное, как Северная Америка?

Да. Доказательства? Их множество и кроме индюков на стене собора. Есть средневековые карты, где уже обозначена часть берегов Америки. В Скандинавии разгаданы надписи на камнях, упоминающие о плавании в Винланд. Наконец, в самой Америке найдены мечи, боевые топоры, колчаны, которые похожи на сохранившееся в Европе оружие викингов.

Можно, правда, спорить, какую именно часть Северной Америки викинги называли Каменной, какую — Лесной и какую — Виноградной. Но ясно одно: это были земли Нового Света.

Потом путь за океан был забыт на долгие столетия. Легенда говорит, будто немцы, напав на прибрежные города Скандинавии, перебили тех немногих лоцманов, которые по рассказам прадедов знали путь в таинственный Винланд.

Сначала новый чужой город отпечатывается в памяти несколькими броскими улицами, музейными богатствами, обликом толпы или даже такой мелочью, как непривычно яркая окраска почтовых ящиков. Потом первые впечатления дополняются тем, что, может, и не сразу бросается в глаза, но зато лучше отражает повседневную, будничную жизнь города.

Мы с Марком поняли, что речка Акерс-Эльв не просто разделяет Осло на Восточную и Западную часть. Нет, она — граница!

По одну сторону, на пологих холмах — парки, дворец, особняки посольств, банки, солидные дома солидных людей, огороженные солидными заборами, роскошные машины у подъездов, витрины с модными товарами.

По другую сторону — фабрики, кварталы одинаковых стандартных домов, погромыхивание трамваев в тесных улицах.

В кварталах Эстканта, к востоку от Акерс-Эльв, обитают главным образом те, кто трудится; к западу, в Вестканте,— те, кто владеет фабриками и капиталами. На многих картах, изданных для иностранных туристов, изображен весь Эсткант и лишь совсем небольшой кусочек города к востоку от Акерс-Эльв: ровно такой, чтобы заполнилось пространство, которое остается между извивающейся синей линией реки и рамкой карты.

Но именно в рабочих кварталах Осло, за пределами туристских маршрутов, производится около трети всех норвежских товаров. Четверо из каждых десяти жителей Осло работают на фабриках и заводах. Норвежцы ведь не только отменные моряки, но и умелые машиностроители, сталевары, строители кораблей. В Осло делают дробилки для целлюлозно-бумажных фабрик, оборудование гидростанций, ткани, инструменты. Новые фабрики построены там, где несколько десятилетий назад крестьяне пригородов копались на своих огородах. Норвегия превратилась в развитую капиталистическую страну — и ее столица отражает это.

В Осло не раз вспыхивали большие забастовки, поддержанные рабочими других городов. Особенно стойко держались строители и бумажники, которых не поколебали сладкие речи о «мире между трудом и капиталом», будто бы выгодным и рабочим и предпринимателям.

Норвежская столица своим фасадом обращена к синим морским просторам. Мы наведывались в огромный столичный порт, откуда ведут морские дороги ко всем континентам. Берега удобных бухт застроены здесь складами, элеваторами, заставлены кранами; шипение пара, постукивание лебедок, выбирающих якорные цепи, лязг вагонных буферов, окрики докеров не смолкают в порту ни днем, ни ночью.

Мы побывали в парке, украшенном работами знаменитого норвежско-

Одна из улиц Вестканта.

го скульптора Вигеланда, в старинном замке Акерсхус, съездили к всемирно известному лыжному трамплину Холменколлена, сходили в Народный музей.

Этот музей — родной брат шведского Скансена. В парке, где перекликаются певчие дрозды, собраны постройки старой Норвегии. Сложенные из огромных бревен, они темными глыбами стоят среди зелени. Строили их люди практичные, строили так, чтобы доски в полу не гнулись, а стены стояли бы век без ремонта.

Мы увидели кровли, крытые берестой, придавленной толстым слоем дерна с белоголовыми ромашками. Нашли баню, которую, как и в старой Руси, топили «по-черному», без трубы — дым выходил через дверь и дыру в крыше. В баньке лежала груда камней. Их раскаляли на огне, потом плескали ковшом воду, чтобы хорошенько попариться.

— А веники? Употреблялись ли в Норвегии березовые веники? — допытывался Марк.

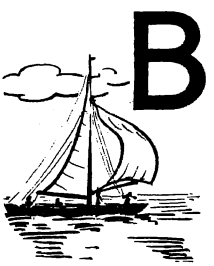
Оказывается, употреблялись! Марк попросил показать, какие были ве-

ники. Экскурсовод виновато развел руками. Тогда Марк нарисовал в блокноте наш березовый веник. Норвежец радостно закивал головой: «Да, да!»

Нам показали на одном из домов вырезанную руническую надпись: «Харальд сделал меня». Лесу Харальд не пожалел, но внутри его дома темно: окон нет, потому что в старину не делали стекла, а морозы на севере Норвегии нешуточные.

Понемногу узнавая Осло, мы не заметили, как подошла очередная суббота, познакомившая нас с еще одной особенностью жизни норвежского города.

С СУББОТЫ НА ВОСКРЕСЕНЬЕ



В субботу мы поехали по своим делам в тот час, когда трамваи переполнены рабочими и служащими, спешащими на фабрики и в конторы.

Толпа выглядела несколько необычно. Норвежцы вообще гораздо безразличнее к одежде, чем шведы, среди них мало франтов. Но сегодня многие были в старых, латаных штанах, ковбойках и ярких майках; у некоторых висели за спиной тяжелые рюкзаки. Казалось, что нынче не суббота, а воскресенье и все эти люди едут не на работу, а за город.

Мимо трамвая проносились велосипедисты и мотоциклисты с зелеными тюками палаток и чемоданчиками на багажниках. Немолодая женщина в трусах спортивного покроя и легкой блузе спокойно переходила улицу.

Марк на всякий случай спросил у соседа, нет ли сегодня за городом каких-нибудь важных спортивных событий. Тот не понял. Марк притронулся к его рюкзаку.

— Суббота,— сказал норвежец.

— Но ведь в субботу работают,— в тон ему возразил Марк.

— Простите?

— Зачем же вам рюкзак?

Но я лучше опущу вопросы и ответы двух собеседников и перейду к сути дела.

В субботнее утро норвежцы могут прийти на работу в чем угодно. Никто не будет коситься на заплаты: многие, чтобы не терять лишнего часа, прямо с работы выедут за город. Никто не назначает в субботу деловых встреч, да и в гости в этот день ходят редко.

Субботний вечер и воскресенье — для природы!

После полудня в субботу первыми закрываются винные лавки, к четырем часам замки уже висят на всех магазинах. Они провисят все вос-

кресенье. По воскресеньям — никакой торговли. Воскресенье — для природы!

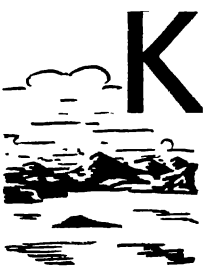
Как только закроются ворота заводов, контор, магазинов, начинается великое переселение городского люда. Город едет за город. Людьми всех возрастов полны трамваи, вагоны пригородных поездов, катера, автобусы. Едут солидно, с походной алюминиевой посудой, примусами, удочками, книгами, палатками. Едут с ночевкой, а то и с двумя, чтобы вернуться в город только рано утром в понедельник.

Вечером в субботу по радио передают городские новости:

«Сегодня за город лишь по железной дороге выехало девяносто тысяч жителей Осло. Завтрашний день обещает быть солнечным и веселым».

И подумать только, что мы не в числе этих девяноста тысяч счастливцев! Стены комнат начинают давить нас. Мы тут же решаем с утра увеличить счет отдыхающих за городом еще на две персоны.

СПАСАТЕЛИ ДУШ



Как пустынна норвежская столица воскресным утром! У нас такое ощущение, будто мы безнадежно проспали и последние жители города успели покинуть его раньше нас.

В трамвае — кондуктор и дремлющий полицейский: должно быть, с ночного дежурства. По дороге к пристани в вагон поднимается еще несколько человек. В просветах улиц мелькают корабельные мачты, дымящие трубы, стрелы кранов...

Прогулочный катер почти полон. Часть сидений огорожена веревкой: их на второй остановке заняли американские туристы, заранее откупившие места.

В сопровождении раскормленных ленивых чаек мы отправляемся по Осло-фиорду. Девушка в синей морской форме берет микрофон:

— Господа пассажиры, мне хотелось бы пожелать вам приятной прогулки. Если вам угодно знать, Осло-фиорд тянется на сто двадцать километров. Местами он узок, но там, где ширина всего двести метров, глубина — тоже двести метров, и опоры для моста пришлось бы делать слишком высокими...

Девушка предупреждает нас, что Осло-фиорд — это, это... Ну, в общем, он не так красив, как большие фиорды на западном побережье Норвегии.

Через свои открытые на Осло-фиорд «водные ворота» столица Норвегии отправляет и получает много товаров.

Катер часто сбавляет скорость, чтобы не врезаться в гущу яхт, лодок, байдарок. Плывут на них не компании спортсменов, а семейства в полном составе, с дедами и внуками. Рыжий пес, стоя на носу яхты, долго брешет вслед лодке, на которой в числе путешественников оказалась кошка с котятами.

Скалистые невысокие берега усеяны палатками. На камнях всюду лежат полураздетые люди. Норвежцы — солнцепоклонники. Солнце не избаловало их страну. Можно провести в ней месяц, так и не увидев чистого голубого неба. Потому-то каждый спешит закатать рукава рубашки и расстегнуть ворот, едва солнце выглянет из-за туч. Забавно наблюдать норвежцев на трамвайной остановке: ожидая трамвая, они молча стоят с полузакрытыми глазами, задрав головы так, чтобы на лицо падало побольше прямых горячих лучей.

Мы сначала приняли девушку в морской форме за помощницу капитана катера. Но она, отложив на время микрофон, покатила тележку с бу-

тербродами и лимонадом, а на остановках продавала билеты. Весь большой катер обслуживало пять человек, и каждый из них делал несколько дел.

Девушка распродала бутерброды, и мы снова услышали ее голос. Она рассказывала так, будто ее слушателей интересовал не вопрос «что», а только вопрос — «чей», «чье».

— Это пансионат господина Карстерса... Пароход господина Свансена... Вилла господина Балкена... Господа, обратите внимание. Этот остров снят в аренду фирмой много лет назад за восемь крон в год. Договор был заключен на девяносто девять лет. Тогда восемь крон считались большой суммой...

Американцы оживляются, привстают со своих мест, чтобы получше разглядеть остров. Вот это бизнес! Сегодня за восемь крон можно один раз пообедать в ресторане. А тут— целый остров!

Осло уже скрылся из виду. Мы по-прежнему плывем среди лодок и яхт. На каждом встречном суденышке поднимают руки. Этим жестом приподнятой руки вас приветствуют незнакомые люди и на горной тропе, и при встрече двух автобусов, и при посадке в самолет. Хороший обычай!

— А ты обратил внимание на одну особенность... — начинает Марк. Марк всегда находит вокруг какие-нибудь особенности.— Прислушайся-ка!

Я прислушиваюсь. Всплескивают волны, где-то далеко свистит пароход.

— Ничего не слышу.

— Вот именно,— Марк смотрит на меня с сожалением.— Понимаешь, они не поют на воде. Наслаждаются природой молча.

Минуем остров, на котором, как объясняет девушка, иногда разбивают палатки четыреста — пятьсот, а то и больше отпускников. У них есть свой палаточный магазин, они нанимают на лето врача, выбирают свою полицию.

— Зачем же полиция?

— Видите, был случай, когда один господин принес сюда пустой кошелек, а унес полный,— дипломатично отвечает девушка.

На берегах понастроены гаражи. Но в них не машины, а лодки: оставить возле берега нельзя, в шторм может разбить волной. Чтобы легче было поднимать суденышко, к самой воде проложены рельсы, по которым на тележке катят лодку.

— На этом острове живут самые счастливые люди в Осло,— девушка показывает на скалу с маяком: — у них нет соседей. Но посмотрите на пса, который лежит у дома. Это самая несчастная собака в Норвегии: на острове нет ни пенька, ни забора, ни дерева... Пролив между островом и берегом иногда замерзает. Однажды смотритель маяка послал жену на

берег к лавочнику с запиской: «Денег я сегодня не посылаю, потому что лед ненадежен»...

Девушка говорит все это с заученной улыбкой и, отложив микрофон, берется за тележку с чашечками горячего кофе.

На одной из скал — нарисованные белой краской серп и молот. Рядом, видимо, было что-то написано, но буквы соскоблены. Марк спрашивает девушку.

— Там во время войны кто-то написал: «Свободу Тельману»,— отвечает она.

Возвращаемся в город сравнительно рано. На улицах по-прежнему пустынно. Но что это за толпа собралась на площади?

Посредине кружка зрителей — несколько мужчин и женщин в черной форме, с малиновыми погонами, похожей на ту, какую у нас носила железнодорожная милиция. У женщин старомодные черные капоры подвязаны малиновыми лентами. На мостовой — два аккордеона в футлярах, чемоданчики. Длинноволосый толстый парень поет под гитару, остальные подтягивают.

— Передвижной ансамбль песни и пляски,— решает Марк.— Но поют неважно.

Окончив петь, длинноволосый вытаскивает из кармана книжечку и, закатывая глаза, читает вслух, театрально размахивая руками.

— Нет, это далеко не мастер художественного слова,— вздыхает Марк.— Подождем — может, они потанцуют.

Но чтец прячет книжечку в карман и снова затягивает нечто заунывное и протяжное. Остальные ему подпевают. Кое-кто из зрителей тоже присоединяет свой голос. Трое моряков подходят, насвистывают не в лад с хором веселую песенку и с хохотом уходят.

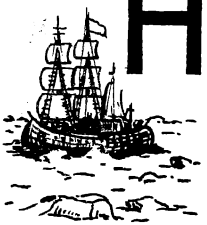
Мы переглядываемся в недоумении. Марк наклоняется к соседу, тот что-то отвечает вполголоса. Марк смотрит недоверчиво, переспрашивает.

— Ты знаешь, это «Армия спасения». Самая настоящая! — возбужденно шепчет он мне.— У тебя осталась пленка? Мне не поверят, что я сам видел. Как же это мы с тобой сразу не обратили внимание на их погончики!

Так вот откуда эти постные, благочестивые лица и театральные жесты! Кочующие проповедники, как и десятки лет назад, под гитару поют псалмы, призывают добрых христиан к покорности. В этой «армии», спасающей души, есть свои «солдаты», «офицеры» и даже «генералы». Они уговаривают рабочих не бастовать, не знаться с «безбожными коммунистами»...

А снять всю компанию не удалось: толстый парень протестующе поднял руку и так энергично замотал головой, что затряслись жирные щеки.

ПОСЛЕДНЯЯ СТОЯНКА «ФРАМА»



Незаметно мчатся дни — и пора уже готовиться к отъезду из Осло. Выкроится ли потом, после поездки по стране, свободный денек для прощания с норвежской столицей или придется прямо с поезда мчаться на аэродром к московскому самолету?

И на всякий случай я еще раз отправляюсь туда, где на полуострове рядом с кораблями викингов и музеем с плотом «Кон-Тики» поднимаются стены странного ангара.

На площадке перед ним — статуя человека, лицо которого знакомо мне до последней черточки, потому что Фритьоф Нансен был одним из героев моего детства.

Я зачитывался книжкой, на обложке которой мимо ошеломленного белого медведя большой корабль смело шел в царство вечных льдов. Это был «Фрам». Фритьоф Нансен вел его к Северному полюсу.

И вот я хожу по палубе настоящего «Фрама», как бы сошедшего с книжной обложки.

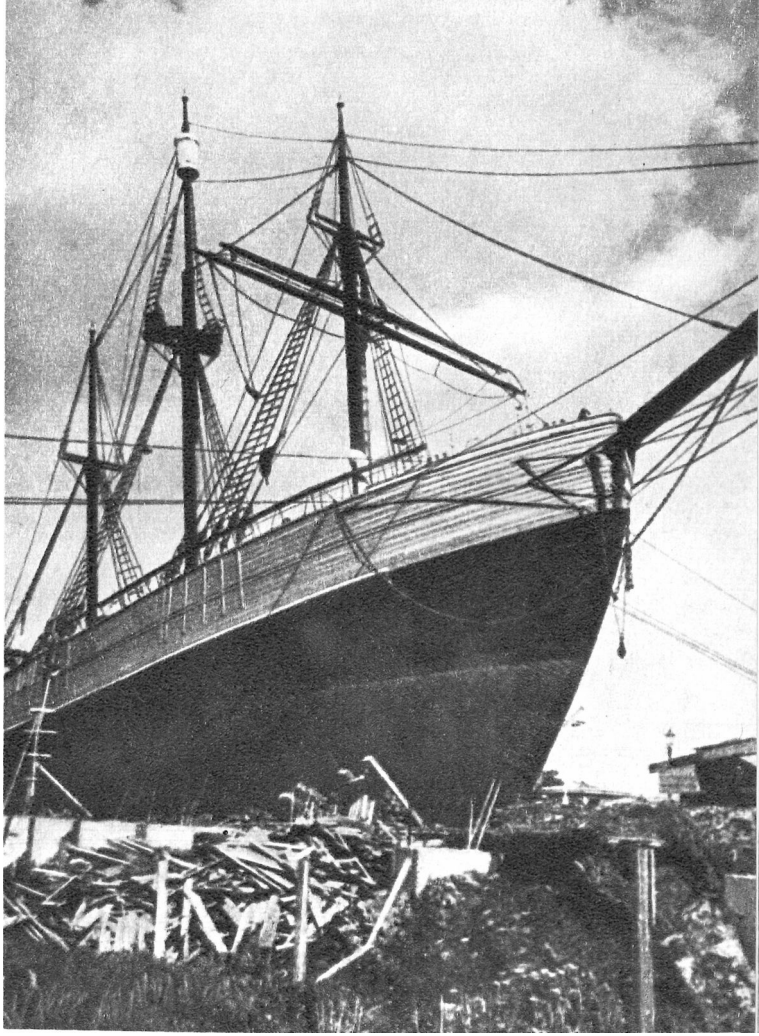
Что из того, что над «Фрамом» не голубое небо, а крыша музейного ангара? Да, его подняли из родной стихии, тяжелые корабельные якоря навечно легли на бетонный пол. Но разве трудно, закрыв глаза, представить его стиснутым грозными ледяными глыбами?

Заглядываю в каюту, где Нансен, присев к неудобному белому столику, писал дневник плавания. Мне знакома толстая мачта, проходящая как раз через тесную кают-компанию. Я спускаюсь в трюм, где переплетаются балки, придающие необычайную прочность деревянному кораблю. Поднимаюсь на капитанский мостик. Столько счастливых и тревожных часов провел на нем Фритьоф Нансен!

Нансен построил свой «Фрам» для экспедиции, план которой многие называли «проектом бессмысленного самоубийства». Но ведь самоубийством считали и его попытку пересечь на лыжах ледяной купол Гренландии. А Нансен с горсткой храбрецов поднялся на ледяной панцирь этого гигантского острова и первым в мире пересек его, преодолев морозы, голод, пургу: не зря же он с детства закалял себя и не боялся спать на снегу.

Нансен повел «Фрам» вдоль берегов Сибири. Далеко за мысом Челюскина корабль смело вошел во льды. Нансен верил, что от берегов Сибири начинается морское течение, которое вместе со льдами понесет корабль в сторону Северного полюса.

«Фрам» ушел в плавание в 1893 году. Тогда еще не было радио. Три года никто в мире не знал, что сталось с кораблем и его командой. В газетах писали, что, наверное, льды все-таки раздавили судно и если кто-



Последний «рейс» знаменитого «Фрама»: его поднимают из родной морской стихии на сушу, чтобы потом построить над кораблем здание музея.

нибудь при этом остался в живых, то теперь его несчастный удел — скитания на необитаемых островах Северного Ледовитого океана.

Но однажды человек с обветренным лицом протянул в окошко телеграфиста, скучавшего в маленьком городке на севере Норвегии, пачку, в которой было больше телеграмм, чем все жители городка отправляли за год. Почтовый чиновник с удивлением взял ее в руки, потом взгляд его скользнул по подписи на первом листке. Чиновник привскочил со стула, а через несколько часов экстренные выпуски газет на всех материках сообщили потрясающую новость: Фритьоф Нансен вернулся с победой!

Льды, увлекаемые течением, действительно унесли корабль гораздо дальше на север, чем до тех пор удавалось проникать кому-либо. Вблизи полюса не оказалось ни суши, ни мелководного моря. Там под толщей льдов разверзалась глубокая пучина. Это было только одно из многих открытий, сделанных экспедицией в широтах, где на карте обозначалось неведомое человеку «белое пятно».

Но особенно изумила всех смелость самого Нансена. Когда «Фрам» находился за тысячи километров от обитаемой земли, он и его друг Иохансен пошли по льдам в сторону полюса. Они пересекли 86-ю параллель и лишь оттуда повернули, но не к кораблю, который за время их похода унесло со льдами неизвестно куда, а к необитаемым архипелагам океана.

Смельчаки вели жизнь полярных робинзонов. Они много раз были на волосок от гибели, голодали, отбивались от белых медведей, проваливались под лед, питались собачьей кровью. Зиму они провели на неведомой «Белой земле» в хижине, сложенной из камней голыми руками. После самых невероятных приключений Нансен и его спутник в южной части архипелага Земли Франца-Иосифа случайно наткнулись на полярную экспедицию английского путешественника Джексона.

Корабль этой экспедиции доставил Нансена с Иохансеном на родину лишь немногим раньше, чем туда же пришел «Фрам», который капитан Свердруп благополучно вывел из льдов.

Но под своды музея «Фрам» попал не сразу после этой удивительной экспедиции. Сначала капитан Свердруп совершил на нем новое трехлетнее плавание в Арктике, а затем, в 1910 году, ученик Нансена, Руал Амундсен, повел корабль к другому полюсу земли.

«Фрам» бросил якорь возле ледяного барьера Антарктиды. Отсюда Амундсен на собаках отправился в глубь материка. С нетерпением и тревогой ждали на «Фраме» его возвращения. Однажды среди льдов показались черные точки...

— Южный полюс взят! Мы были там! — услышали веселый голос Амундсена люди, оставшиеся на «Фраме».

А Фритьоф Нансен? Как сложилась дальше его жизнь?

О нем говорили, что он был велик как полярный исследователь, более велик как ученый и еще более велик как человек. Он написал много интересных книг о своих путешествиях и еще больше научных трудов по океанографии.

Нансен не раз бывал в России до революции, приезжал к нам и в самые трудные годы, когда после злой засухи в Поволжье в молодой Советской республике начался страшный голод. В декабрьскую пору Нансен ездил по волжским деревням, где ели даже солому с крыш, а в нетопленных избах бредили больные тифом.

Толпы голодных обступали его, и этот закаленный человек, много ви-

девший и много перенесший в жизни, плакал, по-детски всхлипывая и вытирая лицо рукавом тулупа...

Он вернулся в Европу, и народы услышали его голос. Нансен всюду призывал помочь голодающим. Его обвиняли в том, что он «продался большевикам». На него клеветали, его травили. Он отдал на покупку хлеба для голодающих все свои деньги, ездил по железным дорогам в самом дешевом классе. Норвежские рабочие и рыбаки первыми откликнулись на его страстные призывы.

— Я верю в великую будущность России,— говорил он.

Как бескорыстного друга страны Нансена избрали почетным членом Московского Совета. Съезд Советов вынес постановление, в котором было написано, что русский народ сохранит в своей памяти имя этого великого ученого, исследователя и гражданина.

Нансен не раз приезжал к нам и после того, как страна поборола голод. Он собирался вместе с советскими учеными полететь в Арктику на дирижабле. Вылет был назначен на лето 1930 года, но весной этого года Нансена не стало...

Великий норвежец ушел из жизни накануне нового большого полета в страну голубых льдов, где родилась его бессмертная слава.

Поперек „длинной страны"

КОЕ-ЧТО О ТЕЛЕМАРКЕ

Мы расстелили на столе карту Норвегии и обложились путеводителями. Разговор шел о том, что именно должен посмотреть в Норвегии иностранец, чтобы лучше узнать страну.

О фиордах нечего было спорить — без них нет Норвегии. Значит, следовало проплыть хотя бы по самым знаменитым из них. Потом — большие города. Коричневая краска, залившая на карте почти всю страну, недвусмысленно намекала, что горный мир Норвегии слишком обширен, для того чтобы забыть о нем. Наконец, мы так много слышали о «больших долинах»...

— Сначала пересеките страну поперек,— посоветовали нам.

Поперек? Если вы услышите о человеке, который, прогуливаясь, не заметил, как прошел поперек Норвегии, то не считайте его за родственника барона Мюнхаузена. Вы тоже смогли бы позавтракать на восточной границе Норвегии, не спеша отправиться в поход поперек страны и до обеда выйти к ее западному побережью. Для этого надо только сначала проехать на север, в город Нарвик. Возле него Норвегия очень узка. Ее ширина не превышает шести километров. Даже на юге, где страна расширяется наподобие груши, поезд успевает пересечь ее за несколько часов.

Зато путешествие вдоль Норвегии — дело серьезное. Недаром ее называют «длинной страной». Она вытянулась с юга на север почти на тысячу восемьсот километров.

Итак, где же все-таки следовало пересечь Норвегию поперек?

Тот, кто отправится из Осло прямо на запад, попадет в Телемарк. Эта провинция пользуется у норвежцев той же славой, что Даларна — у шведов. Держа в руках брошюру, на обложке которой лыжник лихо мчался в вихрях снежной пыли, Марк размышлял вслух:

— Тут прямо сказано, что Телемарк — излюбленная часть страны для многих норвежцев. Вечнозеленые хвойные леса, холмы, горы... Турист посещает город Шиен — родину Генрика Ибсена. Затем... Нет, ты только послушай! «Старые обычаи, привычки, традиции, дикость — все сохранилось здесь... До настоящих времен случалось, что фермеры на праздниках выставляли старые изображения богов и с почтением протирали их жиром». Я считаю, что мы непременно должны побывать в Телемарке!

Я пытался вставить слово, но он продолжал свое:

— А вот что писал о жителях Телемарка священник Педер Клауссон: «Поселенцы здесь дурные, жестокие и распущенные... В древние времена они находили громадное удовольствие, убивая епископов и священников, полицейских чиновников... Я знал одного человека, родившегося здесь. Его отец убил трех священников. А когда он сам тонул, то молился богу и твердил, что не может умереть, пока по примеру отца не отправит на тот свет столько же священнослужителей»!..

— Подожди,— прервал наконец я.— Это, конечно, очень трагично. Но что там написано о сегодняшнем Телемарке?

— Что написано? Сейчас. «Старые церкви и даже амбары так богато отделаны резьбой, что напоминают драгоценные коробки». Нет, это не то... Ага, вот! «Эта область древней культуры и искусства стала местом размещения большой современной промышленности. Здесь водопад Рьюкан заключен в гигантские трубопроводы и...»

— Значит, самого водопада уже нет?

— Об этом не сказано. Не перебивай, сделай милость. «Здесь построены громадные химические заводы. Они выпускают азотистые удобрения и «тяжелую воду», которая нужна при атомных реакциях»... Гм!

Мы тут же решили, что нас вряд ли пригласят посетить эти предприятия...

Затем Марк прочел описание железной дороги, пересекающей юг страны от Осло до расположенного на побережье Атлантики города Бергена. Дорога поднималась так высоко в горы, что пассажиры могли в разгаре лета играть на станциях в снежки...

В конце концов мы поехали не по железной, а по автомобильной дороге и не точно поперек страны, а наискось, на северо-запад.

ПОЧЕМУ НОРВЕЖЦЫ ПРАЗДНУЮТ ДЕНЬ 17 МАЯ?

Автобус дальней линии выходит на окраины Осло.

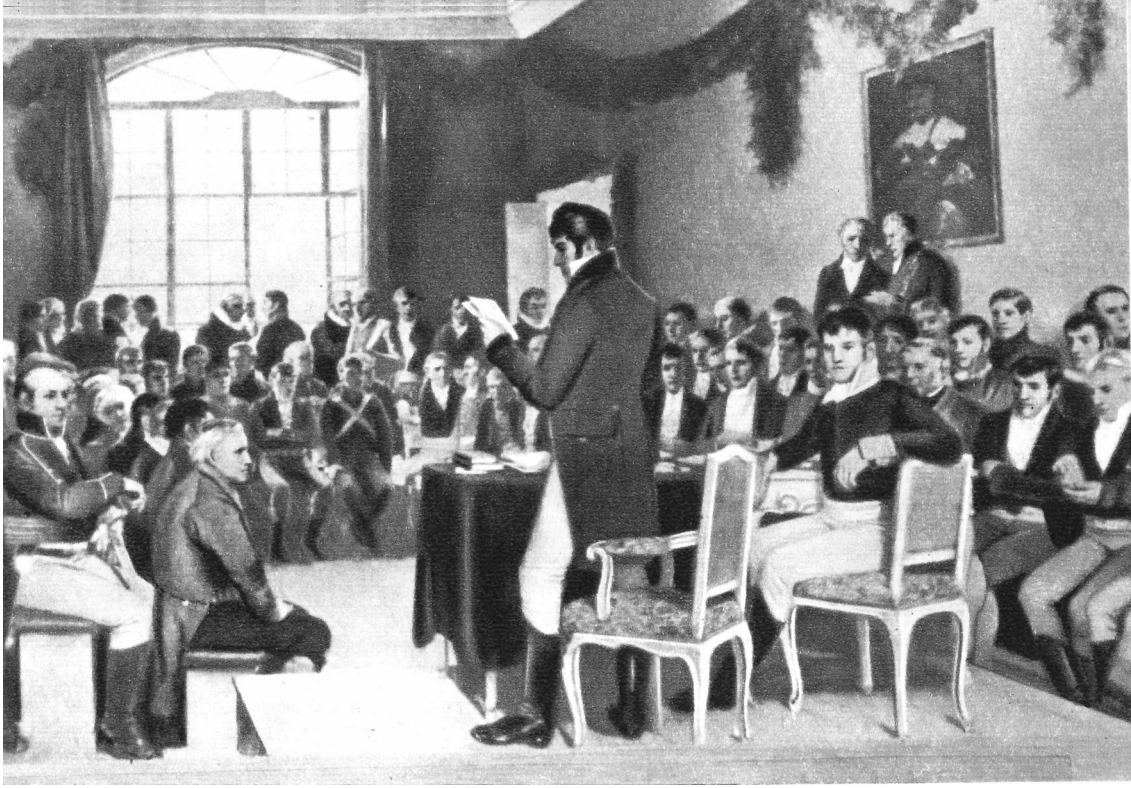
Марк шепчет мне, что, пожалуй, можно открывать международную конференцию: в автобусе расселись вперемежку норвежцы, шведы, русские, датчане. По хорошему обычаю, перед дальней дорогой спутников представили друг другу. Мы уже знаем, что с нами едут фабрикант, почтальон, агент страховой фирмы, два коммерсанта, работница обувной фабрики.

Вливаемся в поток машин, убегающих из столицы на север, туда, где сейчас, в июле,— белые ночи и цветение поздней весны.

Возле Осло — самая большая в стране низменность. Сюда приносят воды несколько рек, здесь сходятся устья «Больших долин». Реки, которые пересекает дорога, спокойные, почти ленивые. Знакомая картина — множество плывущих бревен, трубы лесопильных заводов. Но хоть бы один пароход!

Пароходам негде разгуляться. Реки в Норвегии — коротышки. Самая большая из них, Гломма, немногим длиннее Москвы-реки. Но и по ней

Дом в Эйдсволле...



...который стал знаменит тем, что в нем была в 1814 году принята конституция Норвегии.

можно плавать только в самых низовьях, километров на сорок, а выше начинаются такие пороги, что с ними не сладит самый сильный пароход.

На всхолмленной равнине много ферм. Сейчас разгар сенокоса. Травы буйные, ухоженные, густые. Косилка, идущая за маленьким трактором, того и гляди, запутается, застрянет в них...

Сено норвежцы сушат, как у нас белье после стирки. Женщины граблями сгребают скошенную траву и развешивают на заборчики из жердей. Ветер и солнце принимаются за нее, она быстро сохнет, сохраняя вкус и аромат.

Мы останавливаемся там, где среди скошенных полей немного в стороне от дороги стоит деревянный двухэтажный дом, который дорог каждому норвежцу.

Рассказывая вам о Швеции, я упоминал, что во время войны с Наполеоном шведы выступили против французов. В награду за это им обещали Норвегию, которая долго находилась в зависимости от Дании.

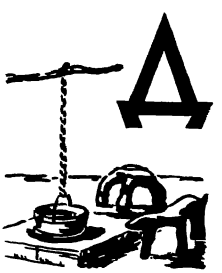
Норвежцев не спрашивали, хотят ли они, чтобы ими управлял шведский король. Но они сказали свое слово. Вот в этот двухэтажный дом помещичьей усадьбы местечка Эйдсволл съехались из разных концов страны представители чиновников, зажиточных крестьян, торговцев. Они расселись на скамьях в небольшом зале. В широкое окно заглядывали майские деревья. Люди говорили о том, что нельзя отдавать страну под власть чужого короля. Их было сто двенадцать, и они единодушно объявили Норвегию независимым государством. Тут же 17 мая 1814 года сто двенадцать подписей скрепили новую конституцию.

По тем временам эта конституция была самой демократической в Европе. Она без особых изменений сохранилась до наших дней и считается теперь самой старой из европейских конституций...

Шведской знати, разумеется, не понравились события в Эйдсволле. Войска перешли границу. Армия шведов почти вдвое превосходила норвежскую. Норвежцы с боями отходили в глубь страны. Стало ясно, что шведы добьются своего силой. Норвегия вынуждена была уступить и признать шведского короля. Это объединение под властью шведов — его назвали унией — почти сто лет связывало страну.

Норвежский народ всегда помнил об Эйдсволле. День 17 мая, когда была принята конституция, каждый год торжественно празднуется во всех городах и селах страны: по улицам идут процессии во главе со школьниками, всюду вывешиваются флаги, играют оркестры.

МЫ ПОЕМ...



Дорога выходит на берег озера Мьёса. Это самое большое озеро в стране. Оно узкое, длинное и похоже на фиорд.

Ага, наконец-то большие катера, землечерпалка и даже пароход! Его труба нелепо вынесена далеко к носу, все суденышко какое-то ветхозаветное. Уж не на нем ли когда-то разъезжались по домам участники собрания в Эйдсволле?

В киоске продаются открытки с изображением той же старой черепахи. Да чем же она знаменита? Оказывается, ей сто лет. Из плохого средства передвижения пароходик превратился во вполне приличную местную достопримечательность. Туристы могут осмотреть его, прокатиться на нем и приобрести на память открытку с изображением этой почтенной развалины.

Сосед купил две такие открытки и, приветливо улыбаясь, одну протягивает мне. Постепенно в автобусе завязываются знакомства. На остановках, когда мы выходим размять ноги, слышатся бодрые восклицания:

— Ивар! Марк! О-о! Москау! Осло!

Перед отъездом шофер вручил каждому пассажиру небольшую книжечку с изображением оранжевой певчей птахи на синей обложке. Из раскрытого птичьего клюва вылетали скрипичный ключ и нотные знаки. Я рассеянно полистал книжечку и засунул ее в карман. Шведы же и датчане, напротив, принялись внимательно ее изучать. Наконец пожилой норвежец пересел поближе к шоферу, взял в руки автобусный микрофон, откашлялся и сказал:

— Если у господ пассажиров нет возражений, я предложил бы спеть песню номер десять на пятьдесят второй странице,— и от слов перешел к делу.

Шведы, датчане и норвежцы, языки которых достаточно сходны для того чтобы понимать друг друга и петь общие песни, развернули синие книжечки с птичкой и запели с большим энтузиазмом. Это была песня на слова знаменитого норвежского поэта Хенрика Вергеланна, воспевающая долины и горы Норвегии. Чудесная песня — и как она прозвучала для нас, впервые увидевших эти леса и горы!

На песню, разумеется, надо ответить песней. Мы тревожно зашептались:

— «Москву майскую»? А может, лучше «Широка страна моя родная»? А то вот еще: «Закувала та сива зозуля»... Нет, спутаемся мы с этой зозулей.

В конце концов запели «Из-за острова на стрежень». Степан Разин не подвел. Мы были награждены вежливыми аплодисментами.

Еще несколько десятков километров вдоль вытянувшегося по долине озера — и автобус в Лиллехаммере. О занятии жителей этого городка шофер кратко сказал:

— Туризм.

Но это вовсе не значит, что лиллехаммерцы больше других увлекаются туризмом. Нет. Просто большинство горожан работают в гостиницах, пансионах, музеях, туристских конторах.

Каждый год в Норвегию приезжает около миллиона иностранцев. Летом толпа в городах, лежащих на бойких дорогах, так разбавлена туристами, что не поймешь, кого же здесь больше — гостей или хозяев?

Принимать туристов и гостеприимно и выгодно. От туризма Норвегии— большие барыши. Они уступают только доходам от судоходства и китобойного промысла.

Лиллехаммер как раз находится на очень бойкой туристской дороге.

Возле него впадает в озеро Мьёса река Логен, приносящая воды из знаменитой долины Гудбрансдален. Городок считается «столицей» долины, и каждый может увидеть здесь интересный музей старинных крестьянских построек.

Своды этих домов закопчены дымом. Посредине, на земляном полу,— очаг, над ним, на цепи,— котел. Возле очага — что-то вроде табуреток, сделанных из узловатых стволов горной березы. Семья рассаживалась вечерами вокруг очага, дым и искры уносились через отверстие в потолке к звездному небу. Хозяйка пряла, детвора нетерпеливо поглядывала на котел, в котором булькала, пузырилась овсяная каша.

...Перелистывая как-то путеводитель, я увидел в нем изображение котла, похожего на тот, подвешенный над очагом.

«Котелок, которому можно доверять»,— гласила подпись под рисунком.

А дальше было сказано вот что:

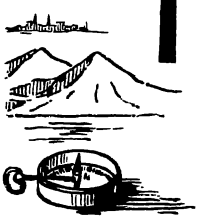
«Это будет суп, пригодный для гостей»,— заметил бродяга жене фермера, помешивая в котелке нечто, состоящее из воды и гвоздей. «Но если

Через этот городок проходит бойкая туристская дорога.

бы мы бросили туда картофелину, то это было бы уже блюдо для самых важных господ»,— отвечала та.

Сейчас наши рестораны работают под девизом: «Котелок, которому можно доверять». Добро пожаловать в наши заведения, где в котелках варятся более разнообразные и вкусные вещи, чем гвозди!»

«НОРВЕЖСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ»



Так вот какая она, знаменитая долина Гудбрансдален!

По дну ее извивается Логен. Вода в нем прозрачно-зеленоватая. Такой цвет бывает у ледяных глыб. Река то бурлит на камнях, стиснутая скалами, то вдруг прикидывается тихоней и разливается широким плесом, похожим на задумчивое озеро. Большая рыба всплескивает возле берега, и круги расходятся по воде.

А дальше — снова стремнина, и сквозь ольховые заросли видна белая пена на гребнях волн. В этом месте Логен скатывается вниз по крутому каменистому ложу и шумит неумолчно, дерзко, мешая людям разговаривать.

Вдоль обочин дороги розоватыми разливами цветет иван-чай. Поляны повыше белы от ромашек. Над ними высятся ели, покрывшие склоны гор над долиной. Она похожа, пожалуй, на горные долины возле Байкала. Там тоже скалы, еловая тайга, горные реки, перегороженные плотинами сгрудившихся бревен.

Сколько людей идут и едут по дороге, поднимаются боковыми тропинками на склоны долины, дыша целительным горным воздухом и наслаждаясь цветением северной природы!

Июль — это месяц, когда чуть не вся Норвегия отправляется путешествовать. Перед отъездом из Осло я пытался дозвониться нескольким людям, с которыми хотел встретиться. Но телефоны либо не отвечали вовсе, либо я слышал: «Господин такой-то уехал в отпуск».

Может быть, вон тот пожилой человек, который развернул газету и с трубкой в зубах сидит возле раскладного столика на придорожной полянке, и есть господин такой-то, который был мне нужен? Или, может, он,— в той цепочке людей, которые карабкаются по крутой тропинке? Но не менее вероятно найти его и среди рыболовов, забрасывающих удочки в омуты Логена.

Двое юношей остановились у дороги. За плечами у одного рюкзак, у другого — свернутая палатка. У них нет определенного маршрута. Под-

нятый палец означает то же, что у нас поднятая рука. Юноши садятся на любую попутную машину. Им почти безразлично, куда ехать. Куда приедут, там и хорошо. Поставят палатку, разведут... Я хотел было сказать «разведут костер», но в Норвегии чаще пользуются примусом. Это безопаснее в смысле лесных пожаров, да и на топливо для костра на горных лугах рассчитывать трудно.

Так, кочуя с места на место, лучше узнавая свою страну, юноши проводят каникулы.

Шведы и норвежцы увлекаются «ориентерингом». Этот вид спорта знаком уже ребятам-первоклассникам, но его не бросают и старики пенсионеры.

Надев крепкие башмаки, подбитые гвоздями, просторную куртку и приладив рюкзак, в котором нет ничего лишнего, любитель «ориентеринга» отправляется в путь. Он запасся самой подробной картой местности и компасом. Ему не по душе торные дороги. Он выбирает какой-нибудь пункт на карте и идет к нему по компасу напрямик через леса, горы, бурлящие потоки.

Это спорт выносливых и находчивых людей, любящих и знающих природу. Тут нужны крепкие ноги, зоркий глаз, умение ориентироваться в глухой чаще и в закрытой горами долине. Внезапно хлынувший дождь, разлив горной речки, крутой, покрытый острыми осыпающимися под ногами обломками камней, склон ущелья — ничто не должно помешать туристу пройти туда, куда он наметил.

Малыши учатся «ориентерингу» в рощице за городом, а то и на лужайках парка. Настоящие же, закаленные спортсмены соревнуются иногда по три дня подряд, проходя за это время без дорог многие десятки километров. Победа не всегда достается самым сильным и выносливым. Иногда ее завоевывают наиболее находчивые спортсмены, скорые на верные решения.

Я часто слышал фразу: «Спорт — это норвежский образ жизни». В ней нет пустого хвастовства.

В особом почете у норвежцев лыжи.

Ими пользовались уже далекие прапрадеды скандинавов. О лыжах упоминается в самых древних сагах, изображения лыжников встречаются среди рисунков, высеченных на скалах в незапамятные времена.

В Норвегии состоялись первые в мире соревнования лыжников. Это было почти двести лет назад. Но историки спорта признают, что особенное увлечение лыжами началось в стране после того, как Фритьоф Нансен пересек ледники Гренландии.

Норвежцы начинают ходить на лыжах с трех лет. Говорят даже, что они сначала учатся ходить по снегу, а потом по полу. Малыш, который впервые садится за букварь, может самостоятельно, без провожатых, по

В Норвегии фотолюбителям не приходится долго искать живописные места.

глубокому снегу пробежать с хутора несколько километров до сельской школы.

На всех норвежских автобусах, во всех трамваях, в каждом вагоне обязательно есть места для лыж. Чаще всего это гнезда с ремнями вдоль наружных стен.

Каждое зимнее воскресенье горожане выезжают в снежные горы. Едут семьями. Проводят целый день на солнце, ветре и холоде. Возвращаются усталыми, поздоровевшими, довольными, с хорошим запасом бодрости на трудовую неделю.

Весной норвежцы празднуют пасху. Но в церквах в эти дни малолюдно: недаром полушутя, полусерьезно говорят, что настоящая религия норвежца — лыжи. На пасху, в первые весенние дни, лыжники уезжают в горные хижины, а более выносливые и закаленные — в палатки, поставленные прямо на снегу. В пасхальные дни Осло покидает иногда пятая часть жителей.

В первое воскресенье марта страна отмечает День Холменколлена.

Холменколлен — местность возле Осло. Там построен трамплин, который долго был самым большим в мире. Сюда съезжаются лыжники многих стран. Под звуки труб герольдов, при огромном стечении народа, начинаются состязания. Спортсмены прыгают с трамплина и соревнуются в беге на разные дистанции. В 1958 году лучше всех прыгнул в Холменколлене советский спортсмен Каменский.

Я не был на соревнованиях и видел знаменитый трамплин только летом. В темном озере у его подножия купались подростки. К зиме озеро выкачивают, опасаясь, что лед не выдержит лыжника.

Лучшие места для зрителей — под самым трамплином. Там ресторан. Лыжники летают над головами господ, уплетающих бифштексы.

Не всем удается прыгнуть далеко и ловко, но приз получить хочется каждому. Говорят, что один из неудачливых прыгунов, упав и перекувырнувшись, все-таки потребовал, чтобы судьи присудили ему какое-либо почетное место. Главный судья сделал удивленное лицо:

«Как, разве вы прыгали?»

Прыгун с достоинством показал на свой облепленный снегом костюм:

«Конечно. Вы же видите!»

«Простите, но, когда вы кувыркались, я думал, что вас просто выбросили вон из ресторана»,— невозмутимо ответил судья.

Об удачах и неудачах спортсменов в Норвегии рассказывается множество всяких забавных историй. Это одна из любимых тем. Тут юмор норвежца неистощим. Пока мы ехали по Гудбрансдалену, было рассказано не меньше десятка случаев вроде истории с прыгуном.

В детстве я, как и многие мальчишки, увлекался коньками. В те годы мировые рекорды принадлежали скандинаву Оскару Матиссену.

— Он покончил жизнь самоубийством,— коротко ответил на мой вопрос о судьбе чемпиона один из спутников.

— Самоубийство? Но что за причина?

Мой собеседник удивленно посмотрел на меня. Я повторил вопрос. Тогда он мягко сказал, что это — не дорожный разговор. Вокруг чудесная природа, все отлично настроены — зачем же вспоминать о неприятном?

А я и забыл об этом неписанном правиле! Ведь среди отдыхающих или путешествующих скандинавов считается неприличным говорить о том, что может испортить настроение — например, о смерти, о болезнях, о повышении цен. Отдых так отдых! И ни один из скандинавов не затеет за обеденным столом долгий и нудный разговор о том, что его мучает изжога и что господин Иверсен так же вот сидел в хорошей компании, ел рыбу, нечаянно проглотил кость, а потом его три часа оперировали в «скорой помощи»...

КРИСТИН, ДОЧЬ ЛАВРАНСА

Солнце уже спускалось к вершинам хребтов, когда мы подъехали к Сильским холмам. Здесь жила Кристин, дочь Лавранса.

Усадьба ее отца стояла высоко над дорогой, по которой богомольцы со всей Норвегии шли и ехали на север, в город Тронхейм, к могиле святого Улафа.

Когда Кристин было семь лет, отец впервые взял ее с собой в горы. Сначала они ехали по долине. Кристин сидела на лошади за спиной отца и смотрела, как клочья тумана ползли по склонам, а высоко в небе клубились белые облака. Отец был одет в короткий кафтан из зеленого домотканого сукна и кожаные штаны. Сзади ехало четверо вооруженных слуг — в горах шаталось много недобрых людей.

Путники миновали холм, где возле хорошо осмоленной деревянной церкви в летние светлые ночи любила веселиться молодежь. Кристин слушала вечную песню Логена, шумевшего на камнях. Потом тропинка повернула в горы: Лавранс, отец девочки, хотел посмотреть, все ли в порядке на сторожевой башне, поставленной высоко над долиной.

Чем выше поднимался маленький караван, тем разреженнее становился лес. Голые серые скалы перемежались болотами, где стояли сухие, белые, мертвые, как кость, сосны. Кристин хотелось полакомиться черникой, но отец торопился и не стал останавливаться на черной от ягод поляне.

Наконец путники добрались до скалы со сторожевой вышкой — и тогда-то Кристин впервые увидела Гудбрансдален сверху. Долина казалась небольшим углублением между горными громадами, а боковые долины — совсем узкими щелями. Над лесом вздымались серые или огненно-желтые от лишайников скалы. Далеко-далеко синели вершины с белыми пятнами снега.

На дне долины виднелись зеленые клинья полей, серые точки домиков на полянах. Эти домики совсем затерялись в лесах, где хозяйничали волки, медведи и живущие под камнями таинственные существа — тролли.

Кристин выбрала местечко в зарослях малины. Она занялась венком из розовых цветов валерьяны, как вдруг увидела в листве бледное женское лицо. Незнакомка смотрела на Кристин большими светло-серыми глазами, потом подняла руку с венком из золотых цветов и стала звать девочку к себе.

Ужас объял Кристин. Конечно, это горная дева хочет заманить ее в каменные недра и запереть там навеки!

— Отец! Отец! — дико вскрикнула девочка и опрометью бросилась прочь.

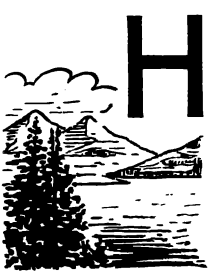
Она падала, снова вскакивала, цепляясь за камни окровавленными руками. Когда отец схватил дочь, сердце ее колотилось так, будто хотело вдребезги разбиться о грудную клетку.

Девочка, плача, рассказала о бледной женщине. Отец не удивился, не стал говорить ребенку, что горная дева ей просто померещилась. Нет, он приказал всем молчать, потому что сам боялся существ, сидящих под камнями: ведь они слышат каждое человеческое слово!

Лавранс верил и в горных дев и в троллей. Да тогда в них верили почти все: Кристин жила очень давно, еще в средние века, когда по дорогам в поисках приключений и добычи разъезжали странствующие рыцари...

Рассказала же всем о Кристин знаменитая норвежская писательница Сигрид Унсет, которая жила в старом деревянном доме на окраине Лиллехаммера. Она писала и о нелегкой жизни норвежских женщин своего поколения. Сигрид Унсет умерла не так давно, в 1951 году. Книги ее — не детские, но когда-нибудь вы, наверное, снова встретитесь на их страницах с Кристин, дочерью Лавранса, и перенесетесь в средневековую Норвегию.

К ВОДОРАЗДЕЛУ



На закате один склон долины становится холодновато-черным, другой весь искрится слюдяными блестками. Это солнце прощается с бесчисленными хуторами, крытыми тонкими пластинами сланца. Сланец темен, у него тускло-матовый отлив. Но догорающий закат заставляет его светиться, и тогда-то все полускрытые в зелени хутора, от берегов Логена до поднебесных вершин, становятся видимыми.

— Профиль Бьёрнсона!

На скалистой вершине поразительно четко обрисовывается знакомый профиль человека с орлиным носом, высоким лбом и откинутыми назад пышными волосами.

Бьёрнстьерне Бьёрнсон, большой норвежский писатель, любил эту долину и поселился на солнечном пригорке неподалеку от Лиллехаммера. «Некоронованный король Норвегии» своими стихами и пьесами стремился поднять народ на борьбу за независимость Норвегии, за разрыв унии со Швецией.

Песня Бьёрнсона «Да, мы любим эту страну» стала национальным гимном.

Бьёрнсон писал пьесы о вольнолюбивых крестьянах, умевших постоять за свободу, о финансистах, всегда готовых обмануть народ, чтобы выманить у него деньги, о продажных редакторах буржуазных газет. Он был жизнерадостным, веселым человеком, любил друзей, шумные сборища, страстные споры.

Долго еще на лимонно-желтом фоне заката рисовался гордый профиль. Казалось, поэт смотрит, как зажигаются огоньки в сумраке долины, которую он любил при жизни.

На ночлег мы остановились в гостинице, одиноко стоящей посреди леса. За долгий теплый день в воздухе настоялся густой аромат хвои. Под окнами шептала что-то свое маленькая горная речка.

Меня потянуло в лес. Мы пошли по тропинке вдоль речки, вьющейся в зарослях черемухи.

— Благодать! — сказал Марк.

Бац! Мой друг звонко ударил себя по лбу. В тот же миг я нанес себе удар по шее. Комары! И как больно кусают проклятые! Я-то еще мог утешать себя тем, что норвежские комары будят во мне воспоминания детства: право, они ничуть не лучше сибирского таежного гнуса! Но Марк потерял всякий интерес к прогулке.

Тонкий комариный звон всю ночь мешал нам спать. Мы жалели, что не можем развести на полу небольшой костер из веток можжевельника, чтобы едким дымом выкурить всю кусачую братию.

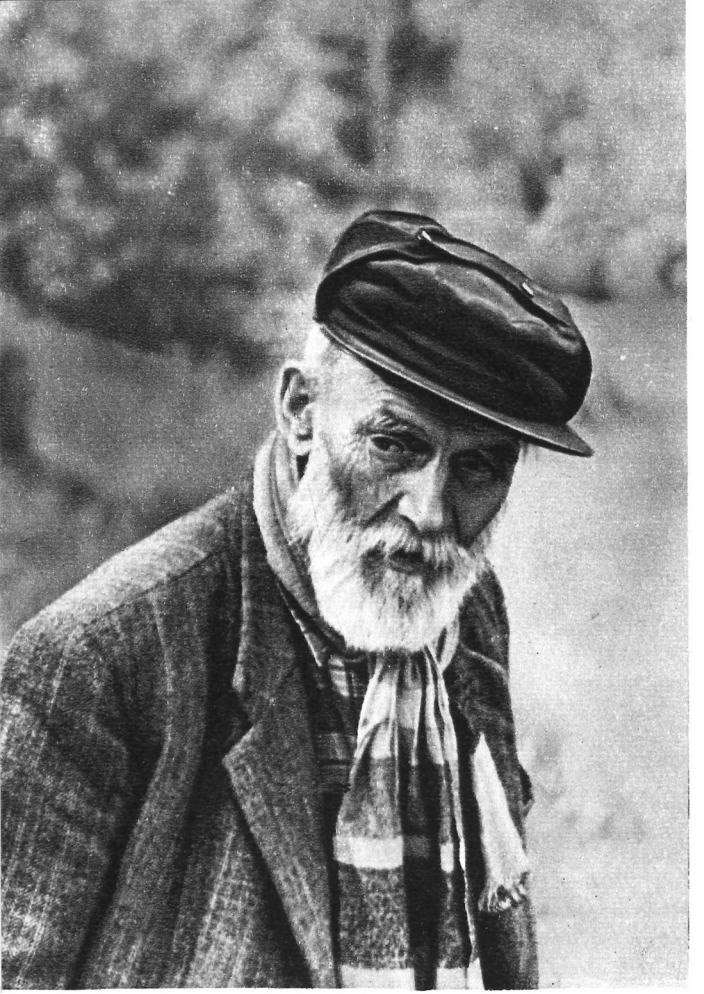
Утром следующего дня автобус круто поднимался вверх по склону долины. На вершинах белеют пятна снега. В этих горных краях лето еще не наступило, сюда только недавно добралась весна. В палисадниках возле хуторов цветет сирень. Дурманяще пахнет рябиновый цвет. Нигде не встречал я такой пахучей пышной рябины!

Поднимаемся все выше. Исчезли ласковые шелковистые поляны, радовавшие глаз в низовьях Логена. Все посуровело. В горах человек с давних пор воюет с природой, добывая хлеб тяжелым трудом. Все чаще дома похожи на те, которые туристы рассматривают в музеях,— темные, старые, некрашеные. Возле них такие же темные сараи и риги. Встречаются и вовсе развалюхи с покривившимися жидкими изгородями.

С землей в горах туго. Если хочешь развести огород, таскай землю мешками от реки, насыпай ее на камень, удобряй да смотри, чтобы твои труды не пропали даром: прорвется с гор поток и смоет все дочиста...

Скоро конец Гудбрансдалену. Мы поднимаемся к перевалу. Логен совсем сузился, превратился почти в ручей. Ели обступили дорогу, проложенную высоко по склону долины. Холодные ручейки текут меж пней.

Вот наконец и озеро на водоразделе. Его название трудно выговорить: Лесьяскугсватн. Оно питает водой Логен. На запад, к Атлантике, из этого же озера убегает река Раума.



Этот девяностолетний житель гор снят по дороге в лавку, куда он приходит за три километра, «чтобы его не считали стариком».

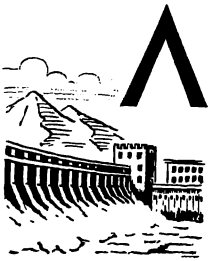
У водораздела кончается Гудбрансдален и начинается долина Румсдаль. Эти две долины как бы прорезают наискось значительную часть страны, от моря до моря.

Мы — на границе, разделяющей Восточную и Западную Норвегию.

Дует резкий горный ветер. Холодно. Небо мрачнеет. Ползет туман, кружатся в воздухе снежинки. Неужели всего несколько часов назад мы любовались бледно-лиловым цветением сирени?

Останавливаемся у придорожной каменной глыбы. Снимаем шляпы: это памятник. На нем написаны имена жителей ближней деревни, погибших в боях с фашистами. Камни перевала обагрены кровью патриотов.

СЛИШКОМ МНОГО ВОДОПАДОВ



Логен был дик и норовист, но посмотрите, что выделывает Раума, вдоль которой мы начинаем спуск к океану! Она летит с порога на порог, ныряет в узкие ущелья, грохочет водопадами.

Сосед объясняет мне, что Раума — «типичная норвежская река». Знаю ли я, что на реках Норвегии можно построить гидростанции мощностью свыше десяти миллионов киловатт?

Я спрашиваю, сколько гидростанций уже построено. Оказывается, больше полутора тысяч. Они дают энергию для быстро растущих электрохимических и электрометаллургических предприятий. Во многих долинах можно увидеть теперь заводы, построенные рядом с гидростанциями. Правда, общая мощность этих гидростанций только на четверть больше, чем у наших Куйбышевской и Сталинградской. Но в стране живет всего три с половиной миллиона человек. На каждого норвежца, добавляет мой спутник, производится больше электроэнергии, чем на жителя любого другого государства, хотя угля для электростанций в стране нет, его надо привозить по морю.

— Вот наш уголь,— показывает он за окно.

Мы въезжаем в царство водопадов. В облаках водяной пыли они летят в долину справа и слева. Бутылочное стекло струй кое-где проглядывает сквозь завесу пены.

Автобус зигзагами спускается вниз. Только что этот водопад был виден далеко под нами — и вот его брызги уже летят в окна автобуса.

— Остановитесь, остановитесь! — стонут пассажиры.— Ах, как чудесно!

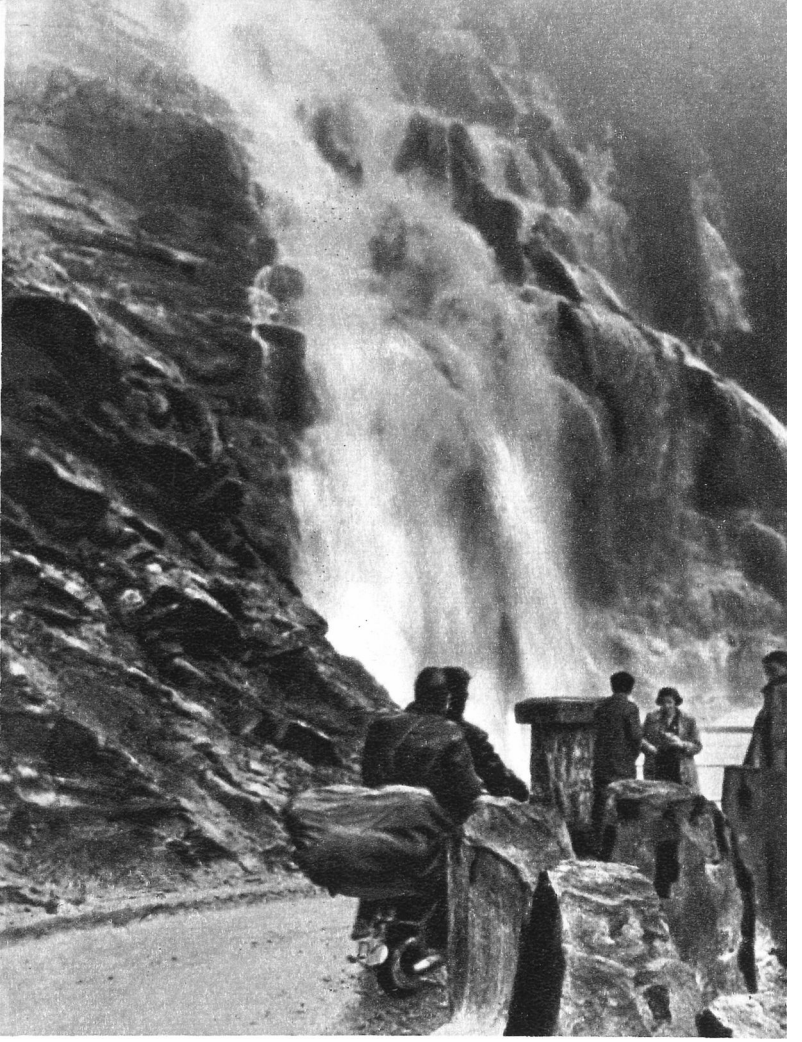
Шофер пытается уговорить нас:

— Господа, дальше будет красивее.

Мы не верим, требуем остановки. То и дело щелкают затворы фотоаппаратов. Один Марк, кажется, проявляет мудрую сдержанность, доверчиво поглядывая на шофера. Тот дружески улыбается в ответ.

Через десять минут автобус останавливается возле мостика из гранита, переброшенного над бешеным потоком. Выше и ниже моста — водопады. От мелькания струй кружится голова. Порыв ветра бросает в нас облака водяной пыли. У двоих фотолюбителей уже кончилась пленка, нерасчетливо израсходованная на первые водопады.

Едем дальше. Водопады то льются по бурым кручам сотнями серебряных нитей — совсем как расплавленное серебро,— то срываются с утесов в бездну. В одном месте поток перехвачен для турбин гидростанции и



Если бы вы смогли услышать, как ревет этот водопад!

заключен в трубы. В другом над взбесившейся водой раскачивается висячий мостик с продырявленными боковыми сетками. Гору справа окутало облако, и теперь кажется, что водопады льются прямо из него.

Шофер злорадствует:

— Вельманофосс — справа!

— Харпефосс — слева!

У нас болят шеи, мы «объелись» водопадами. А шофер неумолим. Только и слышно: «фосс», «фосс». Эта приставка означает «водопад»,

точно так же как приставка «даль» и «дален» означает долину, а приставка «хорн» употребляется для обозначения острых, как рог, горных вершин. Они поднимаются над долиной. Это Румсдальские Альпы, и над их зубчатыми вершинами упираются в облака два рога Румсдальсхорна.

— Водопад справа! Слева! А теперь и справа и слева...

Мы тупо смотрим прямо перед собой. Лишь Марк деловито, не спеша, выбирая точку съемки, время от времени спускает затвор «Зоркого».

В этой долине есть водопады, водопадищи и водопаденки. Я не думал, что они могут быть так разнообразны. Похожих почти нет.

Кажется, что вода, при падении раздробившись на камнях в мельчайшую пыль, потеряла вес и парит в воздухе. Иной водопад дробится на отдельные струи, обгоняющие друг друга. Впечатление такое, будто сверху неравномерно подают воду: то больше, то меньше. Кое-где возле водопадов присоседился снег, и издали его не отличить от пены.

Возгласы восторга постепенно совсем утихают.

— А? Что? Опять водопад? Да, красота... Так вот, если вы помните, по дороге к Лиллехаммеру мы видели башню...

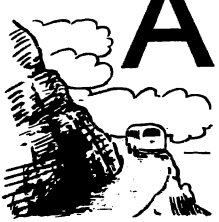
Попадается гора вся в водопадных прожилках. Кажется, что если ее отполировать, то получилась бы поверхность, похожая на облицовочный мрамор или гранит.

Странно, что над холодными камнями, над бушующей водой скользят ласточки: право, тут места для орлов!

Проходит час, полтора, ветер становится более теплым, влажным. Это дышит Атлантический океан. Далеко впереди в щели между скалами блеснул фиорд.

Но мы не спустимся к океану. Наш маршрут — кольцевой. Нам предстоит знакомство с горным миром страны.

ДВЕНАДЦАТЬ БОЛЬШИХ ПАЛЬЦЕВ



Автобус въезжает в облако.

За окнами — серые хляби. Кусочек мокрой и скользкой дороги растворяется в них, исчезая сразу за колесами. Где-то совсем близко ревет невидимый водопад.

Соседка, смеясь, протягивает мне белый листок картона. Это визитная карточка агента шведской страховой фирмы в Стокгольме. «Если вы хотите застраховать жизнь, наша фирма всегда к вашим услугам»...

В ту же минуту шофер тормозит так резко, что белая плюшевая обезьянка, подвешенная возле него на резинке, с размаху ударяется о

ветровое стекло. Из гущи облака тревожно мигают желтые глаза фар. Встречная машина, взвизгнув тормозами, останавливается метрах в двух от нашей.

— Наверняка англичанин! В крайнем случае швед! — восклицает Ивар Андерсен, который сегодня сидит рядом со мной: при дальнем путешествии пассажиры ежедневно пересаживаются, чтобы каждый посидел и на лучшем и на худшем месте.

Ивар угадал: англичанин. Да еще с целым выводком ребят, набитым в маленькую автомашину. В Англии и Швеции — левостороннее движение, в Норвегии, как и у нас,— правостороннее. Приехав со своими машинами в Норвегию, английские и шведские туристы причиняют немало бед на узких горных дорогах: в опасную минуту они инстинктивно поворачивают в ту сторону, по которой как раз и несется встречный поток.

Наш шофер высовывается из машины. Но он не бранится, не кричит, а лишь молча поднимает руку.

При встрече в узком месте неписаный закон заставляет водителей обеих машин немедленно остановиться. Затем оба без пререканий и препирательств, не покидая кабины, выбирают место для разъезда. Готовность уступить встречному давно стала главным правилом движения на горных дорогах Норвегии.

Англичанин, виновато улыбаясь, рывками пятится до того места, где можно разъехаться.

Ивар фыркает:

— У этого господина двенадцать больших пальцев.

Так в Норвегии говорят о тех, у кого неловкие, неумелые руки: одними большими пальцами, сколько бы их ни было, много не наработаешь.

Ивар Андерсен, с которым мы познакомились на первой же остановке, а на третьей стали друзьями,— почтальон из пригорода Осло. Пальцы у него в черных рабочих трещинках. Он и маляр, и плотник, и садовник; это обилие специальностей всегда избавляло его от безработицы.

В автобусе ему не сидится на месте. Своей живостью и подвижностью он словно хочет доказать, что далеко не все норвежцы молча сосут свои трубки и отличаются замкнутым характером. Он расспрашивает нас, рассказывает о себе.

Ивар Андерсен хочет, чтобы люди свободно ездили друг к другу в гости и могли спокойно посидеть за бутылкой вина. Он видел американцев, теперь видит русских. И те и другие — обыкновенные люди. Правда, одни думают так, другие — иначе. Ну и пусть каждый думает себе на здоровье как хочет! Это его дело. Наверное, и в нашем автобусе каждый думает по-своему. Но разве из-за этого мы готовы вцепиться друг другу в глотку? Нет, мы садимся утром за один стол, ничто не мешает нам петь песни, играть в снежки на перевалах.

Русские, наверное, любят равнины? У них ведь степи, как море,

он читал об этом. А норвежцы больше любят горы. Он, Ивар, думает, что когда мы, русские, побольше поездим по горам Норвегии, то тоже полюбим их.

...Мы все ползем и ползем по крутейшей дороге.

— Сейчас увидим сверху все королевство! Как с неба. Или с атомного бомбардировщика,— шутит Ивар.

Автобус, ревя мотором так, что звенит в ушах, поднимается по знаменитой «дороге троллей». Она зигзагами обвивает гору. Нам надо подняться еще на 800 метров.

Я думал, что уже досыта «наводопадился». Но тот гигант, который заревел вдруг рядом с нами, заставил понять, что настоящего водопада до сих пор мы еще не видели. Он бросался в бездну примерно с высоты шпиля Московского университета.

В туманном полумраке чернел каменный мост. Его окутало водяной пылью. Выскочив из машины, мы вымокли в одно мгновение. Водопад неистово ревел рядом, не давая перекинуться словом.

За мостом пошло еще хуже, чем до него. Машина то и дело поворачивала чуть не под прямым углом как будто по намыленной дороге. Я выглянул в такое мгновение из окна и почувствовал, как холодок пробежал по спине: прямо под задком кузова клубились туманы, прикрывая пропасть, и тень какой-то большой птицы скользила в серой мгле.

Когда наша машина вползла наконец на вершину горы, мы, не сговариваясь, встали со своих мест и долго аплодировали шоферу. Он смущенно улыбался, вытирая платком пот.

На вершине не то в клубах тумана, не то в гуще низко спустившегося облака гомонили ребята. Они строились в шеренгу перед длинноногим парнем, плечи которого оттягивал огромный рюкзак.

— Пионеры! — машинально сказал я.

— Скауты,— поправил Марк.

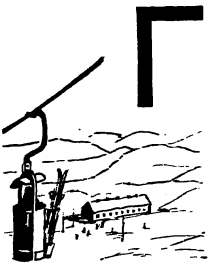
Вы, конечно, знаете, что скауты — члены детской организации в некоторых буржуазных странах. У них другие задачи, чем у пионеров. Но в скаутских отрядах ребят также приучают к выносливости, к дисциплине. Они не похожи на маменькиных сынков. Эти ребята, например, поднялись на вершину пешком. Они промокли и продрогли в коротеньких штанишках, но держались молодцами, и было сразу видно, что народ это закаленный, привычный к дальним походам.

Есть ли вокруг вершины другие высокие горы — не знаю: плотный туман позволял видеть всего за несколько шагов. Я пошел по некрутому склону. Камень под ногами был похож на застывшую лаву.

В ложбинах журчали под пористым снегом невидимые ручьи. Сливаясь вместе, они устремлялись к обрывам, чтобы броситься оттуда грохочущими водопадами.

Вот оно, «потоков рожденье»!

ФЬЕЛЛИ И ВИДДЫ



Горы и плоскогорья занимают больше двух третей Норвегии. На западе они круто обрываются к Атлантическому океану, а на востоке полого спускаются в Швецию.

Эти горы не похожи на хребты Кавказа или Урала. Их массивы обычно отделены друг от друга.

Встречаются в Норвегии и острые пики и крутые склоны, по которым сползают ледники, но все же не они господствуют в той части страны, которая закрашена на вашей школьной физической карте коричневой краской. Эта краска довольно редко сгущается до самых темных тонов. Большей частью она равномерно покрывает пространство карты желтовато-коричневым слоем, обозначающим одни и те же высоты в 700—900 метров.

Именно на такой высоте и расположены главные плоскогорья Норвегии. На карте их названия оканчиваются приставкой «видда». А приставка «фьелль», которую вы тоже встретите на карте, означает горы.

Жителю русской равнины норвежские плоскогорья вовсе не кажутся плоскими.

Мы только что поднялись на одно из них. Справа от дороги круто обрывается склон речной долины. Внизу через серебряный поток переброшен мостик, и красная автомашина, перебегающая по нему, напоминает «божью коровку».

Само плоскогорье волнистое, всхолмленное. Тут и там над ним приподнимаются невысокие вершины со сглаженными склонами. Хорошо поработал великий ледник! Расселины и низины полны принесенных им ледниковых обломков — угловато окатанных валунов, мелких камней, щебня, глины, песка. Да и озера, поблескивающие во впадинах, ведут родословную от времен великого оледенения.

Но что это за ровная, прямая насыпь тянется меж холмов? Может быть, старая, заброшенная дорога? Ивар, которому я задаю этот вопрос, отрицательно качает головой.

— Козья спина! Козья спина! — смеется он.

Что за чепуха! Какая еще спина?

Марк вмешивается в разговор. После обстоятельного распроса, выясняется, что такие насыпи тоже остались после ледников. Почему норвежцы называют их «козьими спинами», Ивар не смог объяснить; в научных книгах они именуются «озами».

Мне кажется, что плоскогорья — самые унылые места в Норвегии. Все тут как-то голо, неприютно. В тени каменных глыб лежит сероватый тающий снег. Жесткая осока по болотам, хилый можжевельник, мхи, трава такого цвета, какой бывает у позеленевших бронзовых памятников,—

все это напоминает тундру. Редкие хижины летом почти необитаемы. Они служат приютом для лыжников, которые приезжают сюда на несколько дней, чтобы загореть в лучах мартовского солнца и побегать по крепкому насту.

Как бы в подтверждение той истины, что плоскогорья в Норвегии сильно изрезаны долинами, машина спускается по крутой дороге в одну из них.

И какая перемена! Там, наверху, только недавно лопнули почки на карликовых березах, а здесь, в долине, уже наливаются яблоки. Еще не просох как следует пиджак, отсыревший в туманах плоскогорья, а мы въезжаем в поселок Люм, где в год выпадает лишь немногим больше осадков, чем в степях Заволжья.

Впрочем, на этот раз и в Люме пасмурно. По дорожной пыли скатываются редкие капли. Сторож старинной церкви, где висят хоругви с молитвами о воде, находит объяснение неожиданному дождю:

— Сегодня прошло несколько автобусов с бергенцами. Ну, они и привезли немного своего дождя: вы же знаете, что в Бергене льет днем и ночью.

Люм — небольшой городок, что-то вроде нашего районного центра. Речка, на которой он стоит, вышла из берегов — так бурно тают снега в горах. Вода хлещет через отверстия в плотине гидростанции. Рядом с церковью — школа с зелеными партами и такими же досками, со школьными столярными мастерскими в полуподвале: норвежские ребята, как и шведские, изучают ремесла, а девочки — домоводство.

Плоскогорья Норвегии вовсе не плоски!

Школьники, конечно, были распущены на каникулы. Но с одним мы все же поговорили. Пер, веснушчатый и не по годам серьезный паренек, сказал, что его отец работает на хуторе в горах. Сюда, в Люм, Пер приехал на велосипеде за покупками.

Наш новый знакомый окончил пять классов. Пойдет ли он в реальное училище или в гимназию? Это еще неизвестно. Почему же? Пер удивлен. Разве господа не знают, как трудно учиться тем, кто живет не в городе? Фермы далеко друг от друга и от школы. Правда, есть «бродячие школы». Учитель сам приезжает в горы и там собирает на какой-нибудь ферме несколько ребят. Поучит их немного, потом едет дальше. Но и в обычных сельских школах не то, что в городских: некогда учиться.

— Как это — некогда?

— А кто же будет помогать в поле?

Оказывается, учение в некоторых сельских школах начинается после того, как крестьяне управятся с осенними работами. Весной, когда надо сеять, занятия кончают раньше, чем в городе. Иногда в пору горячих сельских работ занимаются через день, чтобы оставалось время для помощи отцу или матери.

Мы узнали после, что только один из трех выпускников начальной школы учится дальше в гимназии, дающей полное среднее образование, или в реальном училище. Для сына или дочери крестьянина это совсем не просто и не легко.

НА СЭТЕРЕ

В прошлом веке, пока в стране было мало фабрик, Норвегию называли «крестьянским государством» и даже «государством свободных крестьян». Норвежские земледельцы никогда не знали крепостного права. Они не кланялись до земли дворянам-помещикам. Более ста тридцати лет назад норвежский парламент запретил давать титулы графов и баронов, которые во многих капиталистических странах сохраняются до сих пор, к большой радости чванливых аристократов.

Но жилось норвежским крестьянам трудно; у большинства были крохотные наделы неудобной, каменистой земли. Хлеба часто вымерзали во время «железных ночей» — так крестьяне прозвали ночные заморозки. К весне даже мыши покидали опустевшие амбары. Дорога за океан в поисках работы и хлеба норвежцу была знакома не хуже, чем шведу.

Норвежские крестьянки справляются с любой работой в поле.

Владелец этого сэтера построил в стороне «туристхютте» — хижины, которые сдает туристам.

Теперь Норвегию уже никто не называет крестьянским государством. Это индустриально-аграрная страна с развитой промышленностью. Только четвертая часть ее населения работает на полях и лесосеках.

В стране есть крупные фермы, где много машин, породистый скот, хорошие постройки. На таких фермах работают батраки — в Норвегии их несколько десятков тысяч.

Но гораздо больше в стране хуторов с клочком земли, где сам хозяин и его семья трудятся с утра до вечера.

Только один из каждых трех владельцев мелких хуторов имеет лошадь, у многих нет даже коров.

В горных долинах мало пригодной для посева земли. Крестьяне предпочитают разводить скот.

В долине у крестьянина старинный бревенчатый дом, кладбище, где под сенью берез лежат предки, школа, где учатся его дети. В долине — церковь, возле которой под пиликание скрипки, украшенной резной головой дракона, танцевал он в молодости со своей будущей женой бурный «спрингданс» и сильными руками поднимал ее в танце высоко над толпой.

А в горах у крестьянина — сэтер, летнее пастбище для коров, коз и овец.

Как-то мы пошли по тропинке туда, куда указывала стрелка возле придорожного помоста, заставленного начищенными молочными бидонами.

Отсюда привезенное с сэтера молоко забирает машина молочного завода. В почтовый ящик на столбе шофер бросает свежие газеты.

Тропинка привела нас к домику с хлевом, возле которого месили грязь овцы. Пожилая женщина в вельветовых брюках, заправленных в резиновые сапоги, широко раскрыла глаза, узнав, из какой страны пожаловали к ней незнакомые люди.

— Сигне арбейдет! — приветствовал ее Марк. Это норвежское выражение похоже на «бог в помощь», которым раньше, в старой России, ободряли занятого тяжелой работой крестьянина.

Женщина ответила по-английски, что она — только гостья на сэтере, приехала сюда на лето помогать брату-фермеру. Госпожа Брокк учит ребят в одной из школ Осло.

Из хлева вышла девушка с ведром дымящегося парного молока.

— Сигне арбейдет! — повторил Марк.

Девушка улыбнулась и поклонилась в ответ. Звали ее Анной. Она нанялась на сэтер доить коров и пасти овец. Ей помогают младшие братишка и сестренка. Осенью скот снова спустится в долину, и тогда Анна вернется домой.

— Скучаете ли вы здесь? — спросил Марк.

Анна удивленно подняла брови. Да ей за день присесть некогда, не то что скучать: то коров надо доить, то хлев чистить, то сено косить. А пока его косишь, налазаешься по горам не хуже альпиниста. Вон на соседнем сэтере траву спускают с гор в мешках на веревке.

Тут вспомнилось мне раздолье заливных лугов под Рязанью, где человека еле видно в густой, душистой траве. И мы еще жалуемся: луга, мол, кочковаты, тракторная косилка не идет!

— А все же на сэтере у вас пустынно как-то, невесело,— продолжал свое Марк.

— Пустынно? — горячо возразила девушка.— Да здесь просто чудесно!

И она обвела рукой вокруг: разве можно не любить эту заросшую вереском коричневато-серую землю, где текут ледяные ручьи, а горные озера отражают голубоватое светлое небо?

Я подумал, что ржаные пресные лепешки с холодным молоком, наверное, кажутся ей после дневной маяты самым вкусным блюдом на свете и тонкое надоедливое пение комаров не помешает спать. Но заснешь ли, когда вечерняя заря сходится с утренней и колдовское очарование белых северных ночей тревожит душу! В такие ночи девушки соседних сэтеров собираются вместе. К ним приходят парни из долины. Разве крутая горная тропка — препятствие для любящего сердца и молодых ног? И на каменистой неровной площадке танцуют до первого солнечного луча.

Маленькие братишка и сестренка Анны, помогая старшим, многому

научились на сэтере. Они умеют, например, варить из козьего молока сладковатый коричневый сыр «иетуст». А это совсем не легко: надо густую выпаренную массу долго бить дубинкой в деревянном корыте.

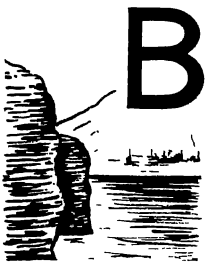
— Фермером сейчас быть выгоднее, чем учительницей,— смеясь, сказала на прощание госпожа Брокк.— Продукты поднимаются в цене куда быстрее, чем наше жалованье.

Спускаясь по тропинке, мы долго видели белые платки, порхающие возле темной хижины.

— А все же одиноко у них,— вздохнул Марк.— Нашим девушкам не понравилось бы. Я где-то читал, что в Норвегии без надобности никто не переступит порога соседа. Очень уж маленькими мирками они живут по своим фермам и сэтерам, верно?

Кажется, на этом снимке все понятно и без подписи...

ДОРОГА, КОТОРУЮ МОЖНО КУПИТЬ И ПРОДАТЬ



В сумерки подъезжаем к трехэтажной деревянной гостинице на берегу горного озера. Оно покрыто ноздреватым синим льдом. Лишь возле берегов темнеют закраины. Льет дождь, пожирая снега и питая водопады. Хилая травка подле дома напоминает о горной весне.

В гостинице — стиль добротной старины. Деревянная старая мебель чуть пахнет плесенью. На постелях — пуховые перины. Вместо умывальников — кувшины и тяжелые фаянсовые миски. Под кроватью я вижу некую ночную посуду, которой у нас пользуются дети дошкольного возраста. В медных подсвечниках потрескивают свечи, коридор освещен керосиновыми лампами: в гостинице нет электричества. У окон второго и третьего этажа на железных крюках висят мотки крепкой длинной веревки. Если вспыхнет пожар — спускайся в окно по веревке: старый деревянный дом может сгореть быстрее, чем ты найдешь выход.

Дождь лил всю ночь. Утром было 5 градусов тепла. Мы отправились в знаменитую Дальснибба и перед началом подъема остановились возле придорожной хижины. Оттуда вышел человек в форменной фуражке и направился к автобусу. Он внимательно осмотрел нас, приветливо помахал рукой и скрылся в своем домике.

Дорога вошла в снежный коридор. Пассажиры хватали пригоршни мокрого снега прямо из автобусного окна. Вдоль дороги поднимались длинные железные трубы. Весной лишь по верхушкам этих труб, чуть торчащим над снежной поверхностью, можно найти дорогу, чтобы расчистить ее.

Что такое Дальснибба?

Над головокружительной бездной висел белый деревянный помост. Казалось, что он вот-вот сорвется в пропасть. Внизу, в просветах мутного тумана, угадывалось зеленовато-бурое дно долины, испятнанное снегом. Так выглядит весной тундра, когда летишь над ней на самолете.

Весь помост был изрезан, исцарапан, исчерчен фамилиями, совсем как садовая скамейка в каком-нибудь провинциальном городке.

Понятно, когда человек хочет увековечить подвиг и, поднявшись, скажем, на заоблачную недоступную вершину или достигнув полюса, оставляет там памятный знак. Понятно, когда герои, штурмом овладев крепостью, пишут на ее стенах свои имена. Но что за нелепая привычка расписываться на каком-нибудь историческом памятнике, к которому ты доехал без хлопот и волнений, покачиваясь на кожаном кресле автобуса!

На горном озере за гостиницей — лед. А снимок сделан в июне...

«Всяческие Джоны Смиты и Джорджи Вилькинсоны и прочая подобная мелюзга не упускают случая нацарапать свои жалкие фамильишки на стенах великолепных руин! — гневно писал когда-то Марк Твен.— Хорошо, если бы какая-нибудь развалина придавила бы одного из этих пресмыкающихся, чтобы отбить у всей породы охоту пачкать своими именами древние памятники».

В Дальсниббе под представителями этой породы должен был бы рухнуть в пропасть помост. Но он висит, исчерченный Джонами Смитами и Джорджами Вилькинсонами...

Мы постояли над бездной, пока не закоченели, потом поиграли в снежки, поругали дурную погоду, помешавшую нам хорошенько рассмотреть то, что должно было открыться внизу, и поехали обратно.

Когда машина поравнялась с придорожной хижиной, оттуда вышел уже знакомый нам вежливый дядька в порыжевшей фуражке с ярко начищенной медной кокардой. Он опять приветливо помахал рукой и поднялся в автобус. Я думал, что он поздравит нас с благополучным окончанием рейса на Дальсниббу и посоветует шоферу быть осторожнее при

спуске. Но дядька пересчитал нас и вытащил из кармана желтую квитанционную книжку.

Оказалось, что дорога на Дальсниббу — частная и за проезд по ней надо платить пять крон с машины и по одной кроне с человека. В средние века подобным сбором феодалы облагали купцов, проезжающих через их владения.

Это была первая частная дорога, по которой я проехал в Норвегии. Таких дорог в стране не очень мало. Их можно покупать и продавать. Захотел владелец закрыть проезд — возьмет и поставит шлагбаум. И никто с ним ничего не сделает.

Озеро или река тоже могут иметь хозяина. Ему и приходится платить за то, чтобы посидеть с удочкой на бережку.

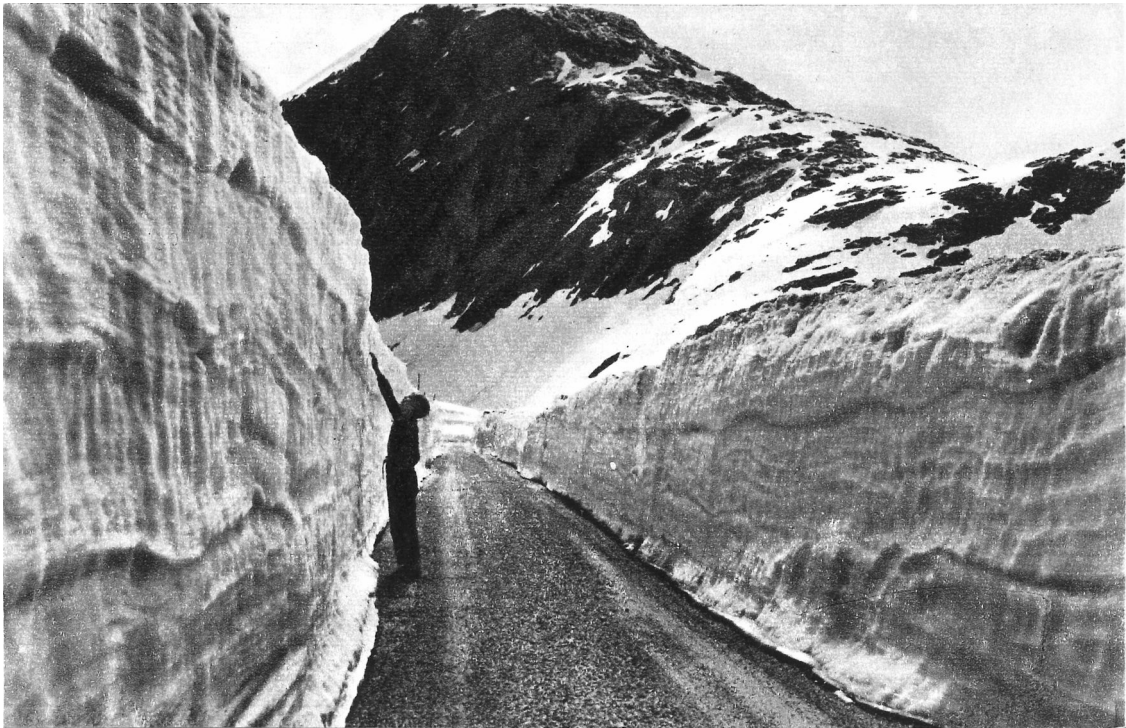
Как-то пассажиры попросили сделать короткий привал в приглянувшейся им местности. Но шофер сказал, что здесь этого сделать нельзя: леса вокруг дороги — частные. Мы медленно поехали дальше, но поблизости так и не нашлось местечка, где можно было бы поставить машину и посидеть на траве без предварительных переговоров с землевладельцами.

И теперь, увидев по дороге от Дальснибба пасущихся неподалеку северных оленей, я на всякий случай робко спрашиваю шофера:

— А этих оленей снять можно?.. Они чьи?

Оказывается — можно. И бесплатно. Я крадусь с фотоаппаратом, спотыкаясь на скользких камнях. Олени настораживаются, а затем убегают вниз по склону.

Сколько ни тянись, до верхушки сугроба не дотянешься!



В ЦЕНТРЕ ГОРНОГО МИРА

Еще несколько десятков километров — и мы будем на Ютунхейме, «жилище гигантов», самом высоком плоскогорье страны. Здесь центр ее горного мира.

Последние березовые рощи остаются внизу. Потом исчезают и отдельные деревца. Впрочем, нет, не исчезают. Карликовое растеньице, высотой с куст полыни,— это тоже береза. Я видел такие березы и ивы в таймырской тундре и вот снова встретился с ними в чужой стране.

Выше, выше... Теперь вокруг только травы да мох. Ветер пахнет снегами. Каменные колоссы вздымаются к небу. Груды валунов нагромождены возле голубых ледников. Горизонт, над которым плывут белые облака, изрезан горными пиками. И над всем этим горным миром поднимаются Гальхёппигген и Глиттертинн — норвежские Казбек и Эльбрус. Их вершины только немногим не достигают двух с половиной километров. Когда великий ледник давил Скандинавию, когда он шлифовал скалы и сглаживал податливые горы, оба гиганта незыблемо поднимались над ледяным морем.

Глиттертинн — одна из высочайших вершин Норвегии.

Прекрасен Ютунхейм! Как будто и нет ничего, кроме камня, воды, снега и льда. Краски — блеклые, серовато-зеленые. Но как вольно дышится на этих высотах! Недаром сюда собираются альпинисты и любители природы, чтобы здесь, на орлиной высоте, испытать крепость воли и мускулов, побродить по оленьим тропам, обжечь лицо горным солнцем.

Говорят, что раньше в долинах у Ютунхейма был такой обычай. Когда в семье крестьянина подрастал старший сын, то отец позволял ему выбрать: либо встать к плугу, чтобы потом сменить отца, либо сдружиться с ружьем, чтобы охотиться в горах. И часто старший сын поднимался из долин к манящим ледникам Ютунхейма.

«Вчера вечером вернулся с Ютунхейма как новый и лучший человек».

«...В снегу и во льду, прекрасная погода, великолепие красок, светлые лунные ночи высоко в горах. Подобного я никогда не переживал даже во сне».

Так писал великий норвежский композитор Эдвард Григ. Он много путешествовал по своей стране, но, кажется, больше всего любил Ютунхейм.

Уже на склоне лет, тяжело больной, он захотел снова подняться в мир синих глетчеров. Дорога была тяжелой, повозка, на которой поехали Григ и его жена, провалилась в яму. «Дождь лил на нас, но мы пели веселые песни и были счастливы, как дети...» — вспоминал он потом.

СЛОВООХОТЛИВЫЕ МЕДВЕДИ

Линия маршрута нашей поездки поперек страны оказалась ужасно путаной. Она перечеркивала несколько плоскогорий, местами круто поворачивала назад под острым углом, дважды выписывала замысловатые петли.

Нас обдували ветры многих перевалов. Мы видели по крайней мере сотню озер и еще больше водопадов. Наш путь извивался по десятку долин. В центре страны, неподалеку от Ютунхейма, мы неожиданно пересекли ветвь Согне-фиорда — так далеко протянулась в пределы горного мира голубая рука океана.

Но не пора ли кончать главу о горах и долинах Норвегии? Нам предстоит еще знакомство с западным побережьем и севером «длинной страны», не похожим на ее восток и центр. Поэтому задержимся на плоскогорьях еще несколько страниц для знакомства с Пекки и Лиссой и для разговора на озере Ванг, а потом без промедления пустимся дальше.

Церкви в Боргунде — за семьсот лет. Присмотритесь: она вся из дерева, даже крыша из дранок...

Чтобы попасть к горному озеру Ванг, скатываемся из горной мшистой тундры в яблоневые сады долины. Едем мимо древней деревянной церкви в Боргунде, поставленной в XII веке и готовой на радость туристов простоять еще долгие годы — так крепко ее построили и надежно просмолили. Едем вдоль крутых склонов, где крестьяне окучивают картофель, пятясь в гору — иначе осыпается земля вдоль косогоров,— где сено возят на

легких санках, потому что любая повозка тут перевернется колесами вверх. Едем над веселой речкой, где устроены платные мостки для рыболовов, разыскиваем глазами старую дорогу, проглядывающую кое-где сквозь поросль кустарника замшелыми насыпями и каменными устоями разрушенных мостов.

Ивар, сложив руки рупором, выразительно трубит. По этой древней дороге ездили из Восточной Норвегии в Западную короли, рыцари, ездили и гонцы — основатели славной профессии почтальонов, к которой имеет честь принадлежать Ивар. Еще не доезжая до постоялого двора, гонец трубил в рог, вот так — Ивар оглашает трубным звуком автобус,— чтобы ему поскорее приготовили смену лошадей.

Тем временем вдоль нашей дороги замелькали одинаковые плакаты — два медведя и подпись: «Пекка и Лисса». Реклама порошка, предохраняющего меха от моли? Приглашение посетить зоопарк? Но в Норвегии закон запрещает держать диких зверей в неволе и особенно получать деньги за их показ.

Ага, вот и разгадка! Пекка и Лисса — два раскормленных бурых медведя. Они разгуливают за большой бетонной оградой, над которой со стороны дороги натянута мелкая, как сито, металлическая сетка. У сетки — толпа зрителей.

— Скажите, зачем это? — спрашивает Марк, трогая сетку.— Ведь медведь может разорвать ее одним ударом лапы.

— Да,— соглашается один из зрителей.— Но зато вы не можете просунуть сквозь нее фотоаппарат, чтобы сфотографировать медведей. Вам придется купить их фото вон в том киоске.

У киоска красуется огромный щит с надписью на нескольких языках. «Нас зовут Пекка и Лисса, — прочел я,— мы родились в Финляндии». До чего же толковые медведи — собственнолапно написали автобиографию!

«Мы приехали в Норвегию семи месяцев от роду. Нас выпустили в лес, но мы переплыли через озеро Миклеваттен и с радостью зашли в первый попавшийся двор».

Далее словоохотливые медведи рассказывали, как после разных приключений они попали сюда, в этот бетонный загон.

«Здесь нам хорошо,— лицемерно уверяли Пекка и Лисса.— Но как долго это продлится?»

Чтобы читающий плакат не ломал зря голову над смыслом последней фразы, в которой медведи почему-то высказывали неуверенность в будущем, рядом крупными буквами было написано: «Купите один медвежий значок за две кроны. Это наш единственный доход!»

Но не покривили ли медведи душой? Возле их жилища бойко торгует магазинчик, на котором написано, что Пекка и Лисса любят яблоки, апельсины, кексы и шоколад. Соседний киоск прямо-таки завален медвежьими сувенирами: открытками, вымпелами, фарфоровыми тарелками,

Эта открытка куплена в киоске возле обиталища Пекка и Лисса. Медведи сняты еще в юные годы....

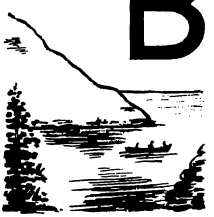
вышивками по шелку. И всюду — Пекка и Лисса. Их изображение красуется даже на игрушечном ночном горшочке.

Но чьи же все-таки Пекка и Лисса? Кто их благодетель и кормилец? Оказывается, господин Нюстюен, которому принадлежит и земля, огороженная бетоном, и ближайшее озеро, и магазинчики.

Нарушает господин Нюстюен закон? Что вы! Звери не в клетке, а на свободе; бетонную же ограду каждый волен поставить на своей земле там, где ему заблагорассудится.

Требует господин Нюстюен деньги с тех, кто смотрит его медведей? Нет, боже сохрани! Это частное дело самих Пекка и Лисса — обращаться к господам туристам с просьбой о двух кронах...

РАЗГОВОР СО СКАЗОЧНЫМ КОНЦОМ



Ванг лежит в горной котловине. Воды озера спокойны, холодны, прозрачны. Лодки возле пристани приглашают поразмять мускулы после долгого сидения в автобусе. Тропки, уходящие в горы, сулят восхитительные прогулки.

Хозяйка гостиницы «Ванг» заверила нас, что завтра будет хорошая погода. Ивар Андерсен фыркнул и тут же рассказал о владельце гостиницы, которому удивительно помогало эхо. Если постояльцы, глядя на хмурый закат, собирались уезжать, то хозяин приглашал их на крыльцо и, сложив руки трубой, вопрошал:

— Будет завтра хорошая по-го-да?

И эхо отвечало весьма членораздельно:

— Хорошая по-го-да-а-а...

Как-то один из гостей, довольный предсказанием, крикнул:

— Спасибо! Хочешь рюмочку?

— Да! — радостно и громко ответило «эхо».

...Хозяйка сдержала обещание — погода на другой день в самом деле была как по заказу.

Досыта нагулявшись в горах и накатавшись в лодках, мы собрались вечером в зале гостиницы. Задымили трубки, появился кофе, потом бутылка зеленоватого старого ликера. Лица раскраснелись, обычная сдержанность исчезла.

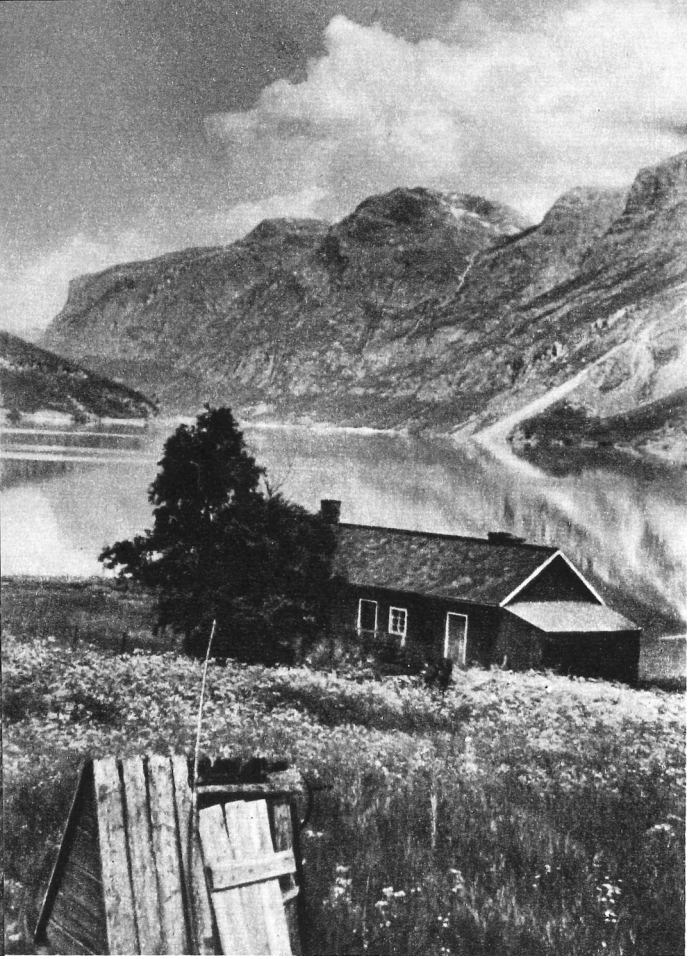
— Скажите, что вы думаете о Норвегии? Вы, конечно, представляли ее совсем другой, верно? — спросил, подмигивая мне, датчанин, о котором мы знали, что он — владелец маленькой фабрички с двенадцатью рабочими.

— Почему? — удивился я.— У нас довольно много книг о Норвегии, ее фиорды столько раз описывались...

— Нет-нет, я не о том! Ну вот вы, наверное, думали увидеть тут всюду жирных ужасных капиталистов, которые только и делают, что душат несчастных рабочих...

Ах, вот он о чем! Другие наши спутники внимательно прислушивались к разговору.

— А разве в Норвегии уже нет капиталистов?



Горное озеро Ванг.

— Это нельзя отрицать,— серьезно ответил датчанин.— Но они хотят счастья и процветания рабочим...

— Тогда почему же рабочие бастуют? — вмешался Марк.— Я читал о забастовке строителей. Бастовало, если не ошибаюсь, двадцать четыре тысячи человек. Потом бастовали шестнадцать тысяч рабочих целлюлозно-бумажных заводов. А полицейские? Ведь даже полицейские забастовали в Осло, требуя прибавки. Правда, им пригрозили, что лишат их формы и навсегда запретят служить в полиции, и они быстро сдались. Потом бастовали штурманы. Потом...

— Человек никогда не бывает доволен тем, что имеет,— прервал его со вздохом датчанин.

Марк заметил что акционерные компании норвежских и иностранных капиталистов, напротив, могут всем быть довольны — они выплачивают владельцам акций большие деньги из своих огромных прибылей.

— Но не будете же вы отрицать, что и рабочие тоже стали жить лучше! — несколько нервно перебил датчанин.

Тут разговор стал общим. Среди наших собеседников не было единодушия. Однако все подтвердили, что норвежские рабочие живут сейчас действительно лучше, чем лет двадцать или тридцать назад, когда в Норвегии была слаба промышленность и ее считали бедной страной.

Но верно и то, что цены на продукты не уменьшаются, а растут. Недавно опять вздорожали мясо, кофе, маргарин. За последние семь—восемь лет цены на продукты, одежду, топливо выросли в полтора раза. Повысилась плата за телефон, за проезд в метро, поднялся в цене бензин. А разве налоги уменьшаются? Или плата за квартиру?

Ивар Андерсен, весельчак и балагур.

— Господа! Нельзя забывать о том, что маленьким странам тяжело тратить много денег на оборону,— вздохнул датчанин.— Но нам приходится это делать.

Мы знали, что сейчас наш собеседник заведет речь про хорошую НАТО и неизвестную плохую страну, которая угрожает бедной Норвегии и Дании. Это был бы еще один вариант сказки про белого бычка, и мы перевели разговор на другое. Ну, вот, допустим, сколько получает наш друг Ивар, если это не секрет, и на что тратит деньги?

— Шестьсот семьдесят крон в месяц,— говорит Ивар.— Налог — семнадцать процентов. За квартиру не плачу — домик строил сам, вот этими руками. Сам взрывал камень, делал двери, окна — всё. Правда, это далеко за городом.

— Ну, а как у соседей?

— По-разному.

Начинаются сравнения. Хороший рабочий получает 800—900 крон, очень хороший — 1000—1100, даже 1200 в месяц. При таком заработке налог выше, уже до тридцати процентов. И не все сами умеют строить дома, приходится дорого платить за квартиру...

Пенсии? Надо сначала дожить до семидесяти лет. Пенсия не велика, но все же жить можно. Выплачивается она наполовину из тех денег, которые сам же трудящийся вносил в ту пору, пока работал.

А как при безработице? Оказывается, плоховато. Небольшое пособие выдается только первые три месяца безработицы. А дальше?..

Разговор затянулся надолго.

Мы даже поспорили — без особой, впрочем, горячности, потому что спорить, собственно, было не о чем.

Люди живут, работают. В одних семьях сводят концы с концами да еще понемногу откладывают в банке кроны на «черный день». В других — залезают в долги. Одним посчастливилось получить квартиру в новом доме, другие годами терпеливо ждут очереди. И, хотя наш спутник-датчанин уверял, будто норвежские капиталисты только и знают, что пекутся о рабочих, эти «неблагодарные» рабочие бастуют, заявляя о своих правах и требуя улучшения своей доли.

Ивар же, наслушавшись датчанина, вдруг как будто ни с того ни с сего стал рассказывать норвежскую сказку. У какого-то короля, видите ли, была дочь, которую никто не мог переврать. Какую бы чушь при ней ни рассказали, она кивает головой: «Да-да, так бывает»,— и тотчас принимается плести еще бо́льшую небылицу.

И вот король объявил... гм! Ну, мы бы теперь сказали — конкурс вралей. Пусть, мол, кто-нибудь придумает такую невероятную штуку, чтобы королевская дочка сказала: «Этого не может быть!»

Многие врали пробовали и отступали. Однажды пришел к королевской дочери крестьянский парень. Стал он ей рассказывать про скотный двор,

где с одного конца не видно другого. «Бывает, бывает, твоя правда! — кричит та.— У нас вон скотный двор такой, что, пока корова с теленком из одного конца в другой идет, теленок вырасти успевает».

Много небылиц перебрал парень, да все попусту. Совсем уже бедняга выдохся, пот рукавом обтирает.

«Слушай,— говорит он под конец,— как-то раз иду я по полю, вдруг слышу — в мышиной норе кто-то кричит. Ну, остановился, смотрю. Это, оказывается, моя мать туда провалилась, а твой отец въехал в нору верхом на коне, подал ей руку и старается вытащить. А она...»

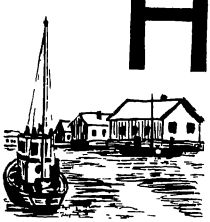
«Не может быть! — закричала королевская дочь и даже ногами затопала.— Так не бывает, не бывает! Станет мой отец мужичке помогать из беды выпутываться! Этого не может быть, не может быть!»

Рассказав это, Ивар взял под руку жену и заторопился к двери:

— Спать, спать! Хорошей ночи!

От мыса Линнеснес...

«ЮЖНАЯ СТРАНА»



На юге Норвегия начинается мысом Линнеснес. Узким языком он далеко высовывается в море.

Норвежцы называют примыкающее к мысу побережье «южной страной». Они приезжают сюда отдыхать, так же как у нас ездят отдыхать в Крым или на Черноморское побережье Кавказа. В «южной стране» далеко не так жарко, как на нашем юге, но справочники уверяют, что она — рай для туристов, «с мягким климатом, теплым и соленым морем».

Почему особо оговаривается, что море здесь — соленое? Потому что чем солонее вода, тем лучше она держит неопытного пловца. Солоны все моря, но в одних морях соли в воде больше, в других — меньше.

Кстати, если вы вообще не знаете, почему море соленое, то легко можете узнать это из норвежской народной сказки.

Жили два брата, богатый и бедный. Бедняк иногда заходил к богатею съесть тарелку похлебки. Тот был очень жадный и задумал отвадить гостя раз и навсегда. Как-то показывает брату окорок:

«Хочешь, отдам тебе?»

Еще бы не хотеть! У бедняка даже слюнки потекли...

«Только пообещай, что сделаешь так, как я тебе скажу».

Бедняк согласился. Тогда богатей и говорит:

«Так вот, бери окорок и проваливай ко всем чертям!»

Только что произнес он эти слова, как бедняк провалился сквозь землю и угодил прямо в ад, ко всем чертям в гости.

А в аду, оказывается, свинины нет. Черти же до нее большие охотники. Пристают к бедняку:

«Отдай окорок! Отдай окорок!»

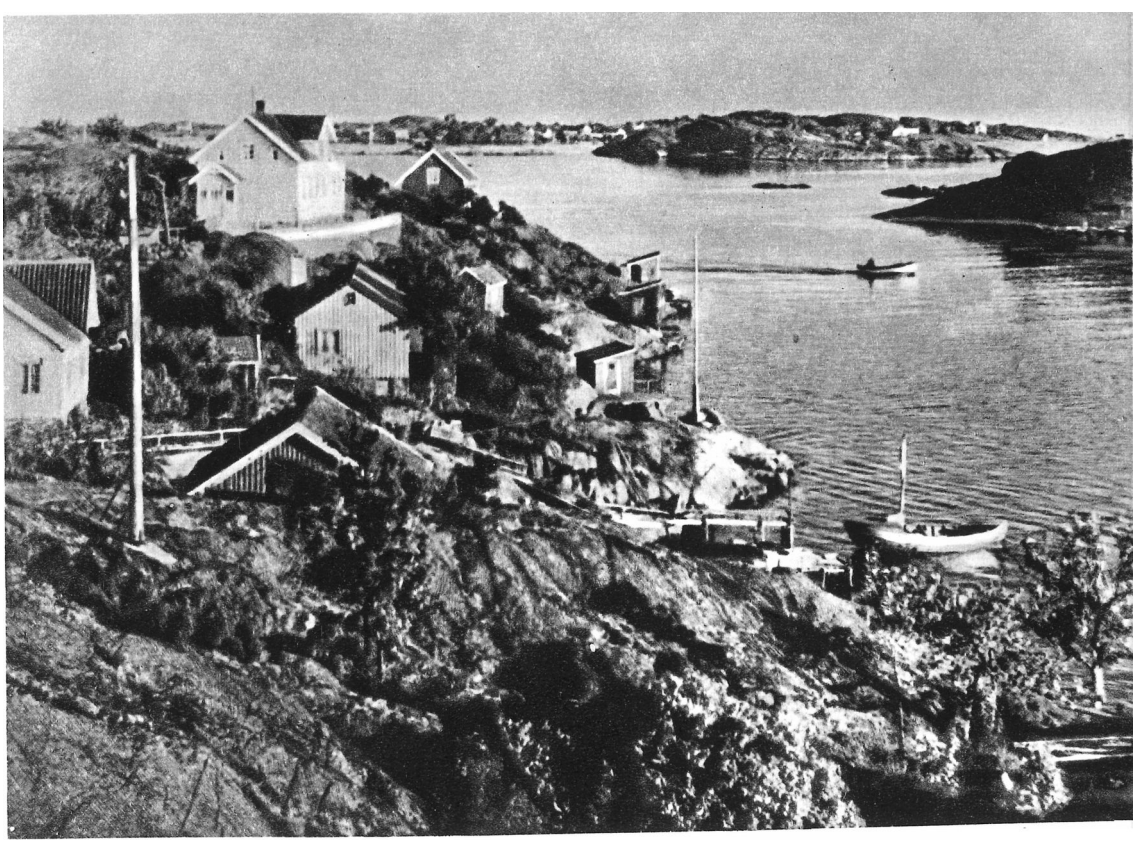
Тот перепугался, прижимает окорок к себе. Тогда один из чертей говорит:

«Ладно, вот тебе в обмен чудесная мельница. Что прикажешь, то она тебе и смелет. Забирай ее — и живей отсюда!»

Ну, бедняк не заставил себя дважды просить. Верно, мельница оказалась чудесной: прикажи ей — и она из воздуха начнет муку молоть, только мешки подставляй.

Узнал об этом брат-богатей, пришел к бедняку и требует:

В «южной стране» любят белый цвет.



«Отдай мельницу — ведь ты ее на мой окорок обменял. Смотри, судья тебя все равно заставит отдать, да еще и накажет, как вора!»

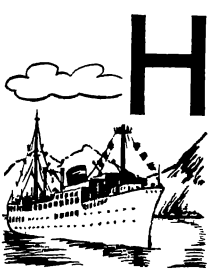
Ну что бедняку делать? Пришлось отдать. Богатей купил корабль, поставил на него мельницу и приказал, чтобы она молола соль. Дело-то происходило давно, соль тогда ценилась, как серебро. Богатей поднял паруса и отправился в дальние страны, чтобы продать там то, что мельница намелет во время плавания. Она знай работает, уже и трюмы полны, а жадному кажется, что все мало, все мало... До тех пор мельница молола, пока от тяжести корабль не пошел на дно вместе с хозяином.

Чертова же мельница и сейчас на дне. Мелет и мелет без устали, все моря просолила...

Берег «южной страны» весел и наряден. Норвежцы, как и шведы, обычно красят дома в темно-красный цвет. Но возле мыса Линнеснес предпочитают белый. Маленькие белые городки и деревушки, построенные еще моряками парусного флота, прикрыты с моря поясом шхер. Светлые дома, стоящие у моря на берегу удобных гаваней, это «шкипер хус» — «домики шкипера». Их фасад открыт морским ветрам, а со стороны суши упрятан в зелень сада.

Под потолком такого «шкипер хус» висит искусно сделанная модель корабля, на котором бороздил моря его хозяин; красивые раковины, кокосовые орехи, японские лакированные коробочки и всякие безделушки из дальних стран занимают самое почетное место в комнате, где ушедший на покой моряк молчаливо сосет свою трубку и листает книги о морских приключениях.

ТАМ, ГДЕ СКЛАДЫВАЮТ «СТЕВ»



На северо-восток от мыса Линнеснес портовые и рыбацкие городки тянутся вдоль побережья до Осло.

Возле самого большого из них — Кристиансанна — начинается долина Сетесдал. Знатоки уверяют, что всего два поколения назад люди в ней жили почти так же, как и в средние века. Убийство из мести считалось самым обычным делом. Обиду можно было смыть только кровью. В хижинах добрых христиан «на всякий случай» хранились изображения древних языческих богов.

До постройки горной дороги — а это случилось не так уж давно — только узкие тропки соединяли долину с остальным миром. Повстречав

на такой «муравьиной» тропе соседа, ведущего под уздцы вьючную лошадь, сетесдалец должен был прижиматься к скале, чтобы животное могло обойти его.

Когда рослые парни из Сетесдала спускались в Кристиансанн, прохожие косились на их штаны со смешными кожаными заплатами, но прятали улыбки: у каждого сетесдальца на поясе болтался нож. Волосы сетесдальцы носили длинные, и одна прядь зачесывалась со лба на ухо. Как вы думаете: зачем ее заботливо отращивали? По старинному обычаю, за эту прядь полагалось хвататься во время борьбы!

До сих пор в Сетесдале есть хижины с очагом посредине, дым которого уходит через отверстие в крыше. Этим, разумеется, гордиться не стоит; но зато вместе со стариной в быту здесь сохранились старинные народные костюмы, надеваемые на праздники. Самое же главное: сетесдальские парни и девушки сохранили искусство складывания «стев».

«Стев» — что-то вроде нашей частушки. Это коротенькая песенка. В ней всего четыре строчки. Она может быть грустной, когда говорит о неудачной любви, но чаще всего в ней звучит веселая задорная насмешка. Парни и девушки, собравшись потанцевать, поют старые, всем известные «стев» и тут же сочиняют новые, злободневные.

Если тебя задели в частушке — не дуйся, не хмурь брови, а тут же придумай ответную колючую «стев». Вот тогда о тебе скажут: «Этому парню не надо занимать красноречия у пастора».

Юноша поет любимой, которая пошла танцевать с другим:

Слово девушки — вода,
Что бежит по желобку.
Слово парня — это
Камень, положенный в фундамент.

Вот, мол, какое надежное, крепкое слово! Но девушка не остается в долгу. Она поет старую, грубоватую «стев», в которой говорится о судьбе крестьянки, вышедшей замуж:

Жизнь для лошади и мужчины,
Право, не тверже перины!
А самое худшее, по законам,
Достается коровам и женам.

Тогда парень поет о «богатой» невесте, мать которой надела единственный башмак, а босую ногу ловко поджала. Сама же невеста, у которой не было ни одного платья, высунула из двери голову в чистом чепце и пожаловалась, что ей некогда: приданое в сундуках перебирает, боится, как бы моль не съела...

ЕСЛИ БЫ ВДРУГ ПОВЕРНУЛ ГОЛЬФСТРИМ

Вдоль западного побережья Норвегии синь моря на физических картах исчерчена неширокими полосами красных стрелок. Вы знаете: красные стрелки — теплое течение.

Если бы мы с вами захотели проследить путь теплых вод, приносимых к берегам Скандинавии, то начинать пришлось бы с тропиков, от Флоридского пролива, родины всем известного Гольфстрима. Мощные теплые течения, порожденные им, разветвляются в Атлантике. Одна из ветвей Северо-Атлантического течения устремляется на север вдоль побережья Норвегии.

Что и говорить, повезло норвежцам: получили от природы безотказно действующее водяное отопление для целой страны! Сравните-ка зимние дожди Бергена с морозами Олекминска или Магадана, а ведь эти три города стоят примерно на одних параллелях.

Как-то, спустившись с гор в теплынь побережья, мы разговорились о норвежском климате.

— Послушай,— сказал Марк,— а можешь ты представить, что произойдет, если вдруг это водяное отопление испортится? Допустим, течение повернет в сторону?

— Норвежцам придется срочно конопатить стены и вставлять вторые оконные рамы.

— Только-то?

— Ну, пожалуй, яблони вымерзнут...

Марк усмехнулся.

— Я еще мальчишкой читал фантастический роман одного французского писателя о человеке, укравшем Гольфстрим,— сказал он.— Понимаешь, потомок уничтоженных европейцами ацтеков, древних обитателей Мексики, посвятил свою жизнь мщению. Он нашел какие-то быстро растущие кораллы — не помню, как они там называются — и создал коралловые рифы как раз на пути теплых вод. Он украл Гольфстрим у Европы, заставил его повернуть прочь от ее берегов. И что ты думаешь? Я не говорю уже о замерзших гаванях, о снежных заносах, но в Скандинавии начался чуть ли не новый ледниковый период. А ты говоришь — яблони вымерзнут...

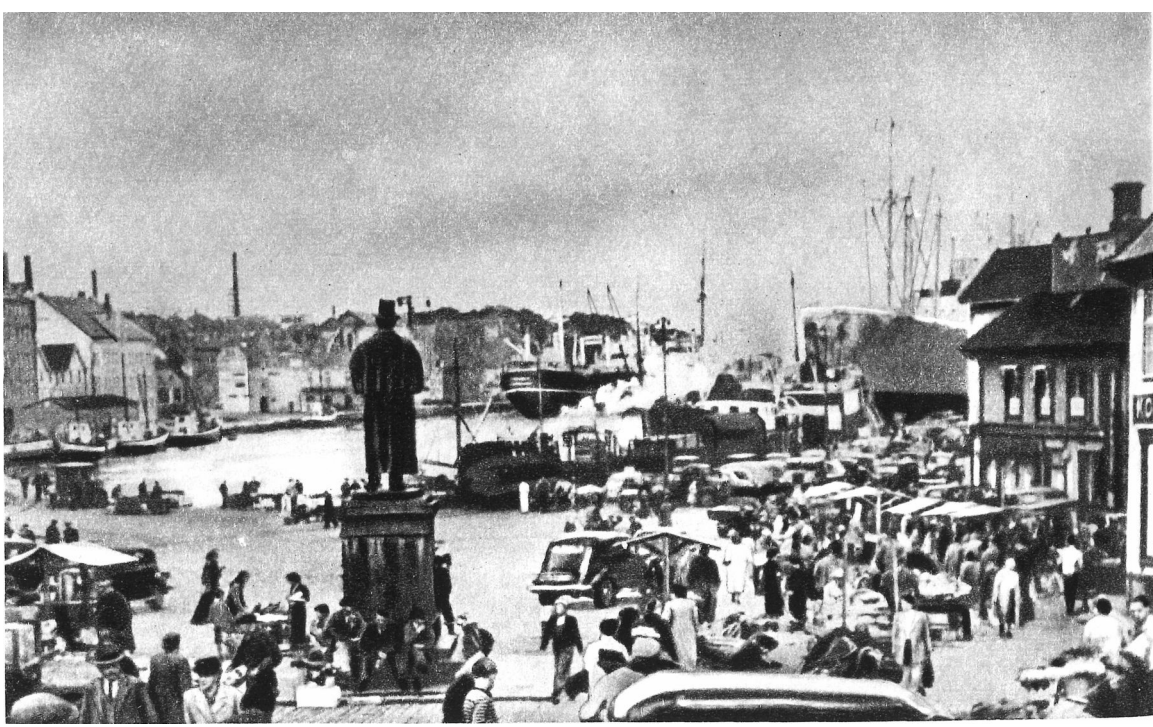
Позже я узнал, что поворот Гольфстрима интересовал не только писателей. Давно уже американские инженеры разрабатывают разные проекты, надеясь когда-нибудь направить теплые воды Гольфстрима вдоль побережья Соединенных Штатов, а холодные воды Лабрадорского течения, напротив, увести от этих берегов подальше. Но получится ли толк из этой затеи — неизвестно.

Пока что могучий утеплитель Скандинавии действует безотказно. Все западное побережье согрето его дыханием. Соседка мыса Линнеснес, каменистая прибрежная равнина Ерен, перепаханная гигантским ледником, не была бы цветущим краем, если бы не теплый, влажный климат. Очистив поля от камней и сложив из них такие изгороди, что и пушкой не пробьешь, крестьяне Ерена выращивают овощи, картофель, разводят сады. Возле ферм, на заросших вереском дюнах, по берегам болот и лагун не смолкает птичий гомон: этот уголок давно облюбован пернатыми — здесь вьют они гнезда и выводят птенцов.

И для расположенных севернее Ерена городов Ставангера и Хаугесунна теплое течение тоже многое значит. Ведь именно благоприятная температура вод привлекает к Атлантическому побережью несметные полчища сельди.

На ее лов съезжаются к Хаугесунну множество рыбаков. В тот год, когда струи течения недостаточно теплы, сельдь не идет к берегу, и ее приходится искать далеко в океане. Тогда падают уловы, и это сейчас же сказывается на жизни Ставангера, потому что в нем около сотни консервных заводов, перерабатывающих дары моря. Именно отсюда расходятся по всему свету коробки с очень вкусными сардинами «брислинг». Гово-

На приморской площади Ставангера поставлен памятник уроженцу этого города, выдающемуся писателю Александру Хьелланну.

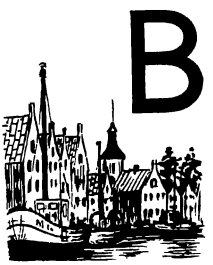


рят, что ни один город в мире не продает столько рыбных консервов, сколько Ставангер. Если же улов плох, то на консервных заводах останавливают машины, и тогда толпы безработных появляются на ставангерских улицах.

Раз уж речь зашла о Хаугесунне, то как не упомянуть, что на безлесном острове, неподалеку от этого города, жил король Харальд Прекрасноволосый. Он первым попытался объединить страну. В его суровое время — это был IX век — меч значил больше, чем слово. Харальд пошел со своей дружиной войной на других викингов и, по преданию, дал обет не стричься до тех пор, пока победа не сделает его королем всей Норвегии. Добиваться этого пришлось долго, и у Харальда успели отрасти прекрасные волосы.

А теперь, после этой маленькой исторической экскурсии, отправимся в Берген. Давний соперник норвежской столицы, второй город страны, он стягивает в свою удобную бухту океанские дороги и господствует на всем западном побережье.

ВСЕГДА ЛИ В БЕРГЕНЕ ИДЕТ ДОЖДЬ!



В Бергене всегда идет дождь — так, по крайней мере, говорят об этом городе.

Уверяют, что при виде человека без зонтика бергенские лошади испуганно шарахаются в сторону.

Рассказывают об иностранце, который недолго жил в Бергене, а несколько лет спустя, встретив знакомого бергенца где-то в Италии, спросил, продолжается ли еще бергенский дождь, неизвестно когда начавшийся и исправно ливший при нем три месяца.

Рассказывают и о голландском капитане, который последними словами изругал лоцмана за то, что тот привел его корабль совсем не туда, куда надо:

«Я нанимал тебя до Бергена, мошенник! Не хочешь ли ты сказать, что этот город и есть Берген? Я был в Бергене пять раз и очень хорошо его помню!»

Напрасно лоцман клялся, что капитан просто не узнал города. Пять раз, как и полагается, лил дождь. На этот же раз случайно выглянуло солнце, а в такую погоду даже старожилы не узнают свой Берген...

Шутка шуткой, но дожди в Бергене действительно часты. Осадков здесь выпадает за год больше, чем под Москвой за несколько лет. Горы, окружающие Берген, задерживают бегущие с океана тучи и заставляют их

Это уголок старого Бергена.

выплакаться над городом. Коньки бергенцу не нужны вовсе, зонтик же он берет с собой даже в январскую непогоду, которую бергенцы метко окрестили «кислой».

Какая в Бергене зелень — сочная, яркая, не знающая пыли на листьях! Как пышны липы и каштаны городских бульваров! Выглянуло солнце после затяжного дождя — и Берген, вымытый, нарядный, всем своим видом говорит: «Чем я хуже столицы? Посмотрите, как удачно застроены мои кварталы по семи холмам, которые в иной равнинной стране считались бы высокими горами!»

Стоит полюбоваться Бергеном сверху, с горы Флон: парки, скверы, восьмигранное озерко в центре, красные черепичные крыши, выглядывающие из зелени по уступам гор,— и рядом белые корабли на синей воде...

Бергенцы всегда держались несколько обособленно от других норвежцев. Да, говорили бергенцы, конечно, есть на свете города и побольше Бергена, но все-таки они — не Берген. Даже речь бергенца заметно отличается от разговора жителей других норвежских городов.

Еще не так давно можно было услышать:

«Вы норвежец?»

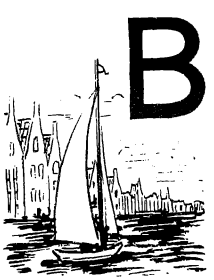
«Нет, я бергенец».

Профессора Бергенского университета и теперь начинают лекцию обращением:

«Господа норвежцы и бергенцы!»

Бергенцы слывут за весельчаков и любят повторять старое изречение: «Пусть будет нам хорошо и пусть никому не будет плохо; а кто думает по-другому, то пусть того заберет дьявол».

ЗДЕСЬ ЖИЛИ ГАНЗЕЙЦЫ



В начале столетия Берген был опустошен страшным пожаром. Огонь бушевал сутки, сильный ветер с моря помогал ему. Когда утихло пламя, то от многих городских кварталов остались дымящиеся головешки да печные трубы.

Именно в этой части разбили потом широкие улицы, застроили их конторами и магазинами с огромными зеркальными стеклами. Так образовался Новый город, похожий на центральную часть многих европейских городов.

Кто хочет убедиться, что Бергену не девяносто, а девятьсот лет — тот идет в порт. Там есть знаменитые Немецкие набережные; впрочем, пос-

ле нашествия гитлеровцев бергенцы называют их просто Набережными. Возле них сохранился уголок старого города.

Вдоль набережной притиснуты друг к другу высокие каменные дома с остроконечными крышами. В этих домах жили ганзейцы. Отсюда жадные щупальца тянулись к рыбацким поселкам побережья.

Ганза — это союз северонемецких городов, который в XIV веке стал захватывать в свои руки торговлю в соседних странах. Ганза не только торговала. Ганзейские купцы, используя силу кошелька и меча, объявляли войны тем, кто им противился.

В Норвегии Ганза облюбовала Берген. Два столетия немецкие купцы чувствовали себя хозяевами в этом городе. Они заставляли норвежских рыбаков привозить в Берген на продажу всю рыбу, выловленную у побережья. Цену купцы назначали сами.

На лучшей набережной ганзейцы построили свои дома и свои церкви. Сами купцы предпочитали долго не задерживаться на чужбине. Дома предназначались для их приказчиков и стражи, охранявшей богатства.

Зайдемте-ка в один из этих домов. Над входом — растрескавшиеся деревянные гномы с длинными бородами и резные дубовые гербы ганзейских купеческих фирм с излюбленной эмблемой — кабаном. Осторожнее, не споткнитесь в полутемных коридорах, не заблудитесь в закоулочках и узких лестницах, не разбейте голову о низкие притолоки!

Так вот где Ганза держала свои богатства! На прибитых к стене оленьих рогах висели кожаные мешочки с золотом. Вряд ли вы увидите еще где-нибудь такие огромные и толстые приходо-расходные книги, какие лежат на деревянных конторках. А гири! Ганзейцы обожали известное правило: не обманешь — не продашь. Одни гири, полегче, купцы клали на весы, когда отпускали зерно; другие, потяжелее,— когда покупали рыбу.

В нижних этажах лежали тюки тканей и пеньки. Сюда же ссыпались пшеница и рожь, которые ганзейцы привозили морем. Своего хлеба норвежцам не хватало, и ганзейцы пользовались этим, угрожая уморить голодом непокорных рыбаков.

Не сладко жилось и купеческим приказчикам. Хозяева понастроили своим верным слугам крохотные каморки с деревянными ящиками вместо кроватей. Юркнув туда, приказчик задвигал за собой дверцу. Так было теплее: купцы, боясь пожара, не разрешали зажигать света и топить печки. Ослушников нещадно пороли — плеть до сих пор висит на стене дома, превращенного в музей.

Купцы запрещали своим служащим жениться. Они считали, что женатому человеку труднее удержаться от соблазна обворовать своего благодетеля.

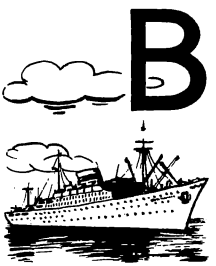
На ночь двери ганзейских домов закрывались тяжелыми замками. И все же молодые приказчики удирали ночной порой из этой тюрьмы че-

рез потайное окошко. Вот и легкая веревочная лестница, по которой они спускались вниз, пугливо озираясь на задремавшего стражника.

В XVI веке Ганза стала слабеть, распадаться. Но немецкое влияние сохранялось в Бергене еще долго.

Оккупируя Норвегию, гитлеровцы думали, что в Бергене, где почти все понимают немецкий язык, их примут лучше, чем в других городах страны. Однако взрывы зданий, где расположились оккупанты, и взлетевшие на воздух в Бергенском порту военные корабли заставили их изменить мнение.

ВО ВСЕ МОРЯ МИРА



Возле старых ворот в южной части Бергена трещат на ветру флаги.

Флаги в Норвегии, да и вообще в Скандинавии, вывешивают часто. Владелец гостиницы поднимает на мачтах флаги тех государств, туристы из которых нашли приют под ее крышей. Маленькие национальные флажки вместе с зажженными свечами ставятся на стол во время торжественного обеда или ужина. В каждом городке есть свои праздники, когда над ратушей и над домами реют красные полотнища, на которых — окаймленный белыми полосами синий норвежский крест.

Но те флаги у южных ворот, о которых я упомянул, не украшены государственной эмблемой. На них написано «Эссо» и «Шелл». Таких государств нет. Зато есть такие американские и английские монополии, торгующие нефтью и бензином.

На старых городских воротах длинная надпись взывала к торговцам, которые через подъемный мост над крепостным рвом ехали на бергенский рынок. Надпись оканчивалась призывом: «О человек, живи честно и слушайся бога!» Тут же, в воротах, с крестьян взимали пошлину.

Теперь рядом с воротами расположены магазины для владельцев автомобилей. Здесь продают бензин. Флаги развеваются возле колонок. Уже не сборщик пошлин с кожаным кошелем, а заученно улыбающийся человек в синем комбинезоне взимает мзду с каждого автомобилиста, продавая ему дорогое горючее. Доход получает при этом не город, а «Шелл» или «Эссо», образовавшие государство в государстве.

«Шелл» и «Эссо» нанимают норвежские корабли, чтобы перевозить свою нефть. В порту у них свои причалы. Там тоже реют знакомые флаги...

Берген — большой портовый город. Сюда, как и во времена Ганзы приходят рыбацкие боты со свежим уловом. На рыночной площади по утрам можно увидеть все, что дает норвежцу море. Живые рыбы плещутся в баках с проточной водой, и продавцы ловко поддевают сачком ту, которая понравится покупателю.

Над мачтами рыбацких суденышек возвышаются борта океанских кораблей. У этих гигантов — норвежские названия. Норвегия — сильная морская держава, и слава норвежских моряков прочно удерживается чуть не со времен викингов.

В Норвегии около трех тысяч морских судов. Пожалуй, если сильно потесниться, то чуть не все норвежцы могли бы сесть на эти корабли и отправиться в плавание... Только у Англии и Америки торговый флот больше, чем у Норвегии.

Зачем же маленькой стране столько судов? Англичан всегда считали морской нацией, но на каждого англичанина приходится в четыре раза меньше тоннажа, чем на каждого норвежца. Может быть, для норвежского народа надо привозить очень много грузов по морю?

Нет, уже с давних пор большинство кораблей, плавающих под норвежским флагом, вообще подолгу не заглядывает в родные порты. Норвежский торговый флот прозвали еще в прошлом веке «морским извозчиком». Он за деньги перевозит грузы для других стран. Норвежские корабли плавают и в Заполярье и в Африку. Они возят апельсины из Калифорнии и уголь со Шпицбергена. За границей охотно поручают норвежцам перевезти груз: все знают, что норвежские моряки — одни из лучших в мире.

Новейшие корабли, построенные в Норвегии и за границей по заказам норвежских судовладельцев, нарядны и быстроходны. Да иначе и нельзя: кто же будет нанимать для перевозки грузов «морские калоши»? В море ведь тоже конкуренция: отдадут груз другому кораблю — значит, у судна простой, у господ судовладельцев снижение прибыли.

Я бы не сказал, что суда, плавающие вдоль берегов самой Норвегии, выглядят так же нарядно, как их океанские братья. Вот у бетонного причала разгружается маленькое суденышко, старое, помятое. Из трюма появляется разный хлам: потертый плюшевый диван, какие-то железные трубы, доски. У этих причалов нет ярких плакатов, тут тихо и пустынно. Двое подгулявших моряков бредут, спотыкаясь и пугая нахохлившихся голубей, которые роются в обрывках бумаги.

Для норвежского моряка корабль — суровый мир. Годами без семьи, в чужих морях, в чужих портах возит моряк чужие товары ради того, чтобы росли прибыли господ Вильгельма Вильгельмсена, Фреда Ольсена, Вестфаля Ларсена и других миллионеров — владельцев пароходных компаний... Норвежец любит море, но иногда проклинает его. Море поглотило немало жертв. В последнюю войну чуть не половина норвежских

судов была пущена на дно, и много льноволосых ладных парней нашли там могилу.

Бывает, что норвежский моряк из-за болезни, несчастного случая или еще почему-либо попадает за границу в беду — как говорят, «садится на мель». В самых больших иностранных портах есть конторы, которые должны помочь такому моряку найти пристанище. Но недорогих общежитий, как мне сказали, пока открыто в четыре раза меньше, чем портовых миссионерских пунктов, где моряку проповедуют слово божье и бесплатно дают библию в недорогом переплете.

Впрочем, не совсем бесплатно. Моряки дальнего плавания сами вносят часть денег на улучшение своей жизни. Профсоюз моряков добивался, чтобы такие взносы делали судовладельцы. Но не вышло: те согласились из своих миллионных прибылей вносить только такую же сумму, какую способны вносить сами моряки.

ДВА НОРВЕЖСКИХ ЯЗЫКА

Уроженец Бергена, великий писатель Лудвиг Хольберг писал пьесы не на норвежском, а на датском и латинском языках.

Он родился в конце недоброго для Норвегии XVII века. Утратившей независимость страной управлял тогда датский король.

Родители Лудвига Хольберга были людьми небогатыми, а когда все их имущество сгорело при сильном пожаре, то семья узнала безысходную нужду. Десяти лет маленький Лудвиг остался сиротой. Для него начались годы скитаний. Лудвигу хотелось учиться и путешествовать. Без денег путешествовать можно только пешком. Хольберг так и делал, а на пропитание зарабатывал игрой на флейте. Иногда ему приходилось просить милостыню.

Хольберг обошел пешком многие города Дании, Германии, Англии, Голландии, Франции, Италии. К зрелым годам он говорил чуть не на десяти языках, многому научился и сам смог читать лекции в Копенгагенском университете. А главное, он прекрасно узнал народную жизнь и научился ненавидеть тунеядцев.

Взявшись за перо, Хольберг написал поэму об острове, на котором честные люди бедствуют, а управляющий, поп и пономарь, захватившие власть, грабят их, как самые настоящие разбойники.

Затем стали появляться комедии Хольберга, принесшие ему славу одного из величайших сатириков XVIII века. В них он бичует и высмеивает

невежество, предрассудки, тупость дворянства, жадность священников, ничтожество людишек, рабски преклоняющихся перед всем иноземным и презирающих свою родину. Датская столица и быт ее обитателей показаны в этих пьесах очень ярко. Потом говорили, что если бы Копенгаген в XVIII веке совсем исчез с лица земли, то его тогдашний облик и быт легко было бы восстановить по комедиям Хольберга.

Великий драматург написал роман о подземном царстве, в которое попадает бергенский студент Нильс Клим. Однако подземные страны, удивлявшие Нильса Клима, очень похожи на те наземные, которые Хольберг повидал на своем веку. В одной из них люди пуще глаза берегут ключи от сундуков, а вместо молитв твердят в церквах таблицу умножения, помогающую вычислять проценты на капитал. В другой стране все высшие должности захвачены безголовыми, причем дела в этой стране идут не хуже, чем в тех государствах на земле, где царствуют люди с коронами на головах.

Врагов у Хольберга было много, и они требовали даже, чтобы его «лживые и противохристианские описания, направленные на посрамление предков и потомков», были сожжены на костре королевским палачом...

Норвежец Лудвиг Хольберг, как я уже сказал, писал на датском языке, а иногда и на латинском, для того чтобы пьесы легче было переводить на другие европейские языки: латынь ученые знали всюду.

В те годы по-датски писали многие норвежцы. В этом не было ничего удивительного. Страна находилась под властью Дании, и законы для нее издавались в Копенгагене. Судьи говорили по-датски. Священники служили в церквах на датском языке. Книги печатались на нем же.

Когда в начале XIX века Норвегия освободилась от датского засилья, то оказалось, что в стране нет единого, общего языка. На одном писали стихи и романы, играли в театрах, сочиняли деловые бумаги. На другом говорили на фермах, в рыбацких деревушках. Третьим, смесью датского книжного языка и норвежского народного, пользовались жители больших городов.

Получалась изрядная путаница. Из каждых ста жителей страны девяносто девять были коренными норвежцами, и все же они разговаривали и писали так, что не всегда хорошо понимали друг друга.

Как же быть? Поэт Хенрик Вергеланн говорил, что надо смело обогащать датский литературный язык норвежскими народными словами. Другой поэт, Вельхавен, возражал ему, находя, что простонародная речь норвежца слишком груба, для того чтобы стоило вводить ее в изящную литературу.

Тем временем в города из деревень, с ферм приезжало все больше крестьянских парней и девушек, чтобы поступить на фабрики. С каждым годом из языка горожан датские книжные слова все сильнее вытеснялись народными норвежскими.

Вот этот-то уже сильно изменившийся городской язык, полудатский, полунорвежский, и назвали «риксмолом». На нем написаны пьесы Ибсена и Бьёрнсона.

Но почти одновременно появились стихи и пьесы, написанные на «лансмоле» — на народном норвежском языке, на языке жителей гор и побережья фиордов.

Споры о языке продолжались десятилетия и не закончены до сих пор. Образовались партии лансмола и партии риксмола, а также партия «примиренцев», которая говорит, что правильнее всего сблизить оба языка, чтобы получился один, общий.

Но пока норвежцы все еще пишут и говорят по-разному. В школах западного побережья преподают, например, лансмол как родной язык, но тамошние школьники читают приключенческие книги, напечатанные в Осло на риксмоле...

ДЕТСТВО ЭДВАРДА ГРИГА

Из Бергена ездят «к Григу».

Великий норвежский композитор родился в этом городе. Он прожил много лет и умер в небольшом доме вблизи Бергена.

Этот загородный дом стоит на мысе Трольхауген — «холме троллей». Вокруг — камень, темная зелень, всплески волн большого озера.

Дом похож на зимнюю дачу; сбоку что-то вроде башенки. В большой светлой комнате — рояль. Пальцы Эдварда Грига касались его клавиш, и чудные звуки рождались под сводами, чтобы, радуя людей, разнестись потом по концертным залам всех стран мира. Здесь природа Норвегии и сама душа норвежского народа раскрывались в музыкальных образах — и не потому ли, по словам Петра Ильича Чайковского, Григ сумел сразу и навсегда завоевать русские сердца? В музыке великого норвежца есть, говорил Чайковский, «что-то нам близкое, родное, немедленно находящее в нашем сердце горячий сочувственный отклик».

От дома дорожка ведет к озеру. Там, под горкой,— маленькое строеньице, похожее на хижину рыбака. Вокруг пышно разрослись папоротники, деревья сомкнули кроны над черепичной крышей. Эдвард Григ проводил здесь многие часы, слушая вечные песни воды и леса.

У стены — пианино (рояль занял бы почти всю хижину), рабочий стол придвинут к оконцу, жестковатый диван — вот, кажется, и все, что есть в хижине, где особенно любил работать великий композитор.

В этой маленькой хижине работал великий Эдвард Григ.

Неподалеку от хижины волны бьют в большой камень. Григ часто сидел на нем вечерами, любуясь пламенем заката. Ветер трепал длинные седые волосы, чайки вились над неподвижной фигурой старого человека, любившего вспоминать в эти закатные часы далекое свое детство...

Мать начала учить Эдварда музыке, когда ему не было еще шести лет. Она строго требовала разучивания гамм, а мальчику хотелось самому «выдумывать» музыку. Чего греха таить — он ленился повторять упражнения, за что, став взрослым, часто укорял себя.

В бергенской школе опоздавших учеников не пускали в класс до первой перемены. Но часто опаздывавшего Эдварда отправляли домой даже после этой перемены: бедняга по дороге в школу ухитрялся так промок-

нуть под дождем, что вода с него лилась ручьями. Было бы просто жестоко оставлять мальчика в классе мокрым. А жил Эдвард далеко и вернуться в школу переодетым успевал только на последние уроки.

Но однажды мальчик явился в школу мокрешеньким, хотя за окном светило солнце. Эдвард слишком понадеялся на вечный бергенский дождь, а тот перестал барабанить по крышам как раз в те минуты, когда мальчуган терпеливо мок под водосточной трубой возле дома, рассчитывая обычным способом отделаться от урока.

Отметки маленького Эдварда не были блестящими. Лишь однажды на экзамене по истории ему повезло: учитель спросил про Людовика XIV, и это было как раз то, что Эдвард успел вызубрить. Учитель не верил ушам, слушая, как без запинки барабанит ответ ученик, отнюдь не отличавшийся прилежанием. Однако историк был человеком справедливым.

«Верно! — воскликнул он.— Тебе следует поставить единицу!».

(Не ужасайтесь: в норвежской школе другие отметки, чем у нас. Единица там — самый высший балл, а пятерка ставится тому, кто ровно ничего не знает.)

В школе Эдвард Григ чаще сидел над нотной тетрадкой, чем над тетрадью по алгебре. За это ребята прозвали его «Моцарком» — так они переделали фамилию композитора Моцарта. Учитель немецкого языка, обнаружив, что Эдвард на уроке уткнул нос в заветную нотную тетрадку, пребольно схватил его за вихор:

«В другой раз бери в класс немецкий словарь, а эту дрянь оставляй дома!»

Эдварду исполнилось пятнадцать лет, когда в гости к отцу приехал знаменитый норвежский скрипач Уле Булль. Он смешил всех остротами, много смеялся сам, но сразу стал серьезным, прослушав, как Эдвард сыграл на фортепьяно свою музыкальную пьесу.

«Ты должен стать музыкантом»,— сказал Булль.

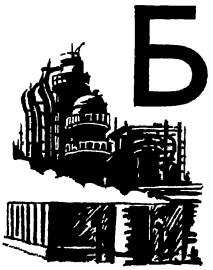
Этот вечер определил судьбу Эдварда. Его отправили в Лейпцигскую консерваторию, потому что своей консерватории в Норвегии раньше не было. Впрочем, ее нет и теперь, как нет и постоянного оперного театра.

В консерватории с юного Эдварда всю лень как рукой сняло. Но он отставал от товарищей. Чудес ведь не бывает: пропущенное все равно приходится догонять, раньше или позже. И долгие годы после окончания консерватории Григ работал с редкостным упорством.

За два года до смерти, в 1905 году, когда Эдварду Григу было уже больше шестидесяти лет, он писал о своем детстве: «Будь я в те времена прилежен, следуя любовному, хотя и строгому руководству матери, я бы впоследствии легче преодолел многое».

Могила великого композитора необычна: это пещера в скале неподалеку от его дома. Вход завален камнем. На нем высечено имя, которое проживет дольше самого крепкого камня.

«ЗАПАДНАЯ СТРАНА»



Берген — центр растянувшейся вдоль атлантического побережья «западной страны», которую можно назвать и страной фиордов.

Как-то во время поездки на пароходе один из пассажиров пригласил нас запросто навестить его. Я спросил, где он живет.

— О, не так далеко: в Марифьёре, на берегу Каупне-фиорда.

— Признаюсь, не слышал о таком.

— Видите ли, это ветвь Лустер-фиорда.

— Гм... Лустер-фиорд?

— Именно. А Лустер-фиорд ответвляется от Ордальс-фиорда. Это в западной части Согне-фиорда.

Уф! Наконец-то знакомое название!

Фиордов в Норвегии великое множество. Весь западный берег иззубрен, источен этими узкими глубокими морскими заливами с круто обрывающимися берегами. От главного фиорда отходят боковые, те, в свою очередь, ветвятся на еще более мелкие.

Вдоль этого растрескавшегося побережья над водой поднимаются большие и малые острова. Норвежцы прозвали их «детенышами». Вокруг большого острова выставляют из воды спины десятки островов поменьше. Облизанные волнами, мокрые, блестящие, они действительно напоминают детенышей неведомых морских животных. Около ста пятидесяти тысяч таких каменных островков «купаются» в синем море возле Норвегии.

Большие фиорды, которые начинаются уже за Ставангером, давали приют кораблям викингов. Отсюда искатели приключений уходили в дерзкие походы через океан. Теперь возле бухт «западной страны» их потомки ловят рыбу и разводят сады. Вдоль берегов Хардангер-фиорда, над которыми голубеют вечные ледники, весной пышно цветут яблони, сливы, груши.

Скалы Норвегии не везде круто обрываются к морю. В «западной стране» вдоль моря во многих местах тянется неширокая полоса равнины. Норвежцы называют ее «странфлатом». Она немного приподнята над уровнем моря. Не будь «странфлата», рыбаки лепили бы свои хижины по скалам, наподобие ласточкиных гнезд.

В «западной стране» возле гидростанций, построенных на обузданных водопадах, работает много фабрик и заводов. В электрических печах металлурги сплавляют железо с хромом и марганцем. На других заводах с помощью электричества получают легкий алюминий. Гидростанции на

Марифьёра, поселок на берегу фиорда...

водопадах дают такую дешевую энергию, что норвежцам выгодно привозить на морских пароходах алюминиевое сырье издалека, из чужих стран.

Есть в «западной стране» также заводы, выплавляющие никель, цинк и другие металлы. Тут работают предприятия, которые с помощью электрической энергии делают удобрения из азота, содержащегося в воздухе. В другом виде сырья, нужного таким предприятиям, Норвегия тоже не испытывает недостатка: это обыкновенная вода.

Подобные заводы есть и в нашей стране.

Часть заводов, построенных на норвежской земле, принадлежит английским, французским и канадским капиталистам. Такова уж природа капиталистического мира, где доллар, фунт стерлингов, франк довольно легко проникают через границы государств и пускают цепкие корни в чужой стране.

ЧАЙКИ И «ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК»

...Черная вода фиорда мелькнула между скал. Мы спускались к нему из горной долины.

Нет, вода не была черной. Это отражались в ней стены темного камня, стиснувшие фиорд.

Мы въехали на улицу небольшого поселка. Над его домами нависла чудовищная скала, вершину которой скрывали тучи. Оторвись от нее кусок — несдобровать домикам. Но мест получше, поспокойнее вокруг нет. Тут хоть под скалой, да зато почти на ровном месте, а кругом — только горы, отвесно обрывающиеся в фиорд.

В поселке предстояло дождаться парома. Мы побрели по главной улице, упиравшейся в пристань. Возле магазинов и лавочек, торгующих сувенирами, слонялись туристы. Длинная очередь машин вытянулась от паромного причала.

Был час отлива. Обнажилась узкая каемка скользкого, каменистого

...и другой поселок тоже на берегу фиорда, но уже не в таком веселом месте, как Марифьёра...

дна с желтовато-бурыми водорослями. Мальчишки, засучив штаны, шарили под камнями. Они искали какую-то морскую живность.

В деревянных домиках вдоль берега жили рыбаки. На окнах пестро цвела герань, высаженная в жестяные консервные банки. Женщина, устало склонившаяся над шитьем, не подняла глаз, когда мы, проходя мимо окна, приподняли шляпы.

Марк спросил старика в синем выцветшем комбинезоне, грызшего пустую трубку на скамейке возле хижины, какова глубина фиорда.

— Семьсот,— сказал старик.

— Метров? — невольно задал я лишний вопрос.

Старик промолчал. Марк, нисколько этим не обескураженный, вынул блокнот и после десятка вопросов, на которые старик ответил десятью односложными словами или кивками головы, выяснил, что фиорд никогда не замерзает и что воду с его поверхности можно пить. Марку хотелось поподробнее узнать: как же, мол, так, ведь фиорд — морской залив, откуда же в нем пресная вода? Но у старика явно не было желания продолжать беседу. Он уже истощил весь положенный ему на день запас красноречия...

Мне вспомнился шутливый рассказ о трех братьях-волшебниках, живших когда-то в Норвегии. Однажды старший брат вышел из своего горного убежища на свет божий. Дул ветер, моросил дождь. «Скверная погода»,— сказал волшебник и скрылся внутрь горы.

Прошло лет сто, и из соседней горы вышел второй брат. «Кто здесь расшумелся из-за погоды?» — сердито спросил он и, не дожидаясь ответа, ушел в свои покои.

Не прошло еще каких-нибудь ста лет, как третий брат решил вмешаться в разговор. Он вышел из своего горного чертога красный от гнева и, еле сдерживаясь, сказал достаточно громко, чтобы его услышали братья: «Если вы не прекратите шум и несносную болтовню, я перейду в соседнюю гору».

Будь старик с изгрызенной трубкой итальянцем, он, оживленно жестикулируя, рассказал бы нам, что в фиорд падает с гор много потоков, вливается уйма речек. Пресная вода легче морской, и она растекается поверху не толстым слоем. Он добавил бы, что, конечно, ветер, подняв волну, легко мог смешать ее с морской. «Но, синьоры, вы сами видите, что в узких фиордах, защищенных высочайшими каменными стенами, сильные ветры — редкость, большая редкость...»

Да, примерно так ответил бы нам итальянец. Но наш собеседник был норвежцем, и он лишь молча показал рукой на водопад.

Мы вернулись на пристань как раз к приходу парома. Издали он мало отличался от обыкновенного парохода, только на нижней палубе было много свободного места для автомашин. Назывался паром так же, как и фиорд, который предстояло увидеть его пассажирам,— «Гейрангер».

...Чайка схватила «Золотой ключик»!

Едва мы отчалили, как над паромом закружились чайки. Я заранее запасся хлебом и теперь мог вступить с птицами в самые дружеские отношения.

...Чайки подлетали всё ближе. Они кричали громко и требовательно. На птичьем языке это, наверное, означало: «Бросай кусок! Да бросай же, мы поймаем на лету! Бросай, говорят тебе!»

Но я не сдавался. Кусочек хлеба лежал у меня на ладони. Марк терпеливо ждал, нацелив фотоаппарат.

Наконец самая смелая чайка, кося на меня бусинки глаз, как бы нырнула ко мне в воздухе. Трепеща крыльями, она на секунду повисла возле моей руки, осторожно взяла кусочек и стремительно скользнула прочь. Другие чайки закружились вокруг меня так близко, что я ощущал ветер от их крыльев. Возбужденно гомоня, они требовали свою долю.

— Еще раз! — настаивал Марк, и я так и не понял, кого он просит — меня или чаек.—Еще раз, я прибавлю выдержку!

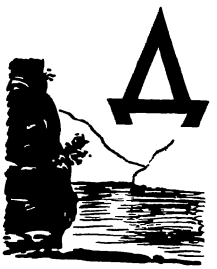
Норвежцы на палубе сдержанно посмеивались. Кормление чаек в фиордах столь же обычно, как у нас кормление голубей на городских площадях.

Как жаль, что хлеб быстро кончился! Я шарил в карманах — ни крошки, лишь несколько ирисок «Золотой ключик». Что ж, попробуем! Только как предлагать птицам новое угощение — в обертке или лучше без нее?

Оказывается, лучше без бумажки. Смелая чайка схватила конфетку, но тут же выронила ее. Однако другая поймала лакомство на лету, не дав ему упасть в море.

Пока не кончился «Золотой ключик», чайки дружили с нами. Потом, обругав нас на птичьем языке за недостаточную запасливость, улетели прочь.

НЕОЖИДАННОЕ СХОДСТВО



Дует холодный, влажный ветер. В плетеных креслах на палубе можно усидеть минут пятнадцать — потом зубы начинают выстукивать дробь. Но уйти в каюту совершенно невозможно: будешь потом жалеть, что не все увидел. И мы бегаем по палубе. Сначала паром плывет как бы в коридоре, закрытом со всех сторон: снизу вода, по бокам — каменные кручи, сверху — крыша из туч, плотно надвинутая на скалы и закрывающая небо. Из этого фиорда судно пройдет в его боковую ветвь, потом повернет в отделившийся от той ветви отросток Гейрангер-фиорда.

В городке Странна паром встречают парни в ярко вышитых свитерах. Они держатся в стороне от принаряженных девушек. Две молодые матери прикатили на причал голубые коляски с младенцами. Все молча смотрят на пассажиров. Моряк с чемоданчиком, приехавший на пароме, чинно здоровается с парнями на пристани и остается проводить судно.

«Гейрангер» отчалил. Толпа на берегу стала медленно таять. Вот так же и у маленьких пристаней на наших реках, на наших небольших железнодорожных станциях. Я тоже бегал когда-то с другими мальчишками на берег реки встречать и провожать пароходы. И всегда было немножко грустно, что едут другие, а не я. Тянет-то на пристань или вокзал не от скуки, не от безделья, а потому что свистки парохода или паровоза зовут путешествовать, смотреть мир. Сердца молодых так отзывчивы на этот призыв!

Я столько читал и слышал о фиордах, так много от них ждал, что, признаюсь, первое знакомство с ними все же немного разочаровало меня. Да, скалы огромны, вода бездонна, верно... Может, полноте впечатления мешают тучи? Но потом я видел фиорды и в солнечные тихие дни. Пожалуй, для них как раз больше подходит хмурая, неласковая погода. Все здесь так грозно, сурово, величественно. Клубящиеся тучи под стать каменным исполинам, недвижная вода, отражая их, темна, как бездна. И чайки белыми хлопьями над чернильной гладью...

Все уменьшается, теряется в фиорде. Встречное судно выглядит речным катером. Но это двухтрубный морской корабль. Фермы на скалах снизу кажутся такими маленькими, что нельзя назвать их даже игрушечными.

Странное ощущение возникло у меня, когда судно скользило возле каменной стены. Мне казалось, что я уже видел где-то раньше эти следы деятельности титанических сил природы, эти возвышающие дух человека картины. Но где?

Да где же, как не в родной моей Сибири! Каньоны Ангары и Енисея — именно они, пожалуй, наиболее близки в нашей стране норвежским фиордам.

Или, может быть, мне это только кажется? Может, я, преувеличивая красоты сибирских вод и скал, уподобляюсь кулику, который свое болото хвалит?

Но потом я вспомнил, что мысль о сходстве норвежской и сибирской природы не нова. Сорок пять лет назад один путешественник, побывав на Енисее, нашел, что здешние скалы напоминают норвежские. Описывая приенисейские деревни, он говорил, что тут «легко было вообразить себя на пристани какой-нибудь деревушки в норвежском фиорде».

Имя путешественника — Фритьоф Нансен.

Великий норвежец писал о Сибири: «...Настанет время — она проснется, проявятся скрытые силы, и мы услышим новое слово и от Сибири; у нее есть свое будущее, в этом не может быть никакого сомнения».

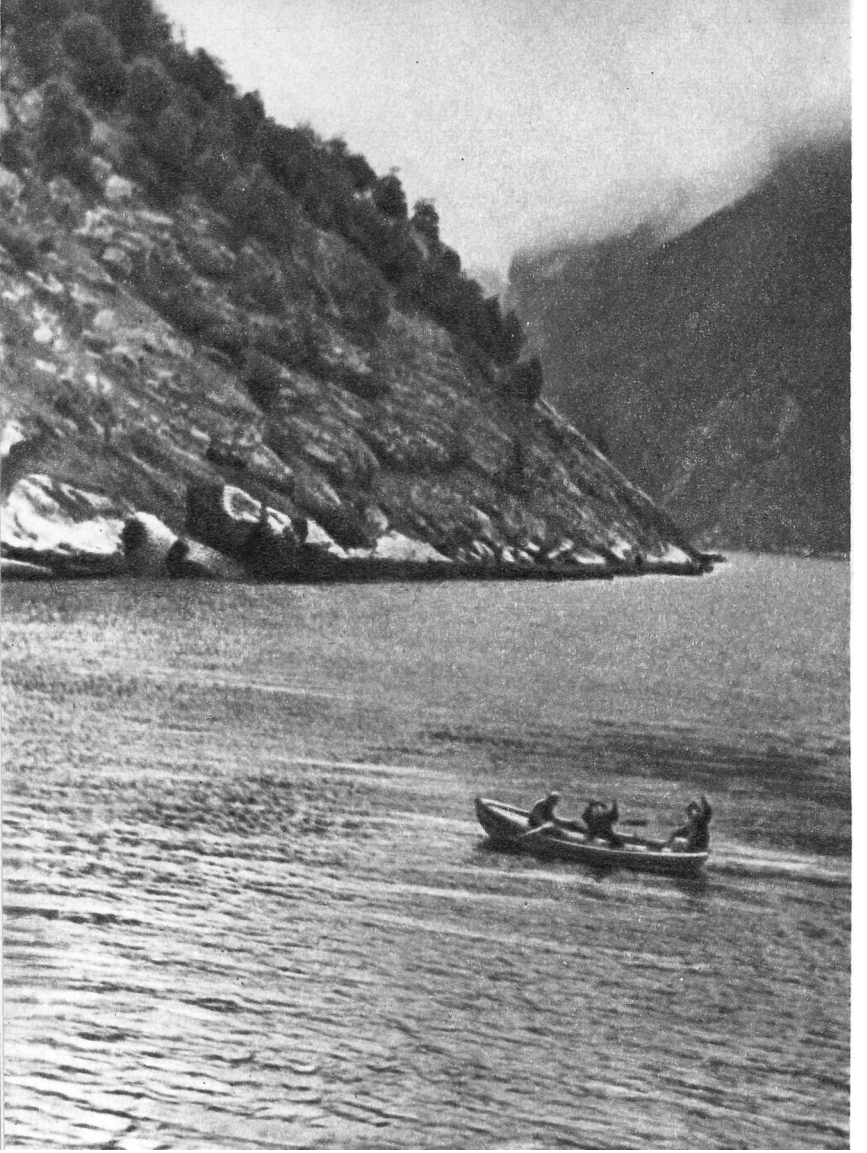
И сама книга, откуда взяты эти строки, названа «В страну будущего».

«СЕМЬ СЕСТЕР»

Мы в узкой щели Гейрангер-фиорда.

Думается, что на скалах над ним не могут жить люди слабовольные, не любящие труд, не умеющие мириться с одиночеством. Вон высоко в горе, возле снегов,— домик. Туда ведет узкая тропинка, знакомая только обитателям хижины. Серые шарики овец едва отличимы от камней, заваливших пастбище неподалеку от хижины. Как, наверное, надоел заоблачным жителям овечий и козий сыр!

В бинокль виден неподвижно стоящий на крыльце хижины человек. Он сверху смотрит на тучи, птиц и туристские суда с чужими людьми. Зимой над его полузанесенным домиком лютуют снежные штормы. Только



Паром высадил пассажирку.

нагроможденные на хижину большие камни не дают ветру сбросить крышу в фиорд.

Зимой обитатель хижины почти отрезан от остального мира. Хорошо, если фермер — смелый лыжник и крутизна склонов не страшит его. Оседа-

лав крепкую лыжную палку и тормозя ею в сугробах, он в снежных вихрях скатится вниз, к прибитому на столбе возле нижней дороги своему почтовому ящику. В лавке рыбацкого поселка он узнает, кто из соседей умер, у кого прибавилось семейство...

Задрав вверх голову, я вижу три дома, пугливо прижавшихся под нависшей скалой. Выступ защищает их: грохочущие обвалы и грозные лавины проносятся над крышами хижин.

Против этих домов паром замедлил ход. От берега к нам подошла лодка с двумя мужчинами. В нее села молодая женщина. Мне показалось, что она неохотно покидала паром... Говорят, многие горные домики связаны телефонами. Но разве может телефон заменить живое человеческое общение?

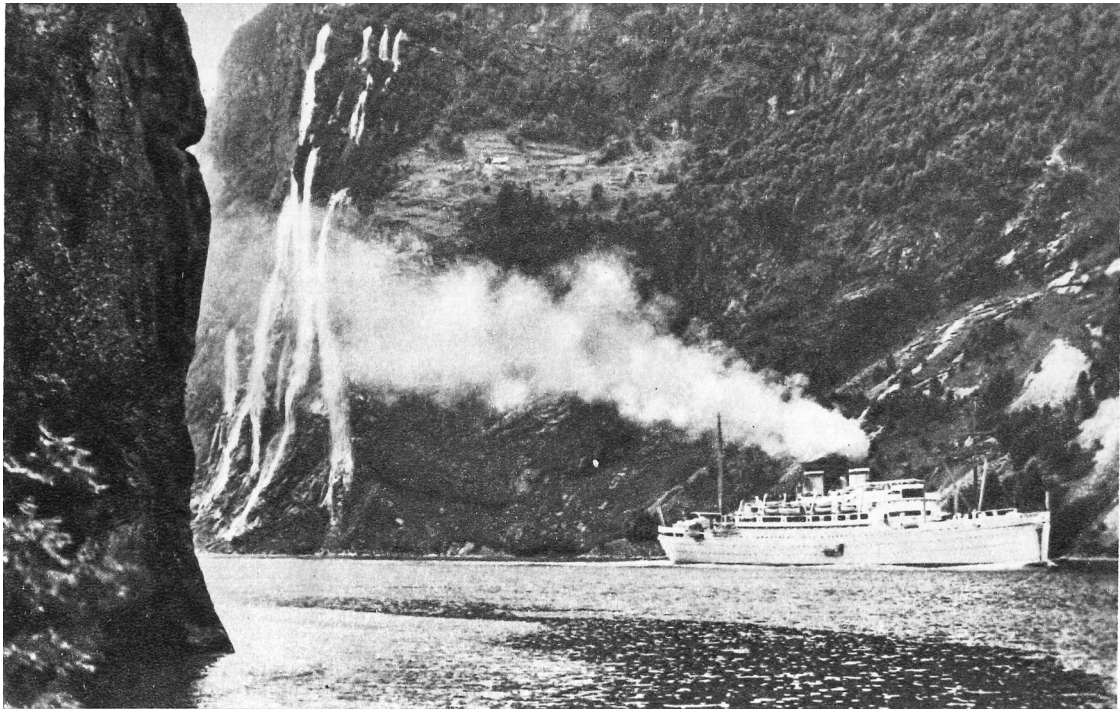
Штурман парома рассказывает по радио о достопримечательностях, встречающихся на пути. Сначала он подробно говорит по-норвежски, потом, короче, по-английски, еще короче — по-немецки. Узнав, что на пароме есть русские, штурман с трудом произносит:

— Хо-ро-шё. Да. Рюски!

Вот и «Семь сестер», ради которых ездят в Гейрангер-фиорд. Это семь водопадов, или, может быть, семь струй одного огромного водопада. Они устремляются с обрыва в фиорд. Две «сестры» совсем тонюсенькие. Их трудно считать полноправными членами этой водопадной семьи.

На другой стороне фиорда клокочет «Жених». Наверное, он сердится, что ему нельзя переброситься через фиорд, чтобы выбрать себе суженую.

«Семь сестер». Белое пятнышко неподалеку от водопадов — ферма. Но где к ней дорога?



За водопадом на отвесном выступе скалы темнеет старый дом. Похоже, что он заброшен.

— Здесь жил один норвежец,— разносит радио голос штурмана.— Он, леди и джентльмены, ухитрялся не платить никаких налогов. Да-да, это преинтересно, позвольте вам сказать. В его дом можно было попасть только по канатной лестнице. Когда приходили налоговые инспектора, господин, живший в этом доме, поднимал лестницу наверх и любезно приглашал гостей вскарабкаться к нему по скале на чашечку кофе. Как именно его ругали инспектора, я, право, не могу вам передать. Но не хочет ли кто-либо из господ пассажиров поселиться здесь, чтобы отделаться от налогов самым простым и вполне доступным способом?

Острота имела шумный успех. Налоги и тут — больной вопрос. Не так-то легко убедить практичного норвежца, что нужно отдавать столько денег на пушки и самолеты. Норвежцу трудно поверить тем господам, которые говорят, что надо бояться русских, вооружаться против русских и быть заодно с бывшими гитлеровскими генералами, принесшими столько горя и России и Норвегии.

СЕРЕБРЯНЫЕ КЛАДЫ МОРЯ

Гейрангер — один из красивейших фиордов страны. Самый же длинный — Согне. Он держит первенство среди не только норвежских, но и гренландских, чилийских, новозеландских, мурманских, новоземельских фиордов. Согне-фиорд протянулся в длину более чем на 200 километров, его глубина превышает километр, а над этой пучиной на столько же вздымаются скалистые берега.

Согне-фиорд иногда называют мрачным. Верно, в его устье горы голы и безлесны, луга болотисты и загромождены валунами. Но в глубине страны Согне светел и ласков, могучие леса украшают его берега. Из узких долин вырываются к фиорду прозрачные речки, и лососи скользят в их холодных струях, сильными прыжками преодолевая небольшие водопады. По берегам, возле ферм, окруженных фруктовыми садами, пасутся козы и неказистые на вид гнедые «фиордовые» лошадки — сильные, выносливые, легко преодолевающие такие подъемы, перед которыми спасуют быстроногие лошади долин.

Было много споров о том, как образовались гиганты вроде Согне-фиорда, посылающего отростки и на север, где медленно ползут самые большие в стране ледники, и на юг, в горную страну, изобилующую озерами. Одни говорили, что это реки когда-то размыли себе узкие долины, ко-

Вечные снега и цветущие яблони...

торые потом заполнились морской водой. Другие считали, что главные виновники появления фиордов — ледники. Сейчас ученые пришли к тому, что над фиордами поработала не одна, а многие силы природы. В трещины, образовавшиеся еще в давние эпохи, сползали ледники, врывались морские волны, с огромной высоты низвергались водопады. Тысячелетие за тысячелетием вода и лед воевали с камнем, и теперь мы восторгаемся результатами их усилий.

К северу от широкого устья Согне-фиорда побережье так изрезано и так скалисто, что некоторые рыбацкие города и поселки выдвинулись от него в море, на более удобные для постройки жилья острова.

Олесунн и Кристиансунн, занявшие острова при устье фиордов, оспаривают с уже знакомым нам Хаугесунном честь именоваться «сельдяной столицей». В гаванях этих двух городов в разгар зимы собираются тысячи рыболовных судов. Они ждут, когда к берегам в теплые воды подойдут для метания икры огромные косяки норвежской сельди.

В удачливый год за три месяца путины норвежцы добывают миллион

тонн этой рыбы — столько, что каждому жителю земного шара можно было бы подать к обеду вкусную, жирную селедку. Но, увы, не так уж много сельди попадает в бочки для засола. Ее везут на фабрики и превращают там в селедочное масло и горы рыбной муки, которой откармливают скот.

Каждый год сети норвежских рыбаков извлекают из морских глубин великое богатство и недаром в народе слагали сказы о чудесных кладах моря, о неиссякаемых запасах живого серебра.

В ДРЕВНЕМ ТРОНХЕЙМЕ

Если бы городам давали пенсии по старости, то Тронхейм был бы первым норвежским кандидатом на ее получение: ему уже немного осталось до перевала ко второму тысячелетию. Этот третий по величине город Норвегии стоит на берегу удобного для судов фиорда; вблизи него есть густые еловые леса и большая плодородная низменность. Не обижен Тронхейм и достопримечательностями: с давних пор сюда съезжались богомольцы, чтобы в древнем соборе Нидаросе поклониться останкам святого Улафа.

Когда вы путешествуете по Норвегии, то часто слышите об этом святом: здесь он проезжал со свитой, здесь останавливался на ночлег... Святой Улаф, или Улав Гаральдсон, был норвежским королем. Он жил в начале XI века и вел кровопролитные войны. В одном из сражений его войска были разбиты. Король нашел приют у русских в Новгороде. Свои дни он закончил не в посте и молитве, а в жарком бою. Почему же его признали святым?

Норвежцы, как вы знаете, долго поклонялись богу Одину. В конце X века король Улаф Первый велел крестить народ. Памятник этому королю, установленный на высокой колонне посредине центральной площади Тронхейма, позволяет предположить, как происходило крещение: в одной руке король держит тяжелый меч, а в другой шар, увенчанный крестом.

То, что начал Улаф Первый, завершил Улаф Гаральдсон. При нем христианская церковь в Норвегии получила большую силу и власть. Она и объявила Улафа святым.

Тронхейм разрезает река Нид-Эльв, замысловатой петлей окружившая его центр. В устье она, пожалуй, больше похожа на наши реки, чем на норвежские: не бурлит порогами, не падает со скал, а мирно струит воды в фиорд. Ее берега — это цепочка причалов и складов, построен-

В Тронхейме не жарко. Наверное, поэтому на киоске с мороженым нарисована для соблазна ребят тропическая пальма...

ных на сваях у самой воды так, чтобы принимать товары прямо из трюма кораблей. Другой стороной склады выходят на бойкую улицу; там они уже «меняют лицо», превращаясь в обычные магазины.

Эту улицу по утрам заполняют рабочие. Они спешат на верфи и заводы, чтобы строить корабли, распиливать бревна, изготовлять станки. В утренней толпе много молодых людей в черных фуражках с четырехугольным верхом и свисающей на шнуре кистью. Это студенты единственного в стране политехнического института — Высшей технической школы.

В норвежские университеты и институты принимают без экзаменов:

достаточно аттестата зрелости. Но тот, кто хочет учиться в Высшей технической школе Тронхейма, должен не меньше года поработать на заводе, прежде чем слушать лекции профессоров. От поступающих в Высшую сельскохозяйственную школу требуется даже трехлетний производственный стаж. В ее коридорах не встретишь краснобая, который свободно толкует о достоинствах разных севооборотов, а в поле не отличит овес от пшеницы.

Жизнь норвежского студента не усыпана розами. Норвежцы излишне не опекают своих детей, не нянчатся с ними, стараются приучать их к самостоятельности. Парень или девушка хочет учиться в университете? Прекрасно! Но пусть они сами содержат себя, не рассчитывая на папин кошелек.

Стипендию получают пять—шесть студентов из ста. А платить надо и за прием в институт, и за то, чтобы пустили заниматься в лаборатории, и за учебники, которые, как и вообще книги, в Норвегии очень дороги. Норвежские студенты залезают в долги не меньше шведских. Мне говорили, что иной молодой инженер восемь—десять лет отдает потом банку пятую или шестую часть заработка.

Норвежских студентов можно встретить летом в ресторанах и отелях — но не за обеденным столом и не на диванах курительной комнаты. Чтобы заработать деньги, они надевают белые куртки официантов.

В гостинице «Викинг», где я жил в Осло, школьники старших классов заменяли отпускников-лифтеров. Ни студенты, ни старшеклассники не испытывали, по-видимому, никакого смущения, занимаясь делом, не требующим знания алгебры или тригонометрии. Любой труд считается в народе более достойным, чем лоботрясничество на деньги богатых родителей.

Как-то я разговаривал с молодым официантом в ресторане. Оказалось, что через два года он станет врачом. Я подумал: «Вот бедняга! Приходится ему целый день бегать с подносом». Потом мне пришла в голову другая мысль: «А так ли это плохо? Уж не сидят ли во мне самом остатки того свинского отношения к людям физического труда, которое было и осталось у аристократов, у никчемных белоручек?»

И я со стыдом вспомнил, что у нас еще можно услышать в столовой или кафе, как развязный юнец, сидя за столом, обращается к немолодой официантке: «Эй, девушка!» — или что-нибудь в этом роде. А разве тот же юнец позволит себе так обратиться к врачу? Или к учительнице?

Из многих студенческих организаций мне особенно понравилось Общество по распространению образования среди взрослых. Студенты за небольшую плату учат вечерами тех, кому почему-либо не удалось окончить школу. Тут и пятнадцатилетние подростки, и их бабушки и дедушки. В газетах писали, что самому старому ученику исполнилось 78 лет, а самой старой ученице — 92 года!

Это один из двадцати тысяч норвежских лесорубов и сплавщиков.

И представьте, даже в столь почтенном возрасте человек может выучить иностранный язык: прилежная бабушка стала немного разговаривать по-английски! Но, конечно, лучше все же учить языки в школе, чтобы потом не садиться за парту вместе с внуками.

В «тылу» Тронхейма — бескрайние еловые леса. Это один из главных районов лесной промышленности страны.

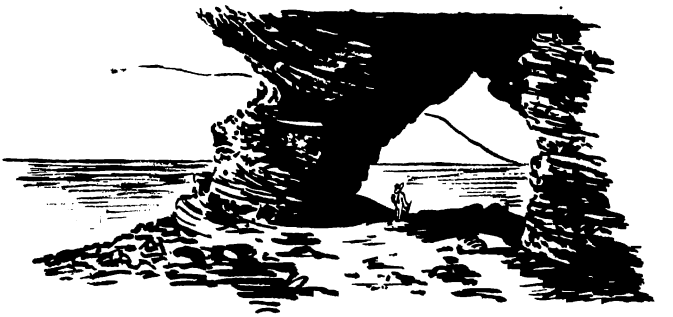
Иногда спорят, что важнее для Норвегии: лес или рыба? С давних пор страна торгует лесом, да и сейчас тридцать тысяч норвежцев заготавливают и сплавляют бревна, десять тысяч норвежцев распиливают их на доски и брусья, двадцать тысяч норвежцев работают на заводах, где богатства леса превращаются в древесную массу, целлюлозу, бумагу. Только в трех странах мира — в Финляндии, Швеции и Канаде — лесное дело занимает еще более важное место, чем в Норвегии.

За Тронхеймом «длинная страна» особенно резко сужается. Она лентой вытягивается вдоль побережья. Здесь с самолета иногда можно увидеть обе ее границы.

От Тронхейма до Северного Полярного круга ближе, чем до Осло. Если бы не теплое течение, это был бы край тундры, карликовых берез и свирепых морозов. Но водяное отопление действует безотказно.

Вдоль побережья пролегает древнейшая морская дорога Норвегии. Паруса кораблей пестрели на ней уже во времена викингов. Теперь это дорога рыбаков.

Она ждет нас.



... К мысу Нордкап

ДОРОГОЙ ПРЕДКОВ

Пассажиры корабля, идущего к северу вдоль норвежских берегов, в один из дней замечают над морским горизонтом на западе странные темно-синие тучи. Они тяжелы и неподвижны, а над ними быстро бегут обычные белые облака.

Но присмотритесь-ка получше. Ну конечно, синеют вовсе не тучи, а скалистые хребты, торчащие прямо из моря.

Это Лофотены.

У Лофотенских островов норвежцы ловят рыбу несколько столетий, а может быть, даже тысячелетий. Кто скажет, сколько отважных нашло здесь могилу в морской пучине!

Небольшой город Свульвер считают рыбацкой столицей Лофотен; но большинство рыбаков на островах — гости, а не постоянные жители. Они приезжают только к зиме, на лов трески.

Легко сказать — «приезжают»! Это на океанских пароходах можно спокойно доехать до Лофотен, но рыбаки-то на них не ездят. Со всего атлантического побережья страны они добираются к островам на легких моторных ботах и парусниках.

Долог путь к Лофотенам! Новички с юга страны успевают освоиться с тяжелой жизнью рыбаков, наслушаться примет, перенять старые обычаи. Еще и теперь парни, с отличием окончившие школу в рыбацком поселке, не рискнут отправиться в плавание на боте или шхуне, о которой суеверные старики говорят, что «на ней творится всякая чертовщина». А какая «чертовщина» — этого никто толком не знает...

Сборы на Лофотены начинаются осенью. В поселках смолят боты, чинят сети. Хозяин суденышка набирает команду, стараясь, чтобы в ней было поменьше новичков. Парни покупают на одолженные у хозяина деньги ярко-желтые прорезиненные куртки или плащи, сапоги с невысокими голенищами, свитер потеплее, цветной платок, который завязывается узлом на шее вместо галстука.

В назначенный день еще затемно зажигаются в хижинах огни. Тяжелые сапоги стучат по камням, блики фонарей отражаются в темной воде фиорда. На берегу вспыхивает костер из водорослей. Это сигнал. Самый старый рыбак поселка выходит вперед и затягивает:

— А-аа! Хо-о! Ооо!

Рыбаки подхватывают, дружно налегают плечами на борта первого суденышка и сталкивают его с берега в воду. Потом второе, третье... десятое...

Женщины, кутаясь на ветру, молчаливой толпой стоят возле берега. Некоторые украдкой вытирают слезы — и разлука тяжка, да и всем ли рыбакам суждено вернуться в родной поселок?

Подняты паруса, застучали моторы. Рыбаки машут зюйдвестками:

— Прощайте! До встречи весной!

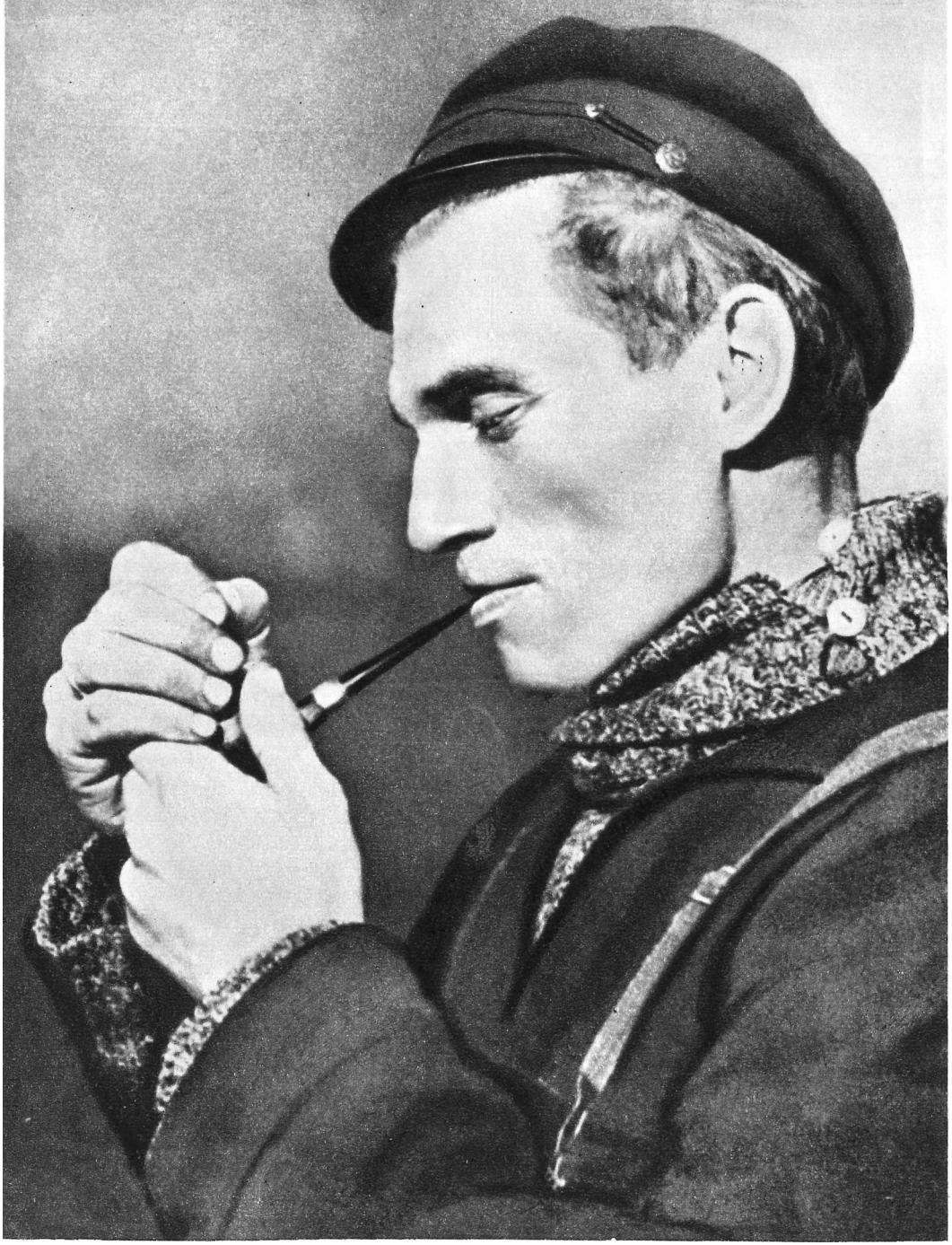
— Удачного улова! — несется в ответ с берега.

Чайки жалобно кричат над фиордом, пламя догорающего костра освещает скалы.

Вдоль каменной стены берега, розовеющей на рассвете пятнами снегов, лавируя среди торчащих из зеленовато-фиолетового моря темных каменных «детенышей», рыбацкие суда идут на север. Хорошо еще, что норвежское побережье прикрыто от штормовых ударов океана цепями островов, но все же рыбакам и тут здорово достается.

Все новые и новые флотилии выходят в море. В стороне от моря желтеет под снегом жнивье ячменя и овса, в густых лесах не умолкает топор, но в прибрежных рыбацких поселках — своя жизнь, свои нравы.

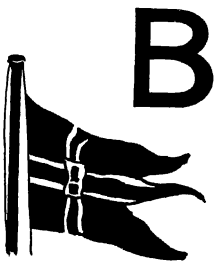
В осеннюю пору, до выхода на промысел, рыбаки предпочитают коротать время в хижинах. Если на море тихо, то в темный час отлива, по их поверьям, на скользком обнажившемся дне бродят утопленники, хватаясь бледными руками за водоросли. Нечего в такую пору ходить по берегу! Да и в «запечную» погоду, когда разгуляется осенний шторм, лучше сидеть в тепле.



А это один из девяноста тысяч норвежских рыбаков.

Но, когда лунная зеленоватая полумгла висит над холодным декабрьским морем, когда ветер воет, словно ища жертву, и, не найдя ее, рвет пенные верхушки волн,— вот тогда-то, в эту злую пору, рыбаки бесстрашно идут наперекор стихии: рыба не ждет погоды!

РЫБА У КРЫЛЬЦА ДОМА



Все дальше на север уходят рыбацкие флотилии. В ранние сумерки лишь проблески далекого маяка да удивительное чутье шкиперов ведут их среди вздымающихся темных водяных гор.

Короток ночной отдых на койках, покрытых шкурами. На рассвете — чашка горячего кофе, пресная лепешка или ломоть хлеба с маслом. Снова долгий день в мокрой одежде, на ледяном ветру. Серое море, мгла тумана, внезапные метели, морозные ночи, опасные шквалы, вырывающиеся из щелей фиордов...

По старой традиции, в Гретопе — последнем порту перед Лофотенами — флотилии скапливаются, чтобы вместе пересекать Вест-фиорд. Раньше рыбаки с юга устраивали здесь потасовки с северянами. Северян дразнят, подражая блеянию козы. Пожалуй, никто не скажет вам, откуда это пошло.

Но какой бы жестокой ни была потасовка, Вест-фиорд всегда мирил вчерашних врагов. Этот широкий и глубокий пролив, отделяющий Лофотены от материка, не совсем правильно называть фиордом. Но дело не в названии, а в штормах, бушующих тут чаще, чем хотелось бы новичкам.

Начинается переправа. Весь фиорд усеян пляшущими на зеленых волнах суденышками. Достаточно неумелого поворота — и бот перевернет вверх дном. Тут уж некогда раздумывать, кто попал в переделку,— твой земляк или незнакомый парень, который здорово «обработал» тебя кулачищами и тяжелой медной табакеркой во время потасовки в Гретопе. Закон моря — спеши на выручку!

Рыбаки идут к полузатонувшему горному хребту с резко очерченными острыми снежными вершинами. Некоторые находят, что высунувшаяся из моря гряда Лофотен похожа на челюсть акулы, усеянную острыми зубами.

Ближе, ближе огни мигалок, ограждающих подводные камни. Долгий путь окончен. Рыбаки пришли к рыбе. Флотилии растекаются по узким заливам, пристают к баракам лофотенских рыбацких поселков. Когда соберутся все суда, можно, перешагивая с палубы на палубу, пройти с одного берега гавани на другой, не замочив подошвы сапог.

Лофотены!

Пока рыбаки отдыхают после дороги, нам нелишне будет узнать, почему они пользуются большим почетом в стране. Дело в том, что маленькая Норвегия ловит больше рыбы, чем другие приморские страны. Только японцы обогнали в рыбном промысле норвежцев. В удачливый месяц норвежские рыбаки вылавливают столько рыбы, что ее хватило бы на обед из двух рыбных блюд всему населению земного шара. Девять китобойных флотилий Норвегии промышляют в полярных водах, обеспечивая стране первое место в мире по добыче китов.

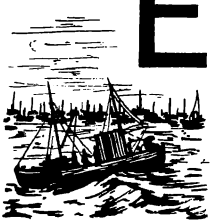
Да, норвежцы умеют пользоваться щедротами моря! Ловят они не только треску и сельдь, но и сайду, макрель, скумбрию, камбалу, тунца и других рыб, а также крабов и омаров. Ловят зимой и летом, на юге и севере. На каждого жителя страны приходится по полтонны выловленной рыбы в год. Норвежскую сельдь и треску покупают многие народы, ее перевозят даже через океан, в Южную Америку. В наших рыбных магазинах норвежская сельдь тоже не на последнем месте.

В Норвегии почти девяносто тысяч рыбаков, но большинство из них, поработав путину на море, возвращаются затем на фермы или нанимаются на рубку леса.

Норвежцы говорят, что рыба приходит метать икру к крыльцу их дома — другими словами, к самому норвежскому побережью. Когда это происходит, приморские поселки кажутся вымершими. На время рыбаками становятся и пастор, и учитель, и врач, и даже полицейский. Все ловят, все торгуют!

Большую часть улова получает хозяин судна; но, по правилам, он должен сам добывать рыбу вместе со всеми. Что касается прибыли, то большую ее часть получает как раз тот, кто не занимается ловом—какой-нибудь скупщик или владелец фирмы, продающий норвежскую рыбу за границу.

ПОСЛЕ ВЫСТРЕЛА



Еще и сегодня мы не все знаем о том, какими путями движется треска в морских просторах. К Лофотенам она приходит для нереста с севера и начинает кружить в прибрежных водах. Треска без термометра определяет, что вот в этом месте вода еще слишком холодна и, пожалуй, лучше поискать другое...

Пока косяки рыбы путешествуют в глубине с места на место, на Лофотенах царит возбуждение. Не думайте, впрочем, что люди суетятся, кричат, без толку бегают по берегу. Это не в характере норвежца. «Рыбная лихорадка» сказывается в той поспешности, с какой

на некоторых ботах снимают рубки, нужные при далеком морском переходе и излишние во время лова рыбы, да еще в том, что люди, ожидая у радиоприемников новостей, пьют больше кофе, чем обычно.

На мачтах ботов, готовых к выходу в море,— зеленые флажки, на мачтах у замешкавшихся — красные. Ни одно судно не имеет права выйти на промысел до сигнала. Заранее расписано, где, каким способом можно ловить рыбу, и никто не должен нарушать правил лова. Нарушителя будут строго судить его же товарищи — рыбаки.

Еще до рассвета начинают тарахтеть моторы: суда постепенно стягиваются к выходу из бухт. Все наготове, шкиперы нетерпеливо посматривают на часы: чего это медлит начальство там, на берегу? Но вот гулко ухает пушка — и тотчас вся флотилия устремляется в море. Бывает, что одно суденышко в спешке заденет другое и шкиперы обменяются несколькими рыбацкими любезностями, в которых выражение «рыжий дьявол» не считается достаточно сильным.

Синие дымки от моторов стелются над морем, белые и коричневые, пропитанные олифой паруса наполнены свежим ветром, сверкают серебром легкие алюминиевые лодки. В разгар лова возле Лофотен толчется до шести тысяч суденышек, на которых промышляют двадцать, а иной год и тридцать тысяч рыбаков.

У них есть верные помощники и разведчики. Это эхолоты.

Штурман стоит возле равномерно тикающего прибора и внимательно следит за его стрелкой. Звук, издаваемый эхолотом, распространяется в воде и отражается ото дна подобно тому, как гора отражает звук в воздухе. Если на пути звука глубоко под водой встретится плотный косяк трески, прибор сразу отметит это очень приятное для рыбаков явление.

Вот стрелка эхолота выводит на ленте давно ожидаемые черточки. У штурмана — опытный глаз.

— Под нами — косяк,— сообщает он по радиотелефону.— Полагаю, что треска идет слоем в шесть метров толщины. Косяк находится на глубине ста метров.

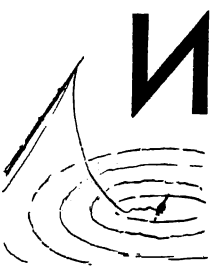
На палубах — оживление. За борт на указанную штурманом глубину опускают тонкие, но очень крепкие нейлоновые шнуры с крючками, на которых наживлена искусственная приманка из пластмассы. Дальше поступают так, как и мы с вами, когда ловим где-нибудь у тихого омута: шнур то немного поднимают, то опускают снова, чтобы там, в глубине, приманка двигалась, возбуждая в рыбе желание побыстрее схватить ее. Внимание! Шнур натянулся. Тут рыбак не зевает — и здоровенная рыбина с серо-зеленоватой спиной, покрытой желтыми крапинами, шлепается на палубу.

Ловят треску не только «на поддев», но и кошельковыми неводами, ставными сетями. Уверяют, однако, что лофотенские рыбаки терпеть не

могут ничего нового. В былые времена они ловили треску леской с одним крючком. Когда же наиболее предприимчивые стали забрасывать в море «джакс» — бечевку с несколькими крючками, то это было объявлено беззаконием, которое «оскорбляет бога, наравне с проклятиями, драками и прочими грехами». Да и сеть тоже не сразу понравилась лофотенским рыбакам.

Что же плохого находят они в новшествах? Правильный ответ я нашел в одной норвежской книге, где говорилось о боязни, как бы новые, более дорогие и недоступные простым рыбакам способы лова не сделали их «рабами бизнеса». Ведь так получилось уже с китобоями. Все они находятся на службе у крупных капиталистических компаний, где заправляют не только норвежские, но также английские и голландские дельцы.

СТОКФИСК и КЛИПФИСК



Иногда несколько дней подряд рыбаки вытаскивают «черные», другими словами — пустые сети, в которых ни разу не блеснет светлое брюхо трески. Потом вдруг повалит косяк за косяком.

Ну, тогда уж за весь день рыбаку и поесть некогда. Да он и не замечает, что голоден. Нервное возбуждение удачи заставляет его забывать обо всем. Долго работают молча, потом с какого-нибудь бота раздается озорное:

— Ку-ка-ре-ку!

Тотчас на других суденышках подхватят кукарекание, и пошла на море петушиная перекличка — верный признак, что дела идут хорошо. Появились у рыбаков эхолоты и радиотелефоны, но старый обычай остался.

Когда по сигналу рыбацкие суда возвращаются в порт, рыбакам еще далеко до отдыха. Рыбу надо готовить на продажу, подрезать ей жабры, чтобы спустить кровь — без крови треска вкуснее,— отрубить голову, вынуть внутренности. Все это — натруженными за день, разъеденными солью руками.

Треска для норвежского рыбака то же, что финиковая пальма для жителя Сахары. Тушки трески замораживаются в свежем виде, солятся или сушатся, из печени получается вкусный жир, кожа идет на разные поделки. Тресковую икру, которая далеко не так вкусна, как у осетра или белуги, консервируют, солят, а часть продают ловцам сардин, которые наживляют ее на крючки для приманки. Головы и

Когда в сетях полно рыбы, у рыбаков отличное настроение!

Это похоже на дерево с длинными густыми листьями. Но вы видите развешанную для приготовления стокфиска треску...

внутренности трески, остающиеся после разделки, перерабатываются на муку для корма скота и на удобрения.

К нам привозят мороженое тресковое филе. Оно очень вкусное, правда? Но с большей частью улова норвежцы поступают так, как делали их предки: я бы сказал, что они... портят хорошую рыбу.

Треску попросту развешивают на деревянные подпорки, предоставляя дальнейшую заботу о ней ветру и солнцу. Провисев таким образом месяца два—три, рыба превращается в нечто жесткое и безвкусное. Ее называют «стокфиск». Но именно такую сушеную рыбу охотнее всего покупают в некоторых странах.

Сбыту стокфиска помогает папа римский, вернее — католическая церковь. Она предписывает верующим католикам поститься немало дней в году. В пост же не полагается есть молочное и мясное. Самым подходящим блюдом для набожного католика церковь признала сушеную треску — что может быть постнее и преснее этой рыбы, провяленной хорошенько на солнце? Испания, Италия и другие страны, где господствует католическая церковь, еще в прошлых столетиях стали главными покупателями стокфиска.

На месте набожных католиков я предпочел бы жевать клипфиск, хотя это тоже не бог весть какой деликатес. Чтобы треска превратилась в клипфиск, ее сначала подсаливают и уже затем сушат. Раньше сушили, расстилая на скалах; теперь делают это в фабричных сушилках. Клипфикс напоминает нашу сушеную воблу, только треска сохраняет при этом свой запах, который не всем нравится.

А вообще-то верно говорят, что на вкус и на цвет товарищей нет. Я, например, никак не мог привыкнуть к макрели, которую норвежцы подсахаривают и жарят в сливках. Мне казалось, что селедку тоже лучше не подслащивать, но мои норвежские друзья с удовольствием ели именно кисло-сладкую селедку.

Как-то в Югославии, на берегу лазурной Адриатики, я разговорился с рыбаками, отдыхавшими после лова. Меня угостили чудеснейшей, нежной рыбой, название которой я, к сожалению, не запомнил. Я ел и не мог нахвалиться.

— Да, рыба у нас хороша,— сказал один из югославов.— Но в Норвегии лучше. Вы пробовали когда-нибудь сушеную треску? Вот это рыба!

И рыбаки зачмокали губами, закивали головой. Мне оставалось только развести руками.

КОГДА НАЛЕТАЕТ ШТОРМ

Море у Лофотен зимой и осенью считается самым неспокойным, самым переменчивым в Европе. Над островами сталкиваются воздушные потоки из Арктики и с Атлантики; погода изменяется часто и резко.

Иногда в туманный день неожиданно наступает жуткая тишина. Рыбаки знают — эти зловещие минуты предшествуют беде. Тут некогда раздумывать. На небольших суденышках пускают в ход ножи, обрезая наполовину вытянутые сети. Скорей, скорей! Пусть пропадает добро, жизнь дороже!

Внезапно тишина сменяется грозно нарастающим ревом. От удара шторма мигом вскипает море. Боты не поворачивают к берегу — там их разобьет о скалы. В шторм беги по воле ветра, думай лишь о том, чтобы судно не залило, не опрокинуло!

Стены волн все выше, грознее. За борт летит улов. Рыбаки едва успевают вычерпывать воду. Клочья пены носятся в воздухе. Небо дымится темными тучами. Стрелы молний гаснут в пучине. Временами хриплые крики врываются в рев ветра: это взывают о помощи рыбаки с затонувших

или перевернувшихся ботов. Сигналы бедствия летят в эфир, в море рыскают спасательные суда, на содержание которых каждый рыбак вносит трудовые деньги.

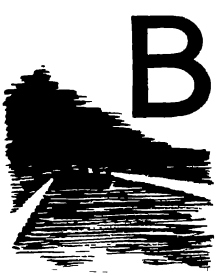
Много историй случается в шторм, и вот одна из них, рассказанная старым рыбаком из Намсуса:

— Ну, нас, значит, опрокинуло. Я нырнул, потом подплыл к перевернувшемуся боту, выкарабкался, держусь за скользкий киль. Ребята рядом цепляются. Считаю — одного нет. Тут мелькнуло в волне что-то вроде куртки. Как я ухватил ее — сам не помню. Тащу. Педер! Парня здорово ударило чем-то, когда бот опрокидывался. Живой, но без сознания, лоб рассечен. Стали его по очереди держать, чтобы волной не смыло. Ну, а какая вода в эту пору, вы сами знаете — лед! Руки одеревенели, зубы стучат. Несет нас куда-то в море, бьет волной... Вдруг вижу сбоку — бот с разорванными парусами. Пронесся мимо, разве на таком ветру повернешь...

Тут ребята совсем обмякли. Похоже, что пришел наш черед погибать. Я хоть и держу Педера, но чувствую, что сил уже нет, что выпущу товарища, отдам морю... Молю бога простить мне великий грех. И потерял я сознание. Очнулся — нет, держу, не разжал пальцы, не выпустил...

Да, не сидеть бы мне с вами, если бы не один рыбак из Ставангера. Парень решился на отчаянное дело: повернул свой бот прямо на нас, пошел, как на таран. Мог бы и свое судно потопить, и команду, да, верно, настоящим моряком родился! В тот миг, когда его бот перескакивал с ходу через днище нашего, матросы похватали нас за волосы. Пятеро парней было на том боте из Ставангера, а нас — шестеро... Пятерых спасли, а шестой... Славным рыбаком был Педер, упокой господи его душу...

СЛУЧАЙ В ОКЕАНЕ



В прежние времена лофотенских рыбаков пуще шторма пугал Мальстрём — гигантский водоворот, образующийся между скалистыми островами во время прилива. Каких только легенд не рассказывали о судах, засосанных в его пучину!

Молодой рыбак вместе с братом рыбачил у Лофотен. Внезапно налетевший шторм понес их шхуну к страшному месту. Сперва судно попало в пояс пены, потом рванулось в пучину Мальстрёма.

Рыбаки в ужасе закрыли глаза. Очнувшись, они увидели, что шхуна скользит внутри громадной воронки. Совершенно гладкие стены воды вра-

щались с неистовой быстротой. При свете выглянувшей из туч луны они отливали блеском полированного черного дерева.

Рядом со шхуной по стенам воронки неслись обломки разбитых бурей кораблей, стволы деревьев, бочки. Те предметы, что кружились ниже, один за другим исчезали — их всасывала пучина.

Страшная развязка неумолимо приближалась. Тут один из рыбаков сообразил, что тяжелую шхуну втянет в бездну быстрее, чем другие, более легкие предметы. Привязав себя к бочонку и намереваясь прыгнуть за борт, он знаками показывал брату, чтобы тот поступил так же. Но у несчастного от ужаса помутился рассудок; он ни за что не хотел выпустить скобу на палубе, в которую вцепился руками. Так он и исчез в морской бездне вместе со втянутой Мальстрёмом шхуной.

Моряк же, привязавший себя к бочке, продержался до тех пор, пока начался отлив и водоворот стал таять на глазах. Вскоре рыбаки подобрали совершенно седого человека, в котором не узнали своего товарища.

Необыкновенные приключения этого норвежца описал американский писатель Эдгар По, обладавший даром воображения и прославившийся своими фантастическими рассказами.

В действительности Мальстрём, образующийся при столкновении течения и приливной волны, вовсе не так страшен, как описывается в старых книгах и легендах. Вероятнее всего, что не водоворот изменился с годами, а человек стал сильнее, поборол страх перед грозными силами природы. Не так давно, и не в фантастическом рассказе, а в газетах был описан случай с норвежским капитаном Роном Хансеном.

Вечером капитан вышел на палубу китобойного судна. В этот миг судно накрыла огромная волна. Она смыла Рона Хансена в океан.

Никто не заметил этого. Все думали, что капитан спокойно спит у себя в каюте. Но, когда он не откликнулся на стук матроса, принесшего только что полученную радиограмму, заподозрили неладное.

Команда стала искать капитана среди бушующих волн. Если бы знать, когда произошло несчастье, как далеко мог уйти от этого места корабль! Правда, и тогда на спасение капитана почти не было надежды, потому что в ледяной осенней воде штормующего океана человек не мог продержаться долго...

Все-таки моряки искали капитана всю ночь. Прожектор непрерывно скользил по волнам.

И вдруг в четыре часа утра моряки увидели что-то белое...

Когда спасательный пояс упал возле Рона Хансена, моряк не заметил его. Капитан, слабо размахивая руками, плыл к кораблю до тех пор, пока не ударился о его борт.

Рон Хансен пробыл в ледяной воде семь часов сорок две минуты — и не сдался. Разве эта быль о человеке с железной волей не сильнее легенд?

В гуще рыбацких судов, промышляющих у Лофотен, время от времени появляются большие корабли. Это рудовозы. С пустыми трюмами они идут через Вест-фиорд к грохочущим причалам порта Нарвика. Здесь составы саморазгружающихся вагонов сбросят им с эстакады шведскую железную руду и умчатся за новой партией груза. Глубоко осев под тяжестью, рудовозы отправятся знакомым путем в немецкие и английские порты.

Морские дороги, пролегающие севернее Лофотен, не знают такого оживленного движения кораблей, какое царит на южных трассах. Эти дороги связывают страну с ее владениями в Северном Ледовитом океане — с архипелагом Свальбардом, который у нас чаще называют Шпицбергеном, а также с островом Ян-Майен, омываемом водами Норвежского моря. Но на всех этих островах живет меньше норвежцев, чем в каком-нибудь из густонаселенных кварталов Осло.

Города норвежского Заполярья тоже далеко не многолюдны. Однако в их бухтах останавливаются на перепутье корабли ледового плавания, идущие из портов Западной Европы в Мурманск, Архангельск, к устьям великих сибирских рек. Рядом с этими большими крепкими судами пароходы прибрежного, или, как говорят моряки, каботажного плавания кажутся не очень-то надежными. Но им ведь почти не приходится бороться со штормами в открытом море.

От Нарвика до Тромсё пассажирский пароход пробирается узкими проливами между островами. Он причаливает возле набережной, над которой колышутся от ленивой волны мачты рыболовных и зверобойных судов. Запахи трески и смолы позволяют бывалому пассажиру без труда определить, чем живет Тромсё.

В здешних магазинах «Все для моря» то и дело открываются двери, пропуская покупателей рыболовных крючков, резиновых сапог, клеенчатых зюйдвесток. В редкие солнечные дни по заборам городка развешивают для проветривания шкуры белых медведей и северных оленей. Погода не балует жителей Тромсё. Как бы назло хмурому небу, готовому сбросить на городок хорошую порцию снега даже в середине лета, его жители украшают окна веселыми светлыми занавесками и разводят огненно-оранжевые ярчайшие герани.

Тромсё — город полярников. Говорят, что его не миновала, кажется, ни одна норвежская арктическая экспедиция. Здесь ледовые капитаны и штурманы собираются на заседания арктического общества, а в арктическом музее можно увидеть и гарпунную пушку новейшей модели,

Летний снег? Но ребят на севере Норвегии он ничуть не удивляет...

Здесь жил Руал Амундсен.

и заржавленные ножи, найденные при раскопках древних поселений русских поморов на Шпицбергене.

Площадь в Тромсё носит имя Фритьофа Нансена: на здешнем рейде «Фрам» бросил якорь перед походом к полюсу, и здесь же в счастливейший из дней Нансен снова увидел свой корабль, благополучно выведенный из ледяного плена капитаном Свердрупом.

Когда тромсёйские рыбаки по утрам идут к гавани, вслед им с постамента на зеленом пригорке у моря смотрит человек, одетый в костюм полярника. У него орлиный профиль, волевое лицо, изборожденное морщинами, глаза, которые как будто видят вдали то, чего не видят другие.

Это памятник Руалу Амундсену, человеку, который, начав с матроса зверобойного судна, к закату жизни стал одним из величайших путешественников начала XX века. Еще до похода к Южному полюсу, о котором вы уже знаете, он участвовал в труднейшей антарктической экспедиции; затем на крохотном суденышке три года штурмовал знаменитый Северо-

Западный проход и сумел пробиться сквозь льды из Атлантического океана в Тихий вдоль северных берегов Америки.

Покорив Южный полюс, Амундсен попытался, подобно Нансену, достичь Северного полюса на вмерзнувшем в лед корабле. Неудача заставила его смело переменить план. Уже не синь морей, а голубой воздушный океан завладел мыслями дерзкого норвежца.

Теперь самолеты летают на Северный полюс и через него довольно часто. Но Амундсен задумал полететь туда в 1924 году. Он начал, как говорили, «состязание в беге с самой смертью», потому что тогда самолеты были еще слабыми, тихоходными, ненадежными.

Едва не погибнув во льдах при первых полетах, Амундсен все же не отступил. Он заменил самолет дирижаблем. 12 мая 1926 года рука, водрузившая флаг на южном конце земной оси, сбросила вымпел с борта воздушного корабля, плывущего в небе над Северным полюсом...

Вернувшись из полета, Амундсен сказал корреспондентам: он сделал все, что задумал, считает свою жизнь исследователя законченной и удаляется в тихий дом на берегу Осло-фиорда, чтобы на покое писать книги.

Мне посчастливилось побывать в этом доме. Тень огромного каштана падает на очень обыкновенную деревянную дачку, приткнувшуюся к замшелым скалам. Никаких резных драконов на крыше, внутри все тоже очень обыкновенно. До потолка можно достать рукой. Спальня хозяина едва ли больше каюты на «Фраме», в ней прорублено небольшое, как корабельный иллюминатор, оконце, выходящее на фиорд.

В этом обыкновенном доме хранится обыкновенный с виду камень, принесенный из похода к Южному полюсу, обыкновенный рупор, в который отдавались команды во время штурма Северо-Западного прохода...

Настольный календарь раскрыт на 11 июня 1928 года. В этот день из шкафа был снова извлечен видавший виды полярный костюм. Руал Амундсен спешил в Тромсё, где его уже ждал самолет. Старый полярник собрался лететь в ледяную пустыню, на помощь команде разбившегося дирижабля итальянской экспедиции.

На рассвете 18 июня 1928 года Амундсен прошел к фиорду через тот зеленый холм, на котором теперь стоит памятник. Гидросамолет «Латам» тяжело оторвался от воды и полетел из Тромсё на север.

Никто не знает, что произошло дальше.

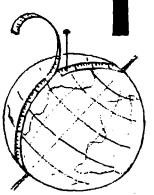
Сначала на земле слышали самолет: Амундсен просил сообщить по радио сводку погоды. Потом связь оборвалась, но одному радисту показалось, что он различает слабый сигнал бедствия...

Уже под осень, после того как советский ледокол «Красин» снял со льдины несчастных итальянцев и затем вместе с тремя другими нашими кораблями безуспешно искал следы Амундсена, рыбаки заметили на волнах странный предмет. Они не сразу догадались, что это поплавок гидросамолета.

А потом море принесло пустой бак из-под бензина. На нем было написано: «Латам».

Это было все, что осталось от самолета, на котором ушел в свой последний рейс Руал Амундсен.

ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ



На севере «длинной страны» легче бороться с великим Окаменителем, чем в заполярных снегах Швеции. У края норвежской земли солнцу помогает все то же теплое течение. Бухты Тромсё и выдвинувшегося еще дальше на север Гаммерфеста не замерзают даже в разгаре зимы.

В те годы, когда я учился в школе, Гаммерфест считали самым северным городом на земном шаре. На его улицах раньше, чем в некоторых европейских столицах, появились электрические фонари, потому что тут они были нужнее: долгую полярную ночь Гаммерфест окутывает полумгла, тягостная для человека.

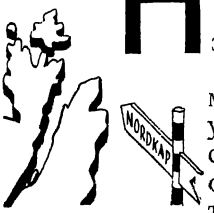
С детства же запомнился мне снимок стоящей в Гаммерфесте колонны с мраморным земным шаром на верхушке. В прошлом веке почти сорок лет подряд русские, шведские и норвежские ученые измеряли часть дуги меридиана, которая начиналась у Черного моря и оканчивалась у Северного Ледовитого океана, здесь, в Гаммерфесте. Они сантиметр за сантиметром промерили поперек всю Европу, и в память их трудов на гранитную колонну подняли земной шар.

Скалы не дали разрастись городу, прижали его к морю, как бы столкнули концы гаммерфестских улиц в воду. С подоконника некоторых домов можно соскочить прямо на палубу просмоленного рыбацкого бота.

Эти боты отдают свой улов «Финдусу». Лучшие дома в городе принадлежат «Финдусу». У «Финдуса» много денег на текущем счету в гаммерфестском банке. «Финдус» построил из серого бетона громаду завода, соперничающего величиной и угрюмостью со скалами, окружающими город. «Финдус» — это компания капиталистов, господствующая на норвежском севере.

В маленьких кафе Гаммерфеста можно встретить не только рыбаков, вернувшихся с лова трески, но и гарпунеров с китобойного судна, стрелков гренландских тюленей, охотников за белыми медведями. Их полная приключений жизнь достойна отдельной книги — и такая книга мастерски написана Фритьофом Нансеном. Вы можете прочесть ее на русском языке. Она называется «Среди тюленей и белых медведей».

МЫС НОРДКАП



Норвегия кончается Нордкапом.

Его каменная масса темной громадой выступает в море. Над ним пылает незаходящее летнее солнце и без умолку кричат птицы. Таинственная даль океана простирается от Нордкапа на север. Стрелка столба на огороженной площадке у самого обрыва показывает точно на полюс.

Нордкап — в переводе «северный мыс». Туристу, приехавшему сюда на пароходе, за недорогую плату выдают красиво отпечатанный диплом. Этот лист картона торжественно удостоверяет, что такой-то бесстрашный путешественник действительно побывал на самой северной точке Европы.

Кстати, в действительности самый северный мыс материка — в стороне. Это мыс Нордкин. Но он некрасив. Туристам больше нравится головокружительный обрыв и массивная громада Нордкапа, хотя им кончается не материк, а остров возле материка.

В наше время путешествие к Нордкапу требует не столько мужества и выносливости, сколько времени и денег. Раньше путешественники проливали семь потов, карабкаясь по каменистым скользким глыбам к вершине. Теперь туда ведет удобная лестница. А можно и в автобусе: сел у пароходного причала, вылез на вершине. Так что дипломом путешественника к самому северному мысу европейского материка особенно гордиться не стоит...

Сверху Нордкап срезан как по линейке. За ним в глубь норвежской земли тянутся причудливые нагромождения скал и безлесные каменистые плоскогорья. В этой горной тундре разбросаны становища саами. Кочевники ставят крытые шкурами или парусиной шалаши там, где могут найти корм северные олени. В деревянных лоханях возле жилищ дубятся в настое березовой коры оленьи шкуры; мальчуганы, играя, арканом ловят друг друга; старый пастух в синей просторной куртке смотрит, чтобы к стаду не подкрался тундровый волк.

Над отвесными скалами кружат мириады птиц. Хлопанье крыльев, крики, гоготанье, стоны, писк, свист — все сливается в оглушительный шум «птичьего базара».

В этот гомонящий мир вторгаются охотники за яйцами и мягким пухом, устилающим гнезда. В туче неистово кричащих птиц, бьющих крыльями, долбящих клювами, смельчак ползет, вцепляясь в малейшие расселины, повисая на руках над бездной. Сорвется ненароком камень — и поминай как звали.

Суровые края, нелегкая борьба за кусок хлеба! Летом — испарения болот, мириады комаров и мошек. Зимой — тьма долгой полярной ночи,

разгоняемая лишь метущимися огнями северного сияния. Таков Финнмарк, полярная окраина страны.

Она соседствует с нашим Мурманом. На другом берегу пограничной реки Паатсо-Йоки поют русские песни. Эту реку скоро перегородят плотинами советских и норвежских гидростанций. Может быть, бетон ляжет там, где осенью 1944 года через порожистую быструю реку переправлялась под огнем наша морская пехота, чтобы прогнать гитлеровцев с севера норвежской земли.

Снаряды рвались в низкорослом лесу на речных берегах, вырывая корни берез из расселин скал. Автоматчики перебегали от валуна к валуну, падали в болота полярной тундры, по грудь в ледяной воде перебредали стремительные потоки.

Гитлеровцы, отступая, жгли все, что могло гореть. Дома на севере — из дерева: поселки пылали, как факелы. Фашисты оставляли за собой голый камень, пепел, трупы расстрелянных патриотов.

Наши воины ворвались в бухту, где стоит город Киркенес. Кто-то сосчитал: во всем городе уцелело двадцать восемь домов. Остальные были сровнены с землей. Норвежцы не встречали освободителей цветами — цветов не было. Люди выходили из темноты железных рудников, где прятались от гитлеровцев, и молча, крепко, долго жали руки нашим солдатам.

Когда Киркенес стали восстанавливать, то на скале поставили памятник советскому солдату-освободителю. Деньги на памятник собрали рыбаки, матросы, учителя, оленеводы. Эти люди прятали наших летчиков, перевязывали раны русских партизан в то жестокое время, когда по распоряжению Квислинга без суда расстреливали за сказанное против гитлеровцев слово.

Осенью 1958 года к нам в Москву приезжал старый норвежский кузнец Рейнгольд Эстрем и его жена Мария Эстрем. Климент Ефремович Ворошилов вручил им ордена Отечественной войны первой степени.

Эти чудесные, сердечные и смелые люди спасли от голодной смерти много советских военнопленных, которых гитлеровцы заточили в лагеря на западном побережье Норвегии. Мария Эстрем ночами уносила из дому свертки с пищей и тайком раскладывала их там, куда гоняли на работу узников концлагеря. Пленные звали ее «норвежской мамой».

Когда «норвежская мама» и старый кузнец вернулись домой из Москвы, журналисты спросили, понравилось ли им в гостях.

— Мы обычные труженики, а были приняты, как королевские персоны,— ответил Рейнгольд Эстрем.

— Много ли друзей осталось у вас в Советском Союзе? — спросили тогда журналисты.

— Двести миллионов,— сказала «норвежская мама».

Слова о дружбе и мире одинаково прекрасно звучат по-шведски,

Мыс Нордкап.

по-норвежски, по-русски. Одно солнце согревает сибирскую тундру, скалы фиордов, подмосковные поля, стокгольмские крыши, украинские степи.

Мы протягиваем руку нашим северным соседям: давайте вместе бороться за мир! К черту войну!

Будем ездить друг к другу в гости, торговать, чем богаты, вместе строить гидростанции, переводить любимые книги, разучивать спригдансы и гопаки, петь про скалы Норвегии, про честные сердца крестьян Даларны, про матушку Волгу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПО СЛЕДАМ НИЛЬСА ХОЛЬГЕРСОНА

СЛЕДЫ НАЧИНАЮТСЯ НА ЮГЕ

Познакомьтесь с Нильсом . . 7
О чем эта книга 9
«Теперь, как и прежде» . . 12
Чья же земля? 14
Ратуша, памятник, собор... . 17
... и замки 19
Четыре десятилетия назад . . 22
Творец «Саги о Фритьофе» . 24
Святой Петр как бракодел . 26
Шведская спичка и «спичечный король» 29

НА ЗЕМЛЯХ ГЁТОВ И СВЕЕВ

Когда ушел великий ледник... . 32
Рейс «Черепахи» 34
Узел морских дорог 37
Три буквы и четыре банка.. . 39
Побережье тысячи островов . 41
Голубая лента 44
Родина сказки 47
Небо и поля овса 50

СЕРДЦЕ ШВЕЦИИ

Многоликий город 53
Флаг над дворцом 55
Здесь заседает риксдаг . . . 57
Шляпа, пробитая пулей . . . 59
В золотом зале 61
Большая забастовка 64
«Да, налоги высоки, но...» . 65

Город просыпается 68
Город спешит на работу . . 71
Город работает 74
Город развлекается 77
Мост Вестербру 80
После звонка на перемену . . 84
Не по учебнику религии... . . 88
Музей без стен и крыши . . 89

К ЦАРСТВУ ВЕЛИКОГО ОКАМЕНИТЕЛЯ

Король ботаников 95
Белые фуражки 98
Реки-соперницы 100
Восемь загадок 102
Синее око Даларны 105
В ночь летнего солнцестояния . 107
Сон Нильса 110
Хозяин лесов 112
Памятник над пучиной . . . 115
Меж железных гор 116
Разговор за круглым столом . 119

У СИНИХ ФИОРДОВ

НА БЕРЕГУ ОСЛО-ФИОРДА

В гости к норвежцам . . . 125
На улицах Осло 126
«Норвегия благодарит вас» . 130
Шелк и лед 133
Молот, стучащий в сердца . . 136
Корабли викингов 138
Сами викинги 140
Кто же открыл Америку? . . 143
Восток и Запад 145
С субботы на воскресенье . . 147
Спасатели душ 148
Последняя стоянка «Фрама» . 152

ПОПЕРЕК «ДЛИННОЙ СТРАНЫ»

Кое-что о Телемарке 156
Почему норвежцы празднуют день 17 мая? 158
Мы поем... 160
«Норвежский образ жизни» . 163
Кристин, дочь Лавранса . . 167
К водоразделу 168
Слишком много водопадов . 171
Двенадцать больших пальцев . 173
Фьелли и видды 176
На сэтере 178
Дорога, которую можно купить и продать 183
В центре горного мира . . . 186
Словоохотливые медведи . . 187
Разговор со сказочным концом 191

ОТ МЫСА ЛИННЕСНЕС...

«Южная страна» 196
Там, где складывают «стев» . 198
Если бы вдруг повернул Гольфстрим 200
Всегда ли в Бергене идет дождь? 202
Здесь жили ганзейцы 204
Во все моря мира 206

Два норвежских языка . . . 208
Детство Эдварда Грига . . 210
«Западная страна» 213
Чайки и «Золотой ключик» . 215
Неожиданное сходство . . 218
«Семь сестер» 219
Серебряные клады моря . . 222
В древнем Тронхейме . . . 224

...К МЫСУ НОРДКАП

Дорогой предков 229
Рыба у крыльца дома . . . 232
После выстрела 234
Стокфиск и клипфиск . . . 236
Когда налетает шторм . . . 239
Случай в океане 240
Роковой полет 242
За Полярным кругом 246
Мыс Нордкап 247

Для среднего и старшего возраста

Кублицкий Георгий Иванович

ПО СЛЕДАМ НИЛЬСА ХОЛЬГЕРСОНА

Ответственный редактор
Г. В. Малькова

Художественный редактор
Н. Г. Холодовская

Технические редакторы
Н. В. Сучкова и *З. В. Тишина*

Корректоры
Т. П. Лейзерович и *З. С. Ульянова*

Сдано в набор 22/I 1959 г. Подписано к печати 11/VIII 1959 г. Формат 72×92¹/₁₆ — 16 печ. л.=18,67 усл. печ. л. (17,58 уч.-изд. л.). Тираж 30 000 экз. А03986. Цена 6 р. 25 к.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Полиграфкомбинат, г. Калинин,
проспект Ленина, 5.
Заказ № 48.

К ЧИТАТЕЛЯМ

ОТЗЫВЫ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ: МОСКВА, Д-47, УЛ. ГОРЬКОГО, 43, ДОМ ДЕТСКОЙ КНИГИ.

В Государственном издательстве детской литературы Министерства просвещения РСФСР в 1959 году выходят следующие научно-художественные и научно-популярные книги по географии:

СБОРНИК — Русские путешественники

ГАВЕМАН А. — Лес

ИЛЬИН МИХ. — Воспоминания юнги Захара Загадкина

ДАВЫДОВ Ю. — Капитаны ищут путь

КАРМЕН Р. — По Индии

ЧУКОВСКИЙ Н. — Водители фрегатов

ВИЛЛИС В. — На плоту через океан

ХЕЙЕРДАЛ ТУР — Аку-Аку

Спрашивайте эти книги в школьных и районных библиотеках.

Цена 6 р. 25 к.